

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П. И. Артюх, д-р полит. наук, профессор; **Ю. А. Бабинов**, д-р филос. наук, профессор;
Е. Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент; **А. А. Ирхин**, д-р полит. наук, доцент; **А. В. Казначеев**, д-р
ист. наук, профессор; **М. Н. Козлов** (редактор отдела исторических наук), д-р ист. наук, профессор;
М. С. Колесов, д-р филос. наук, профессор; **А. В. Миронов** (редактор отдела философских наук), д-р
филос. наук, доцент; **Д. Г. Сидорук**, д-р ист. наук, профессор; **Е. В. Скребец** (редактор отдела
политических наук), д-р полит. наук, доцент; **А. А. Чемшит**, д-р полит. наук, профессор

Ответственный секретарь:

В. Р. Шадрин

Пятый выпуск сборника научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития»
рекомендован к печати Ученым советом ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный
университет» 3 июля 2017 года (Протокол № 45)

Полные тексты Сборника размещены в Научной Электронной Библиотеке – **eLIBRARY.RU**
(РИНЦ): <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=58369>

Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во
образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ.
ред. Е. Н. Максимовой ; [сост. и оформ. В. Р. Шадрин ; ред. англ. яз. А. С. Свистунов].
— Вып. 5. — Севастополь : СевГУ, 2017. — 94 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия. Текущий выпуск содержит работы по социальной философии и историософии, философии религии и религиоведению, внутренней политике, краеведению.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437

СОДЕРЖАНИЕ

Краеведение

Коваленко В. В. Севастополь начала XIX века глазами братьев Броневских	4
Максимова Е. Н., Гарас Л. Н. Чтение как социокультурный феномен современности	11

Социальная философия

Ткаченко Р. В. Антропологические аспекты философии постмодернизма.....	16
Миронов А. В. Моральный регулятор социальной коммуникации в интерпретации проблемы социального одиночества.....	22

Историософия

Коркишко А. П. Новый старый облик историцизма	27
Коваленко В. В. Историческая память: сущность, основные формы, роль в обществе	35
Филатов А. С. Культура человека, общества и пространства	38

Философия религии и религиоведение

Жиртуева Н. С. Католическая мистика в контексте компаративного анализа мистических традиций мира.....	45
Козлов М. Н. Род – прародитель богов.....	56

Внутренняя политика

Габриелян А. М. Формирование языковой политики в сфере среднего и высшего образования Крыма.....	62
Марецкая Н. А. Языковая политика в Крыму: анализ русскоязычной блогосферы	68
Севостьянова И. Е. Основные направления политики государства в сфере информационно-аналитического обеспечения деятельности судебной системы.....	75
Скребец Е. В. Особенности законодательного проектирования выборов Губернатора Севастополя	82
Шевченко Р. И. Языковая политика в Крыму: сравнительный анализ украинского и российского опыта (по материалам законодательных актов)	87

КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 908(1-924.71)

Описан период службы на Черноморском флоте братьев Броневских, исследуются их воспоминания о Крыме и Севастополе 1810-х годов.

Ключевые слова: Александр Броневский, Владимир Броневский, Дмитрий Броневский, Семен Михайлович Броневский, Роман Романович Галл, Элизабет Кравен, Павел Иванович Сумароков, Севастополь, Феодосия, Черноморский флот, русско-турецкая война 1806-1812 годов, война с Наполеоном, 75-й корабельный экипаж.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlenco.vitalij@yandex.ru

СЕВАСТОПОЛЬ НАЧАЛА XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ БРАТЬЕВ БРОНЕВСКИХ

В 1811 году на Черноморский флот для прохождения службы прибыли братья Броневские – лейтенант Владимир, мичманы Александр и Дмитрий. Родились они на Смоленщине, в многодетной семье отставного гвардии прапорщика Богдана Михайловича Броневского, выходца из обрусевшего польского шляхетского рода. Семеро его сыновей получили военное образование, четверо из них дослужились до чина генерала. В их числе – два из трех братьев Броневских, служивших на Черноморском флоте – Владимир и Дмитрий. Их воспоминания о жизни в Севастополе представляют определенный интерес для исследователей.

Старший из братьев, 27-летний Владимир Богданович, по окончании в июне 1802 года Морского кадетского корпуса плавал по Балтийскому и Северному морям на фрегате «Счастливый». С 1805 по 1810 годы служил в эскадре вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, направленной из Кронштадта в Средиземное море. Отличившийся в сражениях на море и на суше, получивший тяжелое ранение в боях за остров Тенедос, молодой офицер был награжден орденом Святого Владимира 4 степени и произведен в лейтенанты [12, с. 457-458].

После окончания боевых действий русские корабли, находившиеся в Средиземном море, были проданы правительством Александра I французам по символической цене. Команды добирались на родину по суше. Владимир Броневский провел в дороге через Австрию, Венгрию и Польшу полтора месяца. Свои впечатления он описал в книге «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году» [5], содержащей уникальные сведения по культуре, этнографии и фольклору южных и западных славян начала XIX века.

Вернувшись на родину, Владимир Броневский получил отпуск для излечения ран, а затем назначение на Черноморский флот. Вместе с братом, 17-летним мичманом Александром, выпускником Морского кадетского корпуса, он попал на линейный корабль «Победа» [12, с. 458], под командование опытного моряка, капитана 2-го ранга Анастасия Эммануиловича Палеолога [20, с. 73].

16-летний мичман Дмитрий Броневский, также выпускник Морского кадетского корпуса, получил назначение на линейный корабль «Правый» [12, с. 459], спущенный на воду в июле 1804 года [20, с. 109]. Командиром на нем был капитан 2-го ранга Юст (Петр Андреевич) де Додт, датчанин, поступивший в 1806 году на русскую службу. Обладавший редким бесстрашием, он отличился во многих сражениях, в том числе за остров Тенедос и взятии крепости Сухум-Кале [6, с. 557].

Шла русско-турецкая война 1806-1812 годов. Обязанности Главного командира Черноморского флота и портов Черного моря с февраля 1811 года исполнял вице-адмирал Роберт (Роман Романович) Галл [16, с. 177-178]. Под его началом были три 110-пушечных корабля, пять 74-пушечных и два 66-пушечных, один фрегат и один бриг, а также несколько более мелких судов [7, с. 226].

Летом 1811 года линейные корабли «Победа» и «Правый» находились в море у неприятельских берегов в составе эскадры под флагом адмирала Р. Галла. Дмитрий Броневский в своих воспоминаниях писал: «Флот... вышел, как в формуляре моем написано, «для поисков и поражения неприятельского флота». Турецкого флота мы нигде не встретили, хотя 1^{1/2} месяца бороздили Черное мо-

ре. Видели Варну и оттуда спустились к Анатолийскому берегу» [6, с. 558].

Пленив два турецких судна – фрегат и корвет, эскадра возвратилась в Севастополь в начале осени. Боевые действия на Черном море практически прекратились. Турция терпела тяжёлые поражения на Дунае и вела войну из последних сил. Российское правительство также склонялось к прекращению боевых действий, зная о враждебных намерениях Наполеона Бонапарта.

Владимир Броневский, по возвращении эскадры в Севастополь, был отправлен в командировку в Херсон [6, с. 561]. Его младшие братья несли дежурство на своих кораблях. Для них наступили трудные времена. Дмитрий Броневский вспоминал: «С возвращением флота в Севастополь нужда неумолимая заглянула ко мне. Во время похода порционные деньги, по 25 руб. в месяц, обеспечивали меня пищею; с возвращением в порт, порции прекратились; жалованья тогда я получал 250 р. (разумеется, ассигнациями, тогда на серебро не было счета) в год. ... Припасы к столу хотя не дорожки были, но и на то я не имел средств; квартира в городе тоже была не по карману. Мы решили с братом жить в корабельной бухте, где нашли себе мазанку. В корабельной бухте удобно было жить потому, что корабли и казармы экипажа были близки, и притом залив корабельной бухты доставлял припасы к нашему столу: матросы ловили нам устриц, а сами мы удили рыбу, которой там такое изобилие было, что в несколько часов наловим столько ее, что некуда девать ... Я долго боролся с нуждою и после описываемого мною времени, но такой, как была в Севастополе, никогда не бывало. С ужасом смотрел я на изнашивающиеся сапоги, потому что ясно видел, что нечем их заменить. Благодарю Бога, что детям моим не привелось испытать подобных лишений: всю тягость их может понимать только тот, кто их испытал на себе» [6, с. 558-559].

В этой непростой ситуации подлинным праздником для братьев стал приезд в Севастополь их родного дяди – Семёна Михайловича Броневского. Видный администратор и дипломат, он полтора десятилетия служил на Кавказе. Затем получил назначение на должность директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел. В 1808 году Семен Михайлович стал губернатором Феодосии, выделенной ранее в отдельное градоначальство и объявленной порто-франко.

В этой должности Семен Михайлович Броневский, как действительный член Общества Истории и Древностей Российских, много сделал для сохранения памятников Крыма. Благодаря ему в 1811 году в Феодосии был открыт Музей древностей, ныне Феодосийский краеведческий музей [14, с. 9]. Губернатор объездил весь полуостров в поисках экспонатов для своего любимого детища.

Дмитрий Броневский вспоминал: «Осенью (1811 года – *В. К.*) приезжал в Севастополь дядя Семен Михайлович для осмотра развалин древнего Херсона. В Феодосии тогда устраивался музей для древностей Крыма, по проекту дяди моего, бывшего тогда градоначальником Феодосии. Не знаю, что теперь случилось с развалинами Херсона, но тогда матросы таскали из него все, что годилось в постройку дома. ... Между грудями мусора иногда попадались там и такие предметы, которые имели право быть сохраняемы в музее; так и в эту поездку дядя отыскал несколько обломков древних греческих статуй, которые и отправлены были на военном транспорте в Феодосию. Адмирал Галл дружески принял дядю моего, и по этому случаю и мы с братом пользовались некоторым вниманием адмирала» [6, с. 559].

В декабре 1811 года с мичманом Дмитрием Броневским произошло чрезвычайное происшествие. Сменившись с дежурства, он с группой матросов отправился в город на катере. «Ветер был довольно свежий, холоду, однако же, не было; на рейде стояло несколько судов и в том числе фрегат, кажется, «Амфитрида», под командою капитан-лейтенанта Беллинсгаузена, теперь адмирала и командира Кронштадтского порта. Катер мой стрелою летел по заливу, и я то спущусь под корму фрегата, то пролечу у него под носом. Бывшие на фрегате офицеры, из которых были и товарищи мои, аплодировали моим подвигам. ... Поворачивая катер у мыса «Преображения», в ту критическую минуту поворота, когда паруса переносятся, вдруг из-за мыса дунул такой сильный ветер, что паруса положило на мачты, и катер бросило на бок, так что вода в него влилась, и он уже не мог встать. Когда меня с 10-ю моими матросами выкинуло из катера, то первою моею мыслью было плыть к берегу, – отплывая, слава Богу, что недалеко, – я почувствовал тягость намокшей одежды, вовремя убедился, что не доплыву до берега, и потому воротился к катеру и при помощи матросов, сидевших на наружном боку катера, взобрался на него» [6, с. 559-560].

Несколько матросов, хороших пловцов, благополучно доплыли до берега, однако один из них утонул. С корабля видели попавших в беду моряков и послали катер для их спасения. Дмитрий Броневский пишет: «На фрегате мне дали сухую одежду, напоили чаем и отправили на квартиру. Эта зимняя ванна была для здоровья моего без всяких последствий, но я опасался ответственности за безрассудность мою и особенно за смерть матроса. Действительно, чрез несколько дней

я получил приказание явиться к адмиралу. Можно представить себе, с каким замиранием сердца шел я к командиру своему?» [6, с. 560-561].

Адмирал Р. Галл принял провинившегося мичмана сверх ожидания весьма милостиво. Сказав, что «получил от дяди нашего письмо, в котором он просит отпустить нас к нему на 28 дней, и что он, с своей стороны, охотно соглашается на этот отпуск и дает на наш произвол ехать в Феодосию или на транспорте, который скоро туда отходит, или сухим путем. А о беде моей сказал, что он сожалеет о случившемся со мною и уверен, что на будущее время я буду осторожнее» [6, с. 561].

Дмитрий и Александр Броневские выбрали сухопутный путь и уже через несколько дней были в гостях у дяди. «О! как нам хорошо было в Феодосии! Все нас ласкали, придумывали различные развлечения для нас. У дяди были положенные дни, у некоторых из служащих чиновников и зажиточных жителей также назначались вечера, и мы с братом от одного удовольствия переходили к другому ... Погостив у дяди и навеселившись досыта, мы с запасом прекрасного турецкого табака приехали в Севастополь. Это уже было в марте месяце 1812 года. Вскоре на вновь построенном корабле в Херсоне прибыл брат Владимир Богданович, и с этой минуты начинается улучшение в моем положении» [6, с. 561].

16-го мая 1812 года был заключен мир с Турцией. Черноморский флот временно подчинили главнокомандующему Дунайской армией адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову. С началом нашествия Наполеона он пожелал иметь у себя в армии моряков, и ему было Высочайше разрешено вызвать с Черноморского флота 75-й корабельный экипаж. Командовал им командир линейного корабля «Правый» капитан 2-го ранга П. А. де Додт.

И вновь передаем слово Дмитрию Броневскому, чьи воспоминания являются важным источником по участию моряков-черноморцев в войне с Наполеоном: «Тогдашний экипаж состоял из 404 нижних чинов и разделен был на четыре роты, следовательно, представлял собою на земле небольшой батальон. До того времени строевая служба во флоте еще не была введена, и потому первым делом было обучить нас пешему строю. Откинув старых матросов, мало способных к строевой службе, и вместе с ними старых лейтенантов и пополнив из других экипажей недостаток, нам из 3-го Морского полка дали ружья и бесчисленное число учителей. В два месяца выучили нас делать несколько построений батальоном и обращаться пристойно с ружьем. Таким образом, подготовленный экипаж для войны на суше был посажен на два транспорта и отправлен в Одессу. В Одессу нас не пустили – там открылась чума, взявшая столько жертв и потом появившаяся в Крыму. Из Одессы мы отправились к устью Днестра, где и высажены были в 15-ти верстах от Аккермана. На транспорте, по недостатку офицеров, мне юноше-мичману довелось командовать вахтою. Я и не подозревал, что это первое мое командование на морском судне было вместе и последним. ... 1-го сентября небольшой переход в 15 верст, до Аккермана, мы сделали с удовольствием, где и передневали. На дневке получено было повеление идти форсированным маршем на соединение с армиею, которая в это время, перешла Днестр и спешила на соединение с армиею Тормасова, теснимого превосходным неприятелем» [6, с. 561-562].

В составе флотского экипажа Дмитрий Броневский дошел в пешем порядке до реки Березина. В начале 1813 года он в чине прапорщика был включен в состав Дерптского конноегерского полка. Дальнейшая воинская служба Дмитрия Броневского довольно успешно проходила в кавалерии. В 1838 году он был произведен в генерал-майоры, спустя два года стал директором Императорского Царскосельского лицея и еще через десять лет был удостоен чина генерал – лейтенанта [15, с. 361].

Связь семьи Дмитрия Богдановича Броневского с Тавридой, где на даче под Феодосией жил до своей кончины в декабре 1830 года дядя, Семен Михайлович, не прерывалась. В крымской земле обрел последнее пристанище сын генерала – Дмитрий Дмитриевич, выпускник Царскосельского лицея. В начале XX века вышла книга «Некрополь Крымского полуострова». Составитель её, В. И. Чернопятав собрал надгробные надписи с кладбищ Керчи, Судака, Старого Крыма, Феодосии, Алушты, Гурзуфа, Ялты, Алупки, Бахчисарая, Севастополя, Симферополя, Евпатории. В разделе, относящемся к Алуште, содержится запись: «Статский советник Дмитрий Дмитриевич БРОНЕВСКИЙ; скон. 17 марта 1903 г., 74 лет от роду» [19, с. 53].

Александр Богданович Броневский, единственный из трех братьев, прибывших в Севастополь в 1811 году, всю свою офицерскую службу провел на Черноморском флоте. В начале 1816 года он был произведен в лейтенанты. В 1821-1822 годах командовал корветом «Або», затем шхуной «Севастополь» и транспортом «Ревнитель». В 1826 году получил чин капитан-лейтенанта, отличился в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. Был награжден орденом Св. Владимира 4 степени и золотую саблю «за храбрость» [12, с. 455].

В 1831 году Александра Броневского произвели в капитаны 2 ранга. Почти десять лет еще он командовал различными судами, в том числе новейшим 86-пушечным линейным кораблем «Память Евстафия». Затем наступило время службы на берегу. В 1840 году Александра Броневского произвели за отличие в полковники с назначением комиссионером в город Таганрог и состоянием по ластовым экипажам [12, с. 456].

После Крымской войны 1853-1856 годов общественное возмущение обрушилось на работников тыловых служб. В апреле 1856 Александр Броневский был «разжалован в рядовые, с лишением дворянского достоинства, за растрату казённых сумм, и за употребление в свою пользу казённого имущества» [12, с. 456]. Судя по дальнейшему ходу событий, наказание было несоразмерным вине.

В 1859 году Александр Броневский был произведён в прапорщики 4 ластового экипажа, находившегося в Севастополе и частично в Николаеве. Спустя пять лет, по «возвращении прежнего чина полковника и права потомственного дворянства», он был уволен от службы [12, с. 456]. Дата и место смерти Александра Богдановича Броневского пока неизвестны.

Его старший брат, лейтенант Владимир Броневский, во время войны с Наполеоном продолжил службу на Черном море. На линейном корабле «Победа» в августе 1812 года он принимал участие в переброске войск из Анапы в Севастополь. В 1813 году был назначен командиром брига «Лаврентий» [12, с. 458], спущенного на воду в Херсоне осенью 1807 года и, после окончания войны с Турцией, стоявшего на брандвахте в Феодосии [21, с. 105].

С 1814 года лейтенант Броневский командовал люгером «Экспедицион», который нес крейсерскую службу в Черном море [12, с. 458]. Задача корабля состояла в преграждении подвоза оружия с моря в горы Кавказа и «вывоза тем же путем в Турцию невольников и невольниц» [7, с. 230]. Флотская служба Владимира Броневского, более половины которой прошла в военных компаниях, подходила к концу. В 1815 году на транспорте «Рион» он совершил последнее плавание – переход от бухты Глубокая пристань близ Херсона до Севастополя [12, с. 458].

В это время в Севастополь из Феодосии в очередной раз приехал Семен Михайлович Броневский. Он предложил племяннику, давно мечтавшему совершить поездку по Южному берегу Крыма, присоединиться к его свите, состоявшей из шести чиновников, одного переводчика, трех слуг и двух казаков [3, с. 4]. Владимир Броневский охотно согласился. Свои впечатления о путешествии он описал в книге, впоследствии изданной в Туле. В этом городе он обосновался спустя несколько лет после выхода в 1816 году в отставку по болезни в чине капитан-лейтенанта, с награждением орденом Святого Георгия 4-го класса за 18 морских кампаний.

В 1818-1819 годах в ряде журналов Владимир Броневский публикует отрывки из «Записок морского офицера», явившихся его литературным дебютом. Полностью книга выходит одновременно отдельным изданием в Санкт-Петербурге [1]. «Записки» повествуют о военной кампании на Средиземном море в 1805-1810 годах и основаны как на воспоминаниях Броневского, так и на официальных документах, предоставленных ему по предложению видного государственного деятеля адмирала Александра Семеновича Шишкова [9, с. 63]. Книга получила многочисленные восторженные отклики читателей и критиков и принесла автору широкую известность.

С 1819 года Владимир Богданович Броневский служил инспектором классов в тульском дворянском Александровском военном училище. В мае 1822 года за отличие он был награждён орденом Св. Анны 2 степени и произведен в подполковники, в июне 1826 года – в полковники [22, с. 138]. Во время жизни в Туле Владимир Богданович публикует «Письма морского офицера», являющиеся дополнением к «Запискам» [4]. В 1822 году выходит отдельным изданием «Обозрение Южного берега Тавриды. В 1815 году».

Автор начинает книгу с описания Севастополя, о котором отечественному читателю в это время было мало что известно. На русском языке ему доступны были лишь два источника, содержащие краткие сведения о городе. В 1795 году вышел перевод записок Элизабет Кравен о её путешествии в Крым и Константинополь в 1786 году [10]. Наблюдательную англичанку во время пребывания в Севастополе, судя по всему, интересовал не столько сам город и его обитатели, сколько достоинства базы военного флота:

«Пристань вдоль по берегу моря между двумя такими высочайшими горами простирается, что «Слава Екатерины», самый большой корабль в Российском флоте, который стоит здесь на якоре, за нею не виден; потому что берег выше флюгера, привязанного на конце главной мачты. Место это так глубоко, что корабль едва достаёт до дна. Европейские флоты могут быть в безопасности от бурь и неприятеля в гаванях, и в таких натуральных пристанях, которых здесь очень много. Довольно бы было двух батарей, которыми можно укрепить устье с одной стороны, чтобы потопить те ко-

рабли, которые осмелились бы в них пройти» [10, с. 301-302]. Далее следует изложение мечты о том, «чтоб английское селение завело здесь фабрики моего отечества. Оно обогатило бы эту страну, основало бы на этих берегах безопасную и знатную торговлю» [10, с. 304].

Чиновник и литератор Павел Иванович Сумароков первый раз побывал в Севастополе в 1799 году. Город тогда не произвел на него особого впечатления: «Бухты придают Ахтиару приятный вид; но, впрочем, «местоположение его единообразно и некрасиво» [18, с. 113]. Павел Иванович насчитал две церкви – русскую и греческую, без «казарм 741 дом, притом 86 лавок», которые «сделаны с весьма малою издержкою из остатков древнего и именитого Херсонеса» [18, с. 113]. Он отметил достоинства местных бухт, тот факт, что население города составляет «гарнизон, морские батальоны, матросы и другие команды», а обывателей самое небольшое количество [18, с. 113-114], а также чрезмерную дороговизну товаров в лавках [18, с. 115].

В 1802 году, будучи членом Комиссии по спорам о землях в Крыму, Павел Иванович Сумароков вновь посетил Севастополь, на этот раз явно в более хорошем настроении. Обращаясь к неким «тщеславным народам», он воззвал: «Взгляните на сей обширный хороший град; на сии красивые здания, и на сей многочисленной молниеносной флот, взгляните и узнайте, что 18 лет назад, дремучий лес покрывал всю эту поверхность, стада хищных волков наполняли воем окрестности, и лишь, бурливой унылой ветр прерывал водворявшееся там безмолвие» [17, с. 192]. Павел Иванович отмечает «правильные улицы, обширные, хорошие дома», уточняет численность населения: «Жители, исключая малого числа отставных штаб, обер офицеров, купцов и мещан, состоят из служащих, коих числом полагается до 20 тысяч человек [17, с. 194].

Сведений, приведенных вышеназванными авторами о городе, чье имя уже хорошо известно стране, было явно недостаточно для читающей публики. К тому же со времени путешествия миледи Кравен прошло более трех десятилетий, П. И. Сумарокова – более полутора. Интерес к Севастополю все эти годы возрастал. Понимая это, Владимир Броневский, прежде чем приступить к описанию путешествия по Южному берегу, достаточно подробно повествует о столице Черноморского флота. Прежде всего, он излагает версию об основании города, судя по всему, распространенную в то время среди офицеров-черноморцев:

«Основанию Севастополя полагают следующую причину: Капитан фрегата «Стрела», загнанный бурей в один из заливов, составлявших гавани древнего Херсонеса, заметил, что Ахтиарский залив обширный и лучше закрытый от ветров, гораздо удобнее для помещения большого флота; сделал подробное описание всего порта, показал его выгоды, и тем подал мысль Князю Потемкину-Таврическому перевести туда из Херсона Черноморских корабельный флот» [3, с. 5-6]. Командиром 44-пушечного фрегата, который до 18.05.1783 носил имя «Двенадцатый», в то время был боевой офицер и известный гидрограф, исследователь Белого моря капитан-лейтенант Дмитрий Андреевич Доможиров [20, с. 213]. Его мнение вполне могло повлиять на решение Светлейшего князя.

Владимир Броневский, явно знакомый с сочинениями П. И. Сумарокова, живописует вид Севастополя с Северной стороны: «По скатам холма, образующего полуостров, омываемого двумя заливами и прилегающего к большой Рейде, дома кажутся издали поставленными один на крыше другого. Они большею частию в один этаж, белые с красными черепичными крышами, простой, правильной архитектуры, и украшены палисадниками с плодоносными деревьями» [3, с. 6-7]. Наблюдательный автор подмечает не только красоты, но и некоторые неудобства: «главная улица обстроенная двух этажными домами обходит вокруг подошвы холма, прочие, хотя прямые и довольно широки, но идя к вершине очень круты, и во время дождя трудно ходить по скользкой глине» [3, с. 7].

Броневский, опытный военный моряк, хорошо знакомый с военно-морскими базами Балтики и Средиземного моря, указывает на то, что «Севастополь имеет одно из главнейших преимуществ военному порту нужных. Всякой день постоянно, исключая сильных бурь, по захождении солнца до полудня ветер дует от востока из гавани, а после того переходит к западу и дует в продолжение жара до вечера. По сей физической причине происходящей от положения гор, при нечаянном появлении неприятеля, флот по утру может выйти в море, и, дав сражение, к вечеру воротится в гавань, не опасаясь потерять поврежденные свои корабли» [3, с. 11].

Автор пишет о мерах по защите города и его обустройству, как уже предпринятых, так и тех, которые необходимы: «Доступ с моря, защищается множеством крепостей и батарей; на единственный вход, действуют до 600 пушек и мортир в одну точку. Если позади входа шириною не более 400 сажен, поставить три корабля, то неприятелю с сей стороны войти на Рейд и атаковать Севастополь не возможно. С береговой стороны, слишком обширная, открытая и растянутая военная позиция, не представляет равных удобностей, как с моря» [3, с. 11-12].

«Ко всем удобствам, Севастополю не достает канала, подобного Кронштадтскому для починки и постройки кораблей; тем более необходимого, что в заливе водится множество древоточащих червей. Также для способнейшего снабжения кораблей пресною водою нужно провести оную с горы к берегам южной и Корабельной бухт. При построении крепости, на северной стороне залива, начали рыть колодец, трудились долго, и к удивлению (только строителей) воды не нашли. Ошибку сию можно исправить водопроводом или для хранения воды сделать чистерну (итал. цистерна – В. К.), что будет дешевле первого» [3, с. 13].

Владимир Броневский твердо убежден в том, рано или поздно «Севастополь должен занять первое место в числе торговых городов Империи, и быть красою Южного края. Находясь посреди Чёрного моря и ближе к Константинополю, окруженный плодоноснейшими областями и на краю владений наших лежащий, Севастополь должен быть предпочтен Одессе... Эпоха еще слишком далека, и продолжится до того, пока предубеждение, будто бы военный порт не должен быть вместе и торговым городом, уничтожится. Вероятно, по сей причине, не смотря на выгодное положение для торговли и по многолюдству своему наиболее нуждающийся в привозных товарах, Севастополь и в мирное время почитался с моря в блокадном состоянии; так что, не только иностранцы, но даже своим из соседних портов могущим приходить судам, был запрещен вход» [3, с. 15-16].

«В окрестностях Севастополя не осталось и следов бывшего леса. Городу принадлежащая земля по малым участкам роздана морским офицерам, где каждый обязан разводить сады и овощники. Сады г-на Бардаки (Иван Григорьевич Бардаки, уроженец Греции, генерал-майор, в 1801-1804 годах капитан над Севастопольским портом – В. К.) и что близ Голландии (местность в Севастополе, где находился склад леса для ремонта и строительства кораблей – В. К.) дают хорошие плоды и вино. Одна сохраненная роща, называемая Ушакова Балка, в коей построены беседки и качели составляет публичное гулянье» [3, с. 17]. Далее Владимир Броневский дает краткое описание древностей Инкермана, Херсонеса и Георгиевского монастыря [3, с. 13-26], после чего переходит к повествованию о самом путешествии. Из Севастополя кавалькада двинулась 27 мая. «Проехав 15 верст, прибыли в Балаклаву, откуда отправлен был вперед казак, с приказанием приготовить лошадей во всех местах, где нам должно было останавливаться» [3, с. 4].

Из Балаклавы, описанию которой Броневский уделяет столько же места в сочинении, что и Севастополю, путешественники через Байдарскую долину и перевал перебрались на Южный берег. Далее их путь лежал на Мухалатку, Алупку, Никиту, Партенит, Алушту, Судак, Коктебель и Феодосию. Присущие Броневскому наблюдательность и мастерское владение словом позволили создать книгу, включающую «свод сведений об истории, этнографии, географии, природе и достопримечательностях Крыма, соображения об экономических возможностях края» [8, с. 330]. «Обозрение Южного берега» было благосклонно встречено читающей публикой и литературной критикой.

Свободно владея тремя европейскими языками – французским, английским и итальянским, В. Б. Броневский занимается переводами. В 1824 году в Санкт-Петербурге выходит переведенная им книга Вальтера Скотта «Маннеринг или астролог» [22, с. 138].

В 1828 году полковник В. Б. Броневский был награжден орденом Св. Анны 2 ст. с алмазами и переведен в Пажеский корпус помощником директора и инспектором классов. Тяжелая болезнь вскоре вынудила ехать для лечения на Кавказ, где он провел два лета – 1831 и 1832 годов. По возвращении в Петербург, В. Б. Броневский оставил службу с чином генерал-майора [22, с. 138].

Последние годы жизни Владимир Богданович полностью отдается учено-литературным занятиям. В 1834 году он издал труд «История Донского войска» [2]. Ряд сочинений Броневского неопубликованы. Среди них – «История отечественной войны 1812 года», доведенная до сожжения Москвы [22, с. 138]. Кроме Санкт-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, В. Б. Броневский состоял членом Императорской Российской академии, Общества Истории и Древностей Российских, был редактором по морской части «Энциклопедического Лексикона», издаваемого А. А. Плюшаром [22, с. 138]. Предполагается, что Владимир Богданович был составителем книги «Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницким», изданной уже после безвременной его кончины в 1835 году. Впоследствии она признавалась лучшим сборником сказок XVIII – начала XIX века [11, с. 119].

Список литературы

1. Броневский, В. Б. Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год : в 4 ч. /

- В. Б. Броневский ; [По повелению и на иждивении Гос. Адмиралтейского деп-та и Рос. Акад.]. — СПб. : в Мор. тип., 1818-1819.
2. *Броневский, В. Б.* История Донского войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод : в 4 ч. / [Соч.] Владимира Броневского. — СПб: в тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1834.
3. *Броневский, В. Б.* Обзорение Южного берега Тавриды. В 1815 году / В. Б. Броневский. — Тула : Тип. Губерн. Правления, 1822. — [6], 192 с.
4. *Броневский, В. Б.* Письма морского офицера : в 2 ч. / В. Б. Броневский. — М. : Тип. Семёна Селивановского, 1825-1826.
5. *Броневский, В. Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга, в 1810 году : в 2 ч. / В. Б. Броневский. — М. : Унив. тип., 1828.
6. *Броневский, Д. Б.* Воспоминания Броневского / Д. Б. Броневский // Русская старина. — 1908. — Т. 134. — С. 537–576.
7. *Головачов, В. Ф.* История Севастополя как русского порта / В. Ф. Головачов ; [изд. Севастоп. отд. на Политехн. выст.]. — СПб.: Тип. Деп-та Уделов, 1872. — [2], III, [3], IV, 260 с.
8. *Евсеева, М. К.* Броневский Владимир Богданович / М. К. Евсеева // Русские писатели, 1800 – 1917 : Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. — М. : Советская энциклопедия, 1989. — Т. 1 : А–Г. — С. 329–330.
9. *Захарова, М. М.* К вопросу о биографии В. Б. Броневского / М. М. Захарова // Вестник РГГУ. — М.: Рос. Гос. Гуманитар. Унив., 2008. — № 11. — С. 58–74.
10. *Кравен, Элизабет.* Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен, ... / Элизабет Кравен ; пер. с фр. [Д. Рунич] ; [изд.] иждивением переводившего. — М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. — VIII, 524, [1] с.
11. *Новиков, Н. В.* Кто был Богдан Бронницын? / Н. В. Новиков // Советская этнография. — 1986. — № 6 — С. 119–123.
12. *Общий Морской Список : Ч. 6 : Царствование Павла I и царствование Александра I.* А–Г. — СПб. : Тип. Мор. М-ва в Гл. Адмиралтействе, 1892. — [6], 656 с.
13. *Общий Морской Список : Ч. 7 : Царствование Александра I.* Д–О. — СПб. : Тип. Мор. М-ва в Гл. Адмиралтействе, 1893. — [2], 664 с с.
14. *Павлова, И. К.* К читателю / И. К. Павлова // Броневский С. М. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. — С. 5–21.
15. *Русский биографический словарь : [Т. 3 :] Бетанкур – Бякстер* / изд. под наблюдением Пред. Имп. Рус. Ист. О-ва А. А. Половцова. — СПб. : Тип. Гл. Упр. Уделов, 1908. — [2], 699 с.
16. *Русский биографический словарь : [Т. 4 :] Гааг – Гербель* / изд. под наблюдением Пред. Имп. Рус. Ист. О-ва А. А. Половцова. — М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. — [2], 494 с.
17. *Сумароков, П. И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. В 2 ч. Ч. 1. / [Соч.] Павла Сумарокова. — СПб. : Имп. тип., 1803. — [14], 226 с.
18. *Сумароков, П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / [Соч.] Павла Сумарокова. — М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800. — [8], 238 с.
19. *Чернопятов, В. И.* Некрополь Крымского полуострова / В. И. Чернопятов. — М. : Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. — 314, VII с.
20. *Чернышев, А. А.* Российский парусный флот : справочник. В 2 т. Т. 1. / А. А. Чернышев. — М. : Воениздат, 1997. — 311 с.
21. *Чернышев, А. А.* Российский парусный флот : справочник. В 2 т. Т. 2. / А. А. Чернышев. — М. : Воениздат, 2002. — 480 с.
22. *Энциклопедический лексикон.* — Т. 7 : Бра – Бял. — СПб. : в тип. А. Плюшара, 1836.— X, XIII, 622, [20] с.

Статья поступила в редакцию 5.03.2017

Kovalenko, V. V. The Sevastopol of the Early 19th Century as Reminisced by the Bronevsky Brothers

The article expands on the Bronevsky Brothers` service in the Black Sea Fleet and their recollections of early nineteenth-century Crimea and Sevastopol.

Keywords: Alexander Bronevsky, Vladimir Bronevsky, Dmitry Bronevsky, Semyon Mikhailovich Bronevsky, Roman Romanovich Gall, Elizabeth Craven, Pavel Ivanovich Sumarokov, Sevastopol, Feodosiya, the Black Sea Fleet, the Russo-Turkish War of 1806-1812, the anti-Napoleon campaign, ship`s crew №75.

УДК 316.7

Рассматривается специфика чтения как социокультурной коммуникативной системы и его роль в жизни, как отдельной личности, так и общества в целом. Характеризуются особенности интереса к чтению в современном обществе, и указывается на «кризис чтения». Обобщаются результаты социологического исследования читательских предпочтений в студенческой среде ряда технических институтов Севастопольского государственного университета.

Ключевые слова: чтение, «кризис чтения», студенческая среда, культурная трансмиссия, читательские предпочтения, социокультурное развитие.

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

E-mail: astarta_05@mail.ru

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

E-mail: garas_ln@mail.ru

Севастопольский государственный университет

ЧТЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Социология чтения, являясь составной частью социологии культуры, как относительно самостоятельное направление формируется с 70-х гг. XX в., хотя эмпирические исследования читательских предпочтений проводились еще в дореволюционной России. Предметная область современной социологии чтения достаточно широка, к ней относятся: анализ читательской аудитории, читательской активности и читательских запросов; типологизации читательского понимания литературы в условиях различных социальных институтов; изучение общественного мнения о произведениях литературы и новых книгах как показателе восприятия культурных норм, представленных в них; влияние современных информационных технологий на чтение. Каждая из предметных областей социологии чтения направлена на решение той или иной задачи специальными методами, однако во все без исключения направлениях социологии чтения рассматривается фактор интереса к чтению.

Следует отметить, что сегодня в научных кругах отсутствует конвенциональность относительно понимания статуса социологии чтения. Так, ряд исследователей определяют её как подраздел библиотекведения (В. В. Скворцов), специальную социологическую теорию (А. Л. Маршак) и самостоятельную научную дисциплину (И. А. Бутенко [1], В. Д. Стельмах [4]). Современная отечественная социология чтения (Л. Гудков, Б. Дубин [2], И. Каспэ, А. Рейтблат и др.) развивается в трех аспектах: 1) социология читателя; 2) социология автора; 3) социология произведения. Вопросам электронного чтения посвящены работы Т. Д. Венедиктовой, О. В. Гавришиной и др.

Принимая во внимание важность чтения как особой социокультурной коммуникативной системы в жизни отдельной личности и общества в целом, следует сосредоточить внимание на значении чтения в социальном развитии и процессах культурной трансмиссии. Чтение длительное время выступало как ключевой транслятор знаний и социального опыта, неким уникальным способом и возможностью в кратчайший период их освоить. Оформление информационного общества, стремительный рост информационно-коммуникационных технологий повлияли на все сферы человеческой жизни и привели к трансформации социокультурной реальности, обусловив как бытие современной личности, специфику её деятельности, так и рефлексивные формы получаемого знания. Медиа задают готовые образы человеческому сознанию, получая возможность неограниченного мировоззренческого влияния. Одним из фундаментальных следствий этого явления становится снижение уровня критичности, эффективности логического мышления личности и общества в целом. Сегодня можно констатировать радикальное изменение отношения к книге и чтению. Нельзя не согласиться с М. Ю. Гудовой, что «в современной культуре постиндустриального общества традиционное книжное знаково-вербальное чтение переживает ситуацию острой конкуренции с новыми разнообразными практиками чтения, имеющими другие технико-технологические основания» [3, с. 4].

Социологические исследования в области чтения свидетельствуют не только о снижении интереса к чтению, но и о «кризисе чтения», при этом отмечается негативное влияние данного процесса на социально значимые функции. Речь идет, в первую очередь, о социализирующей функции чтения. Слабый интерес к чтению не способствует адекватному восприятию социального опыта и норм детьми и молодежью. Среди негативных последствий следует отметить ослабление досуговой функции чтения: малограмотная и нечитающая молодежь в большей мере оказывается вовлеченной в массовые формы девиантного поведения. И, наконец, познавательные функции чтения в условиях

его кризиса чрезвычайно ограничены: отсутствие привычки чтения у индивида усложняет процесс восприятия новых знаний, препятствует успешному приобретению новых умений и навыков. Кризис чтения, затрагивая все общество, максимальное влияние оказывает на молодежь.

Молодежь как социальная группа неоднородна, наряду с возрастным критерием данная группа дифференцируется по уровню достатка, образования и другим социальным показателям. Отношение к чтению, читательская активность и предпочтения различных групп молодежи предположительно вариативны. В этом отношении, на наш взгляд, особый интерес представляет студенчество. Его отношение к чтению, читательские предпочтения представляют часть образа будущего специалиста.

Целью настоящего исследования видится изучение читательских интересов студентов. В качестве исследовательской площадки были выбраны отдельные технические институты Севастопольского государственного университета. Решение ограничиться техническими институтами, не включая в исследование гуманитарные направления подготовки, было продиктовано предполагаемой спецификой читательских интересов как в технических, так и гуманитарных группах. Исследование читательских предпочтений на гуманитарном направлении подготовки представляет интерес и, безусловно, является перспективной задачей дальнейших исследований.

Изучение читательских интересов студентов и их отношения к чтению осуществлялось путем анкетирования. Опрос проводился среди студентов «Института ядерной энергии и промышленно-сти», «Политехнического института», «Института радиоэлектроники и информационной безопасности» общей численностью 100 человек, из которых 75 чел. мужского пола, 25 – соответственно женского. Это соответствует количественному распределению полов на технических направлениях подготовки (75 % / 25 %). Распределение респондентов по полу введено с целью получения релевантных показателей читательских интересов. Возрастной интервал опрашиваемых составил от 18 лет до 21 года (2-3 курс обучения).

Анкета для опроса составлялась таким образом, чтобы была возможной оценка не только количественных показателей отношения студентов к чтению, но и качественных оснований для определения их читательских предпочтений и мотивации чтения. Респондентам было предложено ответить на 17 вопросов, среди которых определялось отношение к чтению: **«Любите ли Вы читать?»**. В качестве вариантов были обозначены следующие позиции: люблю; скорее люблю, чем не люблю; не люблю, при выборе последнего варианта предлагалось окончить опрос.

Для определения мотивации чтения у студентов были поставлены три вопроса. Во-первых, **«Почему вы читаете?»**, с вариантами ответов: учеба; занятие досуга; другое. Во-вторых, вопрос открытого типа: **«Вы выбираете книгу, потому что...»**, где респонденту необходимо определить критерии, в соответствии с которым отдается предпочтение той или иной книге. В-третьих, вопрос **«Где Вы обычно читаете?»** с вариантами: в библиотеке; дома; в кафе; другое; также отражает степень читательской заинтересованности.

Читательская активность как один из существенных показателей отношения аудитории к чтению должна получить оценку в рамках исследования. В этом направлении были заданы следующие вопросы: **«Как часто Вы читаете?»**, с возможными ответами: постоянно; эпизодически; очень редко. Для выяснения причин низкой читательской активности был поставлен уточняющий вопрос: **«Укажите причины, влияющие на чтение»**, с возможными позициями: нехватка свободного времени; загруженность учёбой; другое.

Следующий условный блок вопросов касается непосредственно предпочтений читателей. Посредством вопроса: **«Каковы ваши предпочтения?»**, с вариантами ответов: газеты и журналы; научные книги, энциклопедии, справочники; художественная литература; другое; определяем виды источников, которые чаще всего читает респондент. Отдельный вопрос посвящен отношению студентов к классической литературе и поставлен следующим образом: **«Ваше отношение к классической русской (зарубежной) литературе?»**, с вариантами ответов: люблю; не понимаю; другое. Также респондентам был предложен ряд открытых вопросов, направленных на раскрытие качественных характеристик чтения. Так, в ходе опроса были даны ответы на вопросы относительно жанра, которому респондент отдает предпочтение; любимого писателя; любимой книги, а также книги, прочитанной за последний месяц.

В рамках исследования уделено внимание организационному аспекту чтения. В этом направлении респондентам были предложены не менее актуальные вопросы, сопровождающие процесс чтения. В частности, было предложено ответить на следующие вопросы: **«От кого вы узнаете о книгах, которые стоит прочитать?»** (Интернет; советуют родственники и друзья; преподаватели; другое); **«Где вы приобретаете книги?»** (у друзей; домашняя библиотека; книжный магазин; библио-

тека; Интернет); «Обсуждаете ли вы прочитанные книги? Если Да, то с кем?»; «В каком виде вы читаете книги?» (читаю только обычные книги; читаю обычные и электронные книги; читаю только электронные книги).

Анализ анкет позволил получить, в первую очередь, представление о количественной стороне чтения. Так, отношение к чтению респонденты определили следующим образом: 44 % студенток ответили, что любят читать; 56 % – скорее любят, чем не любят. Несколько иначе выстроились предпочтения студентов: 29 % – любят читать, 71 % – скорее любят, чем не любят. Негативное отношение к чтению продемонстрировано не было.

Мотивация чтения в обеих группах оказалась сходной, но с небольшими количественными различиями. Большинство студентов рассматривают чтение как занятие досуга: 80 % студентов и 64 % студенток. В свою очередь, учеба мотивирует читать 20 % студентов и 36 % студенток. Ряд респондентов в обеих группах объяснили необходимость чтения задачами саморазвития и, в частности, совершенствованием речевых навыков, мышления и необходимостью получения новых знаний.

На вопрос «Где Вы обычно читаете?» большинство опрошенных ответили, что читают дома: 80 % женской группы и 83 % – мужской. Во многих местах, когда появляется время, в том числе в транспорте, читает достаточно большой контингент студентов. Такой ответ дали: 20 % студенток и 17 % студентов. Примечателен и тот факт, что в доле студентов, читающих в различных местах, библиотеку как место чтения выбрало незначительное количество респондентов. Вероятно, отход студенческой молодежи от традиционных библиотек обусловлен не столько возрастом, сколько динамизмом современной жизни и наличием альтернативных источников получения информации.

Анализ вопросов, направленных на определение уровня читательской активности и факторов, влияющих на чтение, позволил установить, что постоянно читают 21 % мужской группы и 12 % женской; читают эпизодически – 65 % и 84 % соответственно; читают редко – 24 % и 4 % в указанных группах. Как видим, уровни читательской активности в группах разные. В мужском сегменте примерно одинаковое количество студентов с высокой и низкой читательской активностью (21 % и 24 %), в то время как в женском – соответствующие показатели (12 % и 4 %) намного ниже, а преобладающим является контингент со средней читательской активностью.

Оценки причин, влияющих на чтение, в исследуемых группах также оказались различными. В качестве основного фактора, влияющего на чтение, более половины студенток (52 %) указали нехватку свободного времени и лишь, во-вторых, отметили загруженность учебой (32 %). В свою очередь, студенты наиболее существенным фактором чтения считают загруженность учебой – 49 %; нехватку свободного времени для чтения отметили 23 %. Респонденты обеих групп выделяют дополнительные негативные и позитивные факторы чтения. К негативным факторам отнесена лень и увлечение общением в социальных сетях, к позитивным – интерес к чтению и желание читать.

Следующим сегментом данного исследования является организационный аспект чтения, включающий в себя информацию о критериях выбора книг, местах их приобретения, форматах чтения и др. О книгах, которые стоит прочитать, узнают из сети Интернет – 38 % студентов и 12 % – студенток. По совету родственников, либо друзей выбирают книги – 29 % респондентов мужского пола и 20 % – женского. Остальная часть опрашиваемого контингента руководствуется при выборе книг различными источниками в совокупности: Интернет, рекомендации друзей, родственников, а также преподавателей. В мужской группе таких респондентов оказалось 33 %, в женской – 56 %. Кроме этого, 12 % студенток указали, что руководствуются и другими критериями выбора книг: советами известных людей, а также просмотром экранизаций произведений художественной литературы.

В ходе опроса были выяснены места приобретения книг. Только 21 % студентов и 32 % студенток предпочитают приобретать книги и, вероятно в первую очередь имеют такую возможность, в книжных магазинах. В остальных случаях используются бесплатные варианты получения книг: загрузка электронных книг из сети Интернет, либо чтение книг в режиме онлайн, домашние библиотеки, книги друзей. Перечисленными вариантами получения книг пользуются: 65 % студентов и 60 % студенток. Часть студентов в обеих группах (9 % – мужской; 8 % – женской) отметила, что использует как платные, так и бесплатные варианты получения книг.

Интересно, что в анкете, наряду с обозначенными вариантами ответов, предлагалась традиционная библиотека как источник получения книг. Однако в женской группе ни один из респондентов не выбрал данный вариант, в то время как в мужской группе – 5 % студентов ответили, что пользуются библиотекой. К помощи традиционной библиотеки сегодня прибегает малая доля студенчества, поскольку видит для себя иные альтернативные источники получения интересующих их книг. Более того, пополнение книжных фондов в библиотеках осуществляется медленно, порой с боль-

шим опозданием, что в свою очередь стимулирует читателей к поиску актуальных книг в книжных и интернет-магазинах и библиотеках сети Интернет.

Интерес к чтению тех или иных книг, в отдельных случаях – стимул к их приобретению, возникает в ходе обсуждения книг с другими людьми. В этом отношении были получены следующие показатели: книги склонны обсуждать 64 % студентов и 72 % студенток, при этом собеседниками становятся не только друзья и близкие люди, но и незнакомые люди, прочитавшие данную книгу и оставившие о ней отзыв. Не обсуждают прочитанные книги – 36 % студентов и 28 % студенток.

Студенческая молодежь читает книги в различных форматах как электронные, так и на бумажном носителе. Электронными и обычными книгами пользуются 60 % опрошенных в женской группе, и 63 % – в мужской. Только бумажный носитель используют 36 % студенток и 16 % студентов; предпочитают электронные книги 4 % и 21 % в соответствующих группах опрошенных.

Немаловажным аспектом чтения выступают предпочтения студентов. В каждой из групп была выявлена специфика чтения. Так, в женской группе наибольший интерес вызывает художественная литература – 80 % респондентов; 20 % ответили, что наряду с художественной литературой читают газеты, журналы, а также пользуются энциклопедиями и справочниками. В мужской группе предпочтения выглядели следующим образом: 50 % читают произведения художественной литературы; 25 % отмечают интерес не только к художественной литературе, но и к газетам, журналам, справочникам и энциклопедиям; оставшаяся доля опрошенных – 25 % отметила, что их интересуют, в первую очередь, научные издания и газеты.

Как видим, наибольший интерес у студентов вызывают произведения художественной литературы, что в свою очередь, актуализирует вопрос о качественной стороне чтения и непосредственно о жанрах, авторах. Прежде всего, нами был поставлен вопрос об отношении студентов к классической русской литературе. Положительно к произведениям русской классической литературы относятся 76 % опрошенных в женской группе и 55 % – в мужской; отметили, что не понимают классическую литературу – 24 % и 20 % респондентов в соответствующих группах; оставшиеся 25 % мужской группы отмечают, что занимают нейтральную позицию и, скорее, склонны выборочно читать русскую классическую литературу. Следует отметить, что некоторые респонденты указывали на сложность русской классической литературы и отсутствие возможности выбора альтернативных произведений того же автора в школьной программе. И, тем не менее, опрашиваемые студенты, достаточно часто отмечали русских классиков и их произведения в качестве любимых книг.

Анализ анкет женской группы позволил определить жанровый выбор студенток. Наиболее востребованными являются драмы, исторические романы, психологические и мистические триллеры, а также детективы; меньше привлекают респондентов этой группы – фэнтези, фантастика, антиутопии. Наряду с обозначенными жанрами прозы, опрашиваемые отметили свой интерес к поэзии, в частности, речь шла о таких представителях русской поэзии как М. Цветаева, А. Ахматова, С. Есенин, К. Бальмонт и др. Среди отечественных прозаиков наиболее интересными представляются М. Булгаков («Мастер и Маргарита»), Ф. Достоевский («Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные» и др.) Л. Толстой («Война и мир»), М. Шолохов («Тихий Дон») и др.

Иностранная классическая проза вызывает не меньший интерес. Так, среди любимых авторов чаще остальных упоминались: Э. М. Ремарк («Три товарища», «Жизнь взаимы», «Ночь в Лиссабоне» и др.), Дж. Лондон («Мартин Иден», «Любовь к жизни», «Белый клык» и др.), О. Уайльд («Портрет Дориана Грея»), Х. Ли («Убить пересмешника»), А. де Сент-Экзюпери («Маленький принц»). Современная иностранная литература также интересна студентам: «лидерами» читательских предпочтений являются: Х. Мураками («Норвежский лес»), С. Кинг, Дж. Роулинг, С. Майер, П. Коэльо («Алхимик»), И. Макьюэн («Искушение»), Ж.-К. Гранже («Пассажир»), Д. Браун и др.

Таким образом, перечисленные авторы и произведения представляют основной сегмент читательских предпочтений в женской группе. Однако существуют еще два условных сегмента читательских интересов этой группы: во-первых, это любители фантастики, где безусловным «лидером» является Р. Брэдли («451 градус по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков» и др.); во-вторых, романтическая проза, например, проза сестер Бронте («Грозовой перевал», «Джейн Эйр» и прочее).

В мужской группе читательские предпочтения структурированы иначе и имеют некоторые содержательные отличия. Так, значительный сегмент в структуре читательских предпочтений занимает такой жанр как научная и социальная фантастика, а также фэнтези. В рамках классической фантастики студенты отдают предпочтение произведениям Р. Брэдли («451 градус по Фаренгейту»), Р. Хайнлайна, Дж. Оруэлла («Скотный двор»), братьев Стругацких («Трудно быть богом»), С. Лема и др. Современная фантастика не менее востребована среди студентов: интерес вызывают произве-

дения А. Сапковского («Ведьмак»), Д. Глуховского («Метро 2033»), А. Гравицкого («В зоне тумана»), С. Лукьяненко, В. Пелевина, С. Кинга и др. В жанре фэнтези наиболее популярными являются произведения Дж. Толкиена («Сильмариллион») и Дж. Роулинг.

Классическая проза как зарубежная, так и русская, формируют еще один сегмент предпочтений в мужской группе респондентов. Наиболее часто студенты отмечали произведения Э. М. Ремарка («Три товарища», «Триумфальная арка» и др.), Дж. Лондона, М. Булгакова («Мастер и Маргарита»), М. Лермонтова («Герой нашего времени»), А. Чехова, В. Пикуля, К. Дойля, Ж. Верна, А. Дюма и др. Незначительное количество опрошенных отметили свой интерес к поэзии и указали таких классиков как И. Гете, С. Есенин, В. Маяковский, А. Блок, М. Лермонтов и др. И, наконец, наименее массовый сегмент в данной группе составляют произведения научно-популярного жанра, например, вызывают интерес у студентов работы С. Хокинга, мемуары, исторические исследования.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд обобщений об отношении к чтению студентов технических институтов Севастопольского государственного университета:

1. Студенты независимо от критерия пола позитивно относятся к чтению. Читательская активность в студенческой среде обуславливается наличием / отсутствием свободного времени и задачами обучения в университете. Студенты воспринимают чтение как вариант досуга и средство получения новых знаний и навыков.

2. Источники и форматы чтения в студенческой среде разнообразны. Большинство студентов читают как в обычном, так и электронном формате, при этом активно пользуются домашней библиотекой, книгами друзей и сетью Интернет. Наряду со справочной литературой, научными книгами и журналами, большинство студентов отдают предпочтение художественной литературе.

3. Читательские предпочтения студентов дифференцируются в зависимости от половой принадлежности. Стала очевидной разница в жанровых предпочтениях двух групп. Студентки отдают предпочтение таким жанрам как драма, триллер, детектив, в то время как научная фантастика и фэнтези оказываются менее востребованными. Студенты же акцентируют внимание на классической научной фантастике и ее современных жанровых вариациях (боевая фантастика, постапокалипсис) в большей мере. Классическая русская литература вызывает больший интерес в женской группе. Однако репертуар русской классики в обеих группах в основном ограничивается произведениями авторов, изучаемых в рамках школьной программы. В обеих группах отмечен повышенный интерес к произведениям зарубежной классической литературы.

4. Наиболее популярными авторами в студенческой среде являются: в жанре классической фантастики и фэнтези Р. Брэдли, Дж. Оруэлл, братья Стругацкие, Дж. Толкиен; в современной фантастике – С. Кинг, Дж. Роулинг, С. Лукьяненко, Д. Глуховский. В рамках классической русской литературы наибольший интерес отмечен к произведениям М. Булгакова, М. Лермонтова, Ф. Достоевского; в зарубежной классике – Э. М. Ремарк, Дж. Лондон, Х. Ли и др. В рамках современной прозы студенческие симпатии принадлежат Х. Мураками, Ч. Паланик, Ж.-К. Гранже.

Список литературы

1. Бутенко, И. А. Читатели и чтение на исходе XX века : социологические аспекты / И. А. Бутенко ; Рос. ин-т культурологии. — М.: Наука, 1997. — 132 с.
2. Гудков, Л. Литература и общество : Введение в социологию лит. / Л. Гудков, Б. Дубин, В. Страда. — М. : РГГУ, 1998. — 76 с.
3. Гудова, М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Маргарита Юрьевна Гудова. — Екатеринбург, 2015. — 51 с.
4. Стельмах, В. Д. Социология чтения: реальное и желаемое / В. Д. Стельмах. // Книга и чтение в зеркале социологии : [Сб. ст.] / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; [Сост. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачев]. — М. : Книжная палата, 1990. — С. 7–13.

Статья поступила в редакцию 11.04.2017

Maksimova, E. N., Garas, L. N. *Reading as a Current Socio-Cultural Phenomenon*

The article focuses its attention on such aspects of reading as its being a socio-cultural communication system and a significant influence on the life of each and all, while pointing out the popularity of reading with modern society and the “reading crisis” as well. In addition, the paper sums up the results of the opinion poll aimed to learn about reading preferences among technical students of Sevastopol State University.

Keywords: reading, “reading crisis”, student environment, cultural transmission, reading preferences, socio-cultural development.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.333:7.038.6

Рассматриваются отдельные аспекты философии постмодернизма, связанные с антропологической проблематикой. Анализируются различные вопросы, связанные с проблемой человека в контексте постструктурализма и постмодернизма. Исследуется значение феномена «смерти субъекта» в рамках постклассической эстетики. Проводится сравнительный анализ концепций различных философов в отношении антропологических аспектов.

Ключевые слова: парадигма, постмодернизм, философская антропология, постструктурализм, паралогия, смерть субъекта.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Парадигмальные изменения в истории науки неизбежно порождают глобальное переосмысление и переоценку многих тенденций и концептов, выработанных в определённые исторические периоды. Данный факт выглядит маловероятным в рамках «нормальной науки» (пользуясь терминологией Т. Куна), так как в этот период происходит аккумуляция научных сведений, не противоречащих действующей научной системе и усовершенствование уже существующей методологии. «Учёные в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими» [5, с. 51]. В условиях «нормальной науки» происходит становление жестко определённой системы концептуальных и методологических предписаний, как правило, базирующихся на принципе конвенциональности. Общее соглашение научного сообщества вырабатывает концептуальные модели, принятую в рамках сообщества систему ценностей и устанавливает демаркационные линии критериев научности. Появление же в подобной системе мотивов трансдискурсивности, выходящих за рамки парадигмальных установок, является практически невозможным.

Диаметрально противоположные тенденции наблюдаются в иной период генезиса науки – в период научных революций. Появление новых факторов, выступающих в качестве антитезы действующим парадигмальным установкам, как правило, свидетельствуют о нефункциональности старой парадигмы и о начальном этапе зарождения новой. В данный период «наука изменяется не кумулятивно, т. е. поступательно-непрерывно, а прерывно, посредством катастроф ставших малопродуктивными доктринальных построений интеллектуальной элиты» [4, с. 280]. Необходимо отметить, что на данном этапе парадигмальные сдвиги затрагивают не только область строго научной проблематики и методологии, но и оказывают влияние на более широкие сферы. Происходит своеобразная трансформация мироощущения, активно отображающаяся в массовом сознании.

Появление новых научных тенденций и выработка новых картин мира находит отображение также и в области социальной философии и антропологии. Стоит отметить, что парадигмальные метаморфозы вызывают глобальную переоценку социальных и антропологических аспектов, в частности сказываются на оценке роли человека в социуме и выделении его ключевых характеристик.

Так, рассматривая основные черты, характеризующие человека в рамках классической парадигмы, мы сталкиваемся с превалированием гуманистических аспектов, сформированных в период Ренессанса и Нового времени. В данных условиях основной акцент делается на идеи доминирования в человеке рациональности и гуманности. Например, представители ренессансного утопизма считали неизбежным формирование нового человека, природа которого соответствовала бы их патетике высоких устремлений. «Утопические писатели воображали, что объединённые воздействия воспитания и условий жизни переделают человеческую природу по совершенному образцу» [10, с. 175].

Формирование же постклассической парадигмы вызвало смещение антропологических акцентов в сферу бессознательного и иррационального. Иррационализм Шопенгауэра, экзистенциальные

этюды Кьеркегора, как и философская поэтика Ницше, намечают новые антропологические тенденции, порывающие с традициями гегелевского панлогизма и подвергающие глобальной переоценке классические этические концепции. Концепция же Фрейда окончательно закрепила приоритет за иррациональностью и подавленными глубинными комплексами.

Статья «Пересекайте границы, засыпайте рвы» (1969 год, журнал «Плейбой») американского литературного критика Лесли Фидлера рассматривается многими исследователями в качестве официального начала постмодернизма. Стоит заметить, что Фидлер, анализируя проблемы современной литературы, сосредотачивает внимание на стирании границ между массовостью и элитарностью, что, по его мнению, поспособствует единению публики и автора [6, с. 7-10]. Это стремление к стиранию демаркации, становится характерной для всей постмодернистской парадигмы

Рассматривая отличительные особенности «состояния постмодерна», отметим, что причина наблюдаемого тяготения к конвергенции предустановленных границ (стилистических границ, границ научного знания и проблемного поля науки и т. д.) кроется на уровне архитектурного строения и фундаментальных принципов постмодерна. Именно в изначальных аспектах, в апеллировании к фрагментарности и асистематике проступают первичные свойства парадигмы, детализирующиеся в мотивах философского постмодернизма. Здесь именно на уровне первичной кодовой системы, формируется тяготение к преодолению бинарности оппозиций (рационализм – иррационализм, материализм – идеализм и т. д.), номадологии и отказу от идеи строго детерминизма (элиминирование генерала). Эти тенденции затрагивают и антропологическую проблематику.

Обращаясь к анализу основных аспектов постмодерна, проведённого Жаном-Франсуа Лиотаром в работе «Состояние постмодерна» (1979) хотелось бы остановиться на ряде ключевых моментов. Так, по Лиотару, в качестве основной характеристики до-постмодернистского состояния науки выступает доминирование метанарративов (т. е. «больших рассказов»). Именно метанарратив функционирует как глобальная интерпретационная концепция, тяготеющая к относительно унифицированному истолкованию проблематики различного характера (от вопросов этики до историософской проблематики). Кроме того, именно метанарративные конструкты стремятся к выработке универсальных понятий при помощи единого типа дескрипции и соединения в себе различных культурных и смысловых дискурсов. «Когда метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т. п., – то, науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать «модерном»... Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [7, с. 10].

В определённые исторические периоды метанаррация выступает в качестве глобального синкретического образования, стремящегося относительно органично соединить в себе смыслообразующие дискурсы, функционирующие в культурной среде. Подобные дискурсы задают направленность теоретическим и эмпирическим исследованиям и детерминируют механизмы легитимации знания. Например, Мишель Фуко в своей работе «Слова и вещи», отмечал, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие её языком, её схемами восприятия, её формами выражения и воспроизведения... сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки в которых он будет ориентироваться» [12, с. 33]. Также, метанаррация выступает в качестве инструмента легитимации определённого состояния общества, закреплению законности его институтов благодаря обращению к генезису идей или непосредственному включению в свою орбиту историософских концепций. Проблема человека в подобной ситуации напрямую коррелируется со стереотипами и ценностями, рассматриваемыми в качестве приоритетов в тех или иных социальных условиях (например, идеи рационализма, свободы, прогресса истории и т. д.).

В парадигме постмодерна происходит отход от всеобъёмной довлеющей метанаррации к дисконсенсусу многообразных языковых игр (паралогия). Так, согласно Лиотару, паралогичность постмодерна позитивно влияет на творчество и научное воображение и стремится к замене строгой системности принципом открытой систематики [7, с. 144-157]. Переход от доминирующей консенсуальности к дисконсенсусу и асистематике порождает к жизни множество смысловых полей, тем самым влияя на рассмотрение различных вопросов. Ризоматичность и мультивекторность постмодерна находит отображение во многих сферах. Так, современная наука предстаёт в образе определённого множества конкурирующих между собой теорий, где вопрос об истинности разрешается при помощи принципа конвенциональности. Любопытно, что именно эта особенность (выработка и сосуществование множества теорий) выступает в качестве продуктивной среды для принципа пролиферации в эпистемологическом анархизме Пола Фейерабенда: «Пролиферация теорий благо-

творна для науки, в то время как их единообразие ослабляет её критическую силу» [11, с. 53].

Знаковой областью, в которой прослеживаются характерные для постмодернизма мотивы, выступает концепция «смерти субъекта». Смерть субъекта интерпретируется философией постмодернизма в качестве тенденции размывания субъектно-объектной оппозиции с целью преодоления бинарной традиции в философском понимании мира. Данный подход вполне укладывается в постмодернистскую программу преодоления бинаризма, в которой проявляется отказ постмодернистского философствования от презумпции субъекта в любых версиях его артикуляции [8, с. 819-820]. Концепция смерти субъекта означает, прежде всего, отказ от рассмотрения антропологической проблематики через призму всего традиционного, централизованного и линейно детерминированного. Всего того, что долгое время рассматривалось со стороны социального порядка в качестве общепризнанной метанаррации (рассмотрение человека исключительно в качестве субъекта экономических и политических отношений (марксизм), человек как носитель подавленных сексуальных комплексов (фрейдизм)). Любопытно, но подобные критические мотивы, направленные против одномерной интерпретации проблемы человека, мы можем встретить в работах М. М. Бахтина. «Человек до конца невоплотим в существующую социально-историческую плоть. Нет форм, которые могли бы до конца воплотить все его человеческие возможности и требования, в которых, но мог бы исчерпывать себя до последнего слова ... Всегда остаётся нереализованный избыток человечности» [2, с. 229]. В постмодернистской парадигме, по мнению некоторых философов (например, М. Фуко), использование термина «субъект» вообще выступает в качестве дани устоявшейся философской традиции.

В постмодернистской философии рациональный субъект декартовского типа (также как и сублимирующий субъект фрейдизма), сменяется децентрированным персонажем, служащим для репрезентации культурных смыслов. Человек растворяется в детерминационном воздействии языковых структур и варьирующихся дискурсивных практик на индивидуальное и коллективное сознание. Всё это вызывает парадигмальные изменения в восприятии и оценке такой, казалось бы, привычной категории как субъект. Стоит отметить, что однозначного подхода к причине децентрации субъекта в постмодернистской парадигме не существует. В качестве одной из тенденций можно выделить элиминирование субъекта под влиянием определённых внешних структур. В качестве подобных структур могут выступать познавательные матрицы или дискурсивные практики (М. Фуко), текстовые конструкции (Р. Барт) или культурные коды (Ж. Деррида).

Так, Мишель Фуко, затрагивая в своих сочинениях антропологическую проблематику, исследовал превращение человека в субъекта того или иного дискурса. Данный процесс находится в прямой зависимости от метаморфоз дискурсивных практик (варианты трансформации дискурса в социокультурной среде) и моделей гносеологического восприятия (эпистем). Под эпистемами Фуко понимал совокупность отношений, которые в рамках какого-либо исторического периода могут консолидировать дискурсивные практики, создавать эпистемологические конструкции и формализованные научные системы. Эти отношения базируются на соотношении слов и вещей и выступают как совокупность смысловых корреляций, которую можно выявить внутри наук. Смысловая архитектура эпистемы неизбежно влияет на формирование дискурсов и способы их интерпретации.

В основе эпистем, согласно Фуко, лежат смысловые конструкты, которые возникают и применяются в определённых конкретно-исторических и культурных контекстах. Следовательно, рассмотрение какой-либо проблематики детерминируется общим контекстом доминирующей эпистемы, которая влияет как на саму постановку проблемы, так и на варианты её рассмотрения. Помимо этого, эпистемы неизбежно затрагивают уровень, на котором формируются научные символы и терминологическое поле науки. Стоит отметить, что относительно схожая позиция (контекстуальная вариативность научной терминологии) встречается и в постпозитивизме: «научные понятия получают полное значение только тогда, когда они соотношены в систематической форме с другими научными понятиями, с процедурами исследования и приложениями парадигмы» [5, с. 216].

Рассматривая генезис западноевропейской культуры и науки, Фуко выделяет три эпистемы, а именно: ренессансную (XVI век), классическую (XVII-XVIII вв.) и современную (рубеж XVIII-XIX вв. по наше время).

В ренессансной эпистеме язык абсолютно сопричастен миру, а мир – языку. Слова и вещи конструируют здесь нерасчленённый единый текст, который может восприниматься как некое природное существо. Именно в пределах данной эпистемы формируются представление о гуманизме, как главной характеристике человека.

В пределах классической эпистемы наблюдается тенденция сведения знаний о мире к созданию глобальной всеобъемлющей метафизической системы. Подобная гносеологическая установка объ-

ективируется в таких концепциях как «естественное право» или «естественная история». Кроме того, данной цели служит и всеобщая математизация научного знания (классическим примером подобного подхода может служить «Этика, доказанная в геометрическом порядке» Бенедикта Спинозы). Основные антропологические аспекты в данных условиях непосредственно связаны с познавательной деятельностью и центральным положением наблюдающего субъекта. Язык в пределах классической эпистемы хотя и теряет непосредственную связь с миром вещей, обретает глобальное право представлять и анализировать мышление. Любопытно, но Фуко вообще отрицает возможность оформления науки о человеке в рамках классического рационализма. «Классическая эпистема расчленяется по таким линиям, которые никак не позволяют выделить особую специфическую область человека. Тому же, кто станет упорствовать, возражая, что именно эта эпоха больше всего соответствовала человеческой природе, предоставила ей место самое прочное и постоянное, можно возразить, что уже само понятие человеческой природы и характер его функционирования исключали возможность науки о человеке» [12, с. 330].

Отход от главенства метафизической проблематики закладывает основы антропологического поворота в истории науки. «Конец метафизики является одной из сторон гораздо более сложного события, происшедшего в западном мышлении. Это событие – появление человека» [12, с. 339].

В XX веке в рамках доминирующей эпистемы наблюдаются значительные смысловые метаморфозы. Данный факт наиболее ярко иллюстрирует появление таких направлений как психоанализ, экзистенциализм и сюрреализм. Именно в этот период формируется эпистема, которая, в качестве антитезы уверенности во всеисилии логики и разума, обращается к бессознательному, подавленному и иррациональному. Эти аспекты и интерпретируются как основное определяющее начало. Характерно, что многие представители авангарда (С. Дали, Л. Бунюэль, А. Бретон) в своём творчестве непосредственно отталкивались от новых тенденций в области психологии, философии и физики. Например, Сальвадор Дали в качестве теоретической основы своего искусства рассматривал психоанализ З. Фрейда, теорию архетипов К.-Г. Юнга и работы по ядерной физике А. Эйнштейна.

Произошедшая сегментация единого познавательного пространства, по мнению Фуко, результативалась в конструировании нетрадиционных форм организации познания. Принципиально новой характеристикой современной эпистемы явилась её антропологическая проблематика. Причём, основной вопрос заключается не в том, что на первый план выступила проблема биологически конечного человеческого существа, пронизанного внешними дискурсивными структурами, сколько в том, что был сформулирован важнейший вывод: в мире существует не «чистая» познающая инстанция (наследие классического рационализма), а конкретный индивидуум с присущими ему формами социальных воззрений и организации языка. Именно такая позиция объективировалась в формировании таких течений как персонализм и постструктурализм. Сам факт вхождения человека в современную эпистему был обусловлен расколом между бытием и репрезентацией, а также раздроблением некогда цельного языкового массива на пространства дискурсивных практик.

С точки зрения деконструктивизма Жака Деррида, человек, выступающий как интерпретирующее начало, является сотканным из множества культурных универсалий, дискурсивных матриц и культурных кодов. То есть понимающее «Я» вынужденно растворяется в процессуальности дискурсивных практик, обусловленных установленными конвенциями культурной традиции и основными аспектами логоцентризма.

Философская позиция Ролана Барта в «Нулевой степени письма», в некоторой степени сближается с хайдеггеровским суждением о языке как о доме бытия. Однако в качестве доминирующей проблематики Барт рассматривает проблему текста, ставя антропологические и социальные аспекты в зависимость от языковых и текстовых конструкций: «В любом случае получается, что, пользуясь языком, мы обречены «разыгрывать» собственные эмоции на языковой сцене: в известном смысле можно сказать, что не человек пользуется языком, а язык пользуется человеком, подчиняя какому-то таинственному, но властному сценарию» [1, с. 26].

Таким образом ситуация постмодерна ставит человека в зависимость от репрезентативных структур, подвергая децентрализации такую категорию как субъект. Характерно, что такой знаковый философ как Жан Бодрийяр рассматривал антропологическое (как, впрочем, и социальное) в современном мире непосредственно через призму «симулякров и симуляций». В состоянии постмодерна происходит ликвидация всех референтов и подмена реального знаками реального (симуляция). Таким образом, любой объект и любой знак заменяется некой репрезентационной операциональной копией. Данный процесс захватывает практически все сферы современной жизни: политику, социальную проблематику, историю, экономику. Не составляет исключение и антропологиче-

ская область. По Бодрийяру, в современном обществе уже нет зеркал, в которых бы человек мог соприкоснуться с отражением собственного образа. В данной системе существуют только витрины – оптические конструкции потребления, где сам индивид не отражается, но поглощается в созерцании множества фетишизируемых вещей-знаков в ряду социальных означающих. Человек здесь неявно замещается игрой моделей и их обменом – именно в этом состоит игровой характер потребления, который, зачастую, влияет на проблему идентичности. «Мы полностью захвачены обменом: на него – будь то обмен рыночный или обмен символический – в настоящее время, так или иначе, выходят все наши построения. Во всяком случае, именно он составляет действительную основу нашей морали» [3, с. 49]. Подобная редукция личности к спектру вещей-знаков практически полностью переопределяет человека в современном мире: последний предстаёт как движущееся различие и данный процесс уже нельзя анализировать, используя такой привычный для социальной философии термин как отчуждение. «Какими мы будем, если устраним систему репрезентации? Что останется в мире за вычетом этих вездесущих суперструктур? Нет сомнения, в нём уже не найти человеческой природы, ибо она тоже выступает в качестве своеобразной суперструктуры» [3, с. 124].

Стоит отметить, что подобная позиция повлияла и на эстетические аспекты понимания сущности субъекта в парадигме постмодерна. Так, многоаспектное проявление проблемы человека в ткани художественного произведения преобразовалось, в частности, в феномен телесности. Данный феномен сформировался в качестве своеобразной антитезы понятию духовности, которое в своем традиционном смысле было практически исключено из постклассического эстетического дискурса XX века. Именно при помощи категории телесности произошла трансгрессия за пределы трансцендентальной субъективности в сферу чувственности, включения её в поле современных интеллектуальных стратегий, зачастую в сублимированном виде, а часто и в форме обычной сексуальности.

Метаморфозы эстетических принципов повлекли за собой и переосмысление (а также и видоизменение) значения роли субъекта в том или ином произведении. Видный литератор, кинорежиссёр и теоретик «нового романа» А. Роб-Грийе не раз упоминал о смерти такого «устаревшего понятия» как «персонаж» в классическом смысле этого слова. Смещение повествования в «новом романе» в сторону детализации описания, акцент на дескриптивных моментах, преобразовывает персонаж в некое воспринимающее начало и замещает разнородные антропологические аспекты перцепцией. «В наших книгах (в произведениях представителей «нового романа» – *Р. Т.*) не было «персонажей» в традиционном смысле слова ... Объекты в наших романах никогда не появляются вне человеческого восприятия – реального или воображаемого; это объекты, похожие на те, что присутствуют в нашей повседневной жизни в том виде, в каком они ежеминутно владеют нашим сознанием» [9, с. 462]. Любопытно, что данный подход (централизация дескрипции, элиминирование персонажа) проник и в другие литературные жанры. Так, в 1968 году вышел в свет научно-фантастический роман Брайана Олдисса «Доклад о вероятности Эй», написанный в жанре «нового романа».

Таким образом, можно сделать вывод о вариативности интерпретации антропологической проблематики в рамках парадигмальных изменений. Проблема человека, проходя стадии доминирования гуманизма и рационализма (классика), изменяется под влиянием иррационализма и фрейдизма (постклассика) и находит своё отображение в постмодернистской дисперсии, растворяя само понятие «субъект» в мультивекторности дискурсивных практик и смысловых матриц. Подобное положение вызывает неоднозначную оценку «состояния постмодерна». С одной стороны, постмодерн подвергается критике за размывание научных критериев и отсутствие строгой систематики. С другой стороны, не исключено, что именно постмодернистская паралогия и трансгрессия помогут найти новые горизонты в рассмотрении проблемы человека в современном мире.

Список литературы

1. Барт, Р. Нулевая степень письма / Ролан Барт ; [сост., науч. ред., авт. предисл. и коммент. Г. К. Косиков]. — М. : Академический Проект, 2008. — 430 с.
2. Бахтин, М. М. Эпос и роман / Михаил Бахтин. — СПб. : Азбука, 2000. — 304 с.
3. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Жан Бодрийяр. — Екатеринбург : У-Фактория, 2006. — 196 с.
4. Канке, В. А. Основные философские направления и концепции науки : Итоги XX столетия / В. А. Канке. — М. : Логос, 2000. — 318 с.
5. Кун, Т. Структура научных революций / Томас Кун ; [пер. с англ. И. З. Налетова]. — М. : Изд-во АСТ, 2009. — 317 с.

6. Курицын, В. Н. Русский литературный постмодернизм / Вячеслав Курицын. М. : ОГИ, 2000 — 286 с.
7. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. — СПб. : Алетейя, 2013. — 159 с.
8. Постмодернизм : энциклопедия / Ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. — Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. — 1040 с.
9. Роб-Грийе, А. Дом свидания = La Maison de rendez-vous : [Собр. соч.] / Ален Роб-Грийе ; [пер. с фр. Л. Коган и др.]. — СПб. : Симпозиум, 2000. — 492 с.
10. Уилсон, Д. История будущего / Дэвид Уилсон ; [пер. с англ. И. Е. Добровольского]. — М. : Изд-во АСТ, 2007. — 286 с.
11. Фейерабенд, П. Против метода : очерк анархистской теории познания / Пол Фейерабенд ; [пер. с англ. А. Л. Никифорова]. — М. : Изд-во АСТ, 2007. — 413 с.
12. Фуко, М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. — СПб. : А-сad ; АОЗТ «Талисман», 1994. — 405 с.

Статья поступила в редакцию 21.02.2017

Tkachenko, R. V. *Anthropological Aspects of Postmodern Philosophy*

The paper explores certain anthropology-related aspects of postmodern philosophy as well as diversely analyzing the problem of man in the context of poststructuralism and postmodernism. Looked upon through the prism of postclassical esthetics, the phenomenon of the 'death of the subject' is considered as well. Additionally, the study offers a comparative analysis of various philosophical outlooks on anthropological aspects.

Keywords: paradigm, postmodernism, philosophical anthropology, poststructuralism, paralogy, the death of the subject.

Рассматриваются причины конфликта личности с обществом, результатом которого становится устойчивое чувство социального одиночества. Анализируются моральные противоречия, затрудняющие социальные контакты. Выявляются основания социального нигилизма, маргинализма, сознательной изоляции от общества, что позволяет понять сущность препятствий на пути к более гуманной фазе цивилизованного развития, вовлечению граждан в конструктивное социальное участие.

Ключевые слова: социальное одиночество, моральные противоречия, общественная коммуникация, личностная изоляция, социальное участие.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreymironov@gmail.com

МОРАЛЬНЫЙ РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

Мораль как форма общественного сознания является скрепляющим основанием коллективного существования. Деятельное участие, направленное на совершенствование системы взаимоотношений между индивидом и обществом, позволяет согражданам решать вопросы социальной справедливости, бороться с недостойными проявлениями, контролировать деятельность государственных органов, выполнение законов, степень гуманности ценностей, значимых для большинства. Принципы солидарности, ответственности, патриотизма оказываются формальными понятиями, если не наполняются личной позицией, ориентированной на всеобщее благо. Пересечение индивидуальных и общественных интересов создает платформу плодотворного сотрудничества, нетерпимости к социальному злу, разрушающему атмосферу единства и сопричастности граждан.

Социальное взаимодействие имеет два ракурса – позитивный и негативный. Первый придает оптимизм, вдохновение, энергию в преодолении социальных недостатков, дает силы для сопротивления антиобщественным проявлениям. Второй порождает нигилизм, чувство безнадежности, разочарования, замкнутость. Причиной этого являются внутренние противоречия системы: расхождение реального и декларируемого, неравенство перед законом, определяемое материальными возможностями гражданина, использование социального и профессионального статуса, исходя из эгоистических стремлений, несоблюдение общепринятых норм лицами, представляющими государство и его институты. Моральный компонент социального существования оказывается ущемленным, опороченным в глазах индивида, при этом нарушается внутреннее единство человека и гражданина.

Отстраненность от социальной среды разрушает коммуникацию с членами сообщества, тем самым, обесцениваются идеи, принципы, идеалы, которые должны формировать достойную нравственную атмосферу. Проблему социального одиночества можно рассматривать через расхождение моральных взглядов, утверждаемых духовной традицией, превалирующей в обществе и безнравственными тенденциями на уровне властных структур, элит, политических партий, с которыми приходится сталкиваться в повседневной жизни. Данная ситуация охватывает широкий круг вопросов: политической ответственности, консолидации граждан, правовой культуры, этических кодексов профессиональных корпораций, честности средств массовой информации, личной порядочности руководителей всех уровней, гармоничного воспитания и многих других.

Задача статьи продемонстрировать истоки конфликта личности с обществом, результатом которого становится устойчивое чувство социального одиночества. Моральные противоречия девальвируют контакты как уже исторически сложившиеся, так и возникающие в процессе освоения мира. Выявление причин социального нигилизма, маргинализма, сознательной изоляции от общества позволяет понять сущность препятствий на пути к более гуманной фазе цивилизованного развития, вовлечению граждан в конструктивное социальное участие.

Данные этнографических исследований позволяют сделать вывод о преобладающем направлении формирования нравов на раннем этапе истории человечества. Оно связано с объединением соплеменников в целостные группы, противостоящие враждебному миру. Общественные принципы позволяют действовать в формате «свой» – «чужой», отделяя тех, кто не имеет права на средства выживания. Моральной доминантой становится следование уже сложившимся обычаям, то есть, устойчивым правилам, проверенным опытом поколений, и создание новых, приемлемых для большинства членов коллектива. «Группа нацелена на то, чтобы получить от определенной среды то, что

необходимо для поддержания своего существования. В этом процессе активно участвуют все члены группы, которые находятся в тесном сотрудничестве и разделяют общие обычаи... Вне группы жизнь человека находится в опасности, потому что в таком случае он является чужаком, а чужой равносильен врагу» [4, с. 22]. Общая цель, территория, язык, нравы, религиозные культы консолидируют в сообщество, где сам по себе человек не представляет ценности, а выступает только как часть коллектива. Его чувства, переживания должны совпадать с духовной атмосферой «своих», быть адекватными принятому регламенту. Иначе возникает разрыв, который выделяет конкретного индивида, создавая ситуацию непонимания, чуждости, равную или предательству, или враждебности.

Постоянные опасности требуют максимальной формы сплоченности. Природные катаклизмы, противники из других племен, злые духи – это угрозы, которые подстерегают каждого, кто не соответствует запретам и правилам. Индивид несет ответственность за всех, как все несут ответственность за него. В таком случае, причина конфликта будет, несущественной, обстоятельства произошедшего – случайными, легитимность содеянного – очевидной. Член племени четко знал, на чьей стороне он должен выступать. Собственные представления не играли определяющей роли, не учитывались при выборе поступков. Основной вопрос, представлявший значимость: выполнил ли он свои обязанности по отношению к сородичу («своему»). Отказ следовать четкой схеме поведения определял дальнейшее существование: удаление из системы, что могло приравняться к смерти. Война – атрибут жизни каждого мужчины в этот исторический период. Победа возможна только при условии взаимного доверия друг к другу, уверенности в поддержке со стороны соплеменников. Ее добиваются вместе и вместе разделяют ее результаты, в обратном случае – все вместе несут тяжести поражения. Невозможно отстраниться от участия, иначе последуют обвинения в трусости, что признается на уровне группы личностным пороком и понимается как зло по отношению ко всем. Таким образом, начинает формироваться свод моральных качеств: «Добродетелями считались доброта, отзывчивость, воровство у другого племени и убийство врага, грехами – воровство у соплеменников, нарушение соглашения и табу, трусость» [4, с. 31]. Привязанность к другим, обусловленная выживанием, не предоставляет возможностей обособления, индивид встроен в общий процесс деятельности, где четко сбалансированы исходя из общего интереса функции, желания и цели каждого.

Сознание человека кровнородственного периода не разделяло мораль и религию как различные формы своего бытия. Признание одного определяло признание и второго. Сакрализация нравов гарантирует их выполнение, от людей что-то можно утаить, но сверхъестественные силы обладают информацией обо всех поступках индивида. Таким образом возникает идея воздаяния: соблюдение правил – награда, нарушение – наказание. Человек боится злых духов так же, как и своих земных врагов, следовательно, бороться и противостоять им можно только вместе со всеми. Один не в состоянии справиться со столь могущественной силой, он принимает взаимные обязанности, которые можно приравнять к обоюдному контролю.

У многих народностей Верховное Божество – Отец, а члены племени – его дети, поэтому внутри сообщества осуществляется коммуникация, подобная принятой в кровнородственных сообществах. Туземец не остается один на один с собой ни на мгновение своего бытия, как и небытия. «Когда ребенок становится членом общины, то в момент посвящения ему открывается великая коллективная сила. Он отказывается от своей индивидуальности, чтобы стать членом этой общины..., которая сопричастна... духу и отождествляется с животным миром через свой тотем» [5, с. 28]. Попытка личной обособленности может толковаться как болезнь, проклятие, уродство. Если подобное встречается в природе, то возможен перенос явления и на общественные отношения. Замкнутость на себя – кара, не позволяющая разделить общую радость, несчастья, заботы, потребности. Возникает институт изгойства как способ защититься от угроз, опасных для всех остальных. Индивид, нарушивший общие принципы или демонстрирующий пренебрежение ими, насильственно удаляется из сообщества. Вынужденное одиночество – следствие аморальности, а попытка разрушить общепринятое тождественно социальной патологии. Она воспринимается соплеменниками как проклятие, смерть при жизни. Это не личный выбор, а общественное решение, приговор отступнику. Таким образом, формирующийся социум начинает выделять приоритеты совместного существования.

Дилемма «свой» – «чужой», имевшая место в Древней Греции, трансформируется в противопоставление «свобода» – «рабство», которые являются центральным ориентиром гражданского сознания. Моральные чувства концентрируются в реализации идей патриотизма: каждый свободный грек должен воспитывать в себе качества, способные принести пользу всем, помочь процветанию города, государства. «Чужие» – внешние враги, в случае победы лишаящие свободы как высшей ценности жизни, а внутренние враги вносят разлад и противоречия, что способствует упадку социу-

ма и угрозе чужеродной экспансии. Развитие гражданских институтов, реализуемое через выборную систему, политическую деятельность, законотворчество инициирует вовлеченность в общественные мероприятия и, тем самым, нейтрализует саму возможность ощущения социального одиночества. Общие победы и поражения, общие радости и беды, общие цели сформировали свод основных добродетелей и пороков, принятый в Греции: почитание старших, бескорыстие, справедливость, ответственность, с другой стороны, предательство, жадность, непомерное тщеславие, зависть, трусость. Полнота и значимость общения в социальной среде обусловлены поступками человека, в них он реализует свою сущность. Поэтому выполнение моральных обязательств является необходимостью, продиктованной разумом. «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага..., больше других и к высшему из всех благ стремится, то общение, которое наиболее важно из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [1, с. 376]. И в «Государстве» Платона, и в «Политике» Аристотеля прослеживается проект общественной целостности, реализуемый с помощью утверждения общих целей и интересов, контроля над личностными проявлениями. Человек не должен оставаться один, выпадать из поля зрения надзирающих соотечественников. Несовершенство разума, на который полагается гражданин, может привести его к тяжелым заблуждениям: отказу от общепринятых ценностей, неправильно понятому интересу. «Свой» навсегда остается частью коллектива, не покидает среды соотечественников, имеет четкие поведенческие ориентиры. Моральные предписания выступают основой для формирования потенциала противостояния при столкновении с недостатками социального мира.

Период Средних веков в Европе определяется главенством христианской церкви, и все моральные принципы обосновываются ее учением. Братство по вере не зависит от политической конъюнктуры, форм правления, властвующих особ. Следование Божественным заповедям позволяет ощутить опору при выборе конкретных действий, избавиться от сомнений. Греховность разрушает единство церкви, а потакание порокам ведет к изоляции, изгнанию из религиозной общины. Верующий вправе требовать соблюдения правил от единоверцев, считая себя ответственным за другого перед Всевышним. Христианская мораль формулирует основные тезисы коммуникации: добродетель порождает согласие, порок – раздор, обособленность. Смирение устраняет эгоистические барьеры, раскрывает возможности бескорыстной любви друг к другу. Гордыня разрывает узы, стимулирует ложную самостоятельность, превосходство. Стыд, раскаяние, ощущаемые в процессе общения, мотивируют процесс нравственного развития, то есть, абсолютизацию долженствований перед Богом, которая распространяется и на отношения между людьми. Человек, преодолевая себялюбие, утверждает себя частью христианского мира. Принцип сословности добавлял свои особенности в социальную коммуникацию: в рамках цеха, общины, рыцарского союза, монашеского ордена регламентируются малейшие нюансы отношений, затрагивающих все сферы существования личности. Чтобы чувствовать себя комфортно, не испытывать нареканий, предписывается их строгое и обязательное выполнение. Моральные максимы выполняют свою задачу, поддерживая сообщество, предлагая сбалансированность прав и обязанностей, в противном случае лишая большинство покровительства власти и церкви. Профессиональная и социальная деятельность без поддержки церкви и корпорации невозможна, социальное одиночество купируется взаимозависимостью граждан.

Новое время коренным образом изменяет систему взаимоотношений в обществе. Экономическое участие меняет статус «чужого», так как конкуренция и соперничество не принимают в расчет национальность и веру. Обогащение, преуспевание становятся критерием избранности, уважения, социального признания. Ритм жизни возрастает, чаще возникают ситуации, требующие от индивида нестандартных решений. Стремление к успеху освобождает человека от ряда условностей. Мораль вынуждена изменять свои векторы и признать основой индивидуального поведения эгоизм. Ограждение себя от излишнего давления со стороны окружающих становится возможным благодаря позитивной свободе, реализуемый в праве на обогащение, место жительства, собственное мнение, выбор деятельности. Распоряжение собственной судьбой и вариативность поступков изменяют ценностные установки. Коллективность в лице государства и общества должны обеспечить комфорт и благополучие, безопасность и удовольствия. Прагматическая позиция относительно «других» осуществляется с помощью принципа «войны против всех». Рассчитывать можно только на себя, свои силы, знания, энергию и при этом соперничать с другими. Подозрительность оправдывается универсальным афоризмом «человек человеку – волк». Этические построения Ф. Бэкона, П. Гассенди, Т. Гоббса пытаются примирить сограждан, убеждая в том, что одинокое атомарное существование приносит больше опасностей и угроз. Компромисс между индивидуальными проявлениями и инте-

ресами социума базируется на рациональных доводах, понятных каждому здравому субъекту.

Ослабление экономической зависимости предоставляет личности более широкий ракурс для самопредъявления и самореализации. Дилемма «свой» – «чужой» меняется на «я» – «мы». Коллективная мораль утрачивает прежние способы давления, постепенно уменьшается степень ее воздействия. Индивидуальные моральные представления обретают возможности идти вразрез с общепринятыми положениями, отстаивая собственное видение прав личности. «Я» индивидуальное не желает подчиняться «Я» социальному, возникает моральный конфликт, одним из вариантов разрешения которого становится социальное одиночество. Попытка сформулировать уникальную моральную систему, значимую для одного, отдельно взятого индивида, начинается с взаимных претензий гражданина и общества, обвинений в формализации, лицемерии, равнодушии, злоупотреблениях, нарушении нравственных принципов. Проблема социального одиночества раскрывается в утрате «своих» и обращении большинства в категорию «чужих». Разочарование в конкретных лицах, их поведении, образе жизни (к тому же если они олицетворяют власть, государство, общество) индивид переносит и на моральные установки, господствующие в социуме или на их реализацию. Участие в социальных процессах утрачивает смысл (зачем следовать «чужому»?). Выработывая свои положения и оценки, гражданин утрачивает связь с социальным пространством, как чужеродным. Он не готов тратить время, силы, энергию, интеллектуальные способности на то, что больше не является для него значимым. «Изолированный от общества или не принимающий достаточного участия в его усилиях, человек страдает от подобного заболевания, называемого скукой, когда изоляция продолжается долго – обнаруживаются характерные психические расстройства» [2, с. 112].

Переходные эпохи, период спада после «исторического взрыва», отмечены склонностью человека к автономному существованию. В качестве примера можно привести императорский Рим времен упадка, Францию времен Реставрации, постсоветское пространство в XX веке. Общей чертой этих исторических периодов стала утрата объединяющей идеи, усиленная расколом территорий, внутренними войнами, отказом от прежних абсолютных ценностей. Общественные идеалы, считавшиеся незыблемыми, были дискредитированы или опровергались новыми идеологиями. Духовные пустоты заменили прежде твердый фундамент моральных представлений. В такой ситуации индивид вынужден самостоятельно выстраивать поведенческие ориентиры, руководствуясь, как правило, эгоистическими соображениями. Причину подобного можно обозначить как потерю великих целей, возвышающих человека в собственных глазах. Стирание грани высокого и низкого, низведение до примитивного уровня существования нивелирует моральные обязательства личности перед сообществом и, как следствие, предлагает маргинальные варианты жизни: социальный нигилизм, телесное пресыщение, криминальное обогащение, эпатажное поведение. Разочарование во всех и во всем формирует атмосферу пессимизма и безнадежности. Функция стыда как основа морали, не способна противодействовать подобным настроениям и проявлениям, так как значимость общественного мнения и уважение к нему подорвано общественным лицемерием. «Истоки такого поведения лежат в тех обстоятельствах, в которых личность формировалась. Это и обстановка в семье, несформировавшиеся контакты с ближайшим окружением, конфликты с ним, перенос нарастающих настроений протеста с ближайшего окружения на людей в целом» [3, с. 194]. Осуждая чужие слабости и проступки, возводя подобное в особую миссию, индивид впадает в безудержный эгоцентризм и воспринимает моральные ценности общества, как к нему не относящиеся. Моральные предписания перестают действовать, так как утрачиваются стимулы социального развития и совершенствования.

Происходит негативное самоутверждение, возможное в случае формирования чувства обособленности, изоляционизма. Две стороны (человек и общество) ведут борьбу за принципы, определяющие дальнейший ход жизни. Невнимание одного человека к другому порождает игнорирование целого пространства, в котором они сопричастны. Равнодушие становится позицией: все, что не имеет отношения к интересу индивида – не существует для него.

Если истолковывать мораль как общественную конвенцию, то формат соглашения в случае нарушения взятых на себя обязательств одной из сторон, освобождает индивида от ряда обязанностей и дальнейшего сотрудничества. В таком случае одиночество – непричастность к недостойному, имеющему место в социальной системе. Личность отгораживается от безнравственности, выражает несогласие своим устранением от участия в делах власти, партии, организации, нарушающей моральные требования. Что особенно важно: несоблюдение прав, происходящее в обществе, расходится с декларируемыми положениями. Фальшь и лицемерие дискредитируют социальное, нейтрализуя индивидуальные инициативы, направленные на достижение общих целей. Имущественное неравенство, клановая выгода, коррупция образуют барьер между гражданином и социальной системой.

Моральные доминанты переходят в сферу личностного осмысления. В такой же степени недоверие к индивидуальному гражданскому акту со стороны общества трансформируется во враждебное отношение. «Общество само создает отклоняющихся субъектов, потому что они нужны ему для укрепления солидарности прочих членов – в качестве отрицательного примера» [6, с. 203].

Но увеличение числа «аутсайдеров» может представлять угрозу для функционирования механизма социальных связей. Давление на личность, замкнутую от социального воздействия, создает благоприятную почву деятельности радикальных образований националистического, религиозного, экстремистского толка. В этом случае в обществе возможна смена моральной ориентации. Мизантропия, человеконенавистничество, деструктивность, жестокость могут стать приоритетными ценностями. Чувство заброшенности порождает ответную реакцию в виде формирования параллельной сферы существования, действующей в латентном пространстве, со своей иерархией, своей системой ценностей. Разделение людей на «свой» – «чужой» закрепляется в зависимости от установившихся в обществе тенденций. Неформальные структуры противопоставляют собственные принципы аморального характера общепринятым, тем самым, расширяя пропасть между социальным миром и личностью, переводя ее в состояние общественного одиночества.

В условиях жесткого коллективного существования личность не имеет возможности реализовать свое право на отношение к происходящим событиям, моральные предписания диктуют строгое выполнение правил, так как условия выживания напрямую зависят от их соблюдения. По мере расширения свободы индивида независимая позиция относительно социального окружения приобретает легитимность в глазах окружающих. Оппозиция к официальным требованиям становится морально обоснованной, исходящей из индивидуального мировоззрения, житейского опыта, духовного развития. Социальное одиночество совпадает с моральным одиночеством в точке критики и неприемлемости нравственной ситуации в обществе. Дистанция между человеком и обществом увеличивается за счет формализации моральных принципов, расхождения теории и практики в сфере моральных отношений, нарушения властью основополагающих положений социальной справедливости. Индивидуальные представления о долге, ценностях, идеалах становятся основанием сопричастности с общественно значимым или обособлением от социума. Либеральная демократия, предоставившая гражданину право на самоопределение, одновременно сформировала истоки морального релятивизма как платформы социальной самоизоляции. Отсутствие универсальных общественных идей инициирует независимость нравственного чувства.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 4. / Аристотель ; [ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди ; примеч. В. В. Бибикина и др.]. — М. : Мысль, 1983. — 830 с.
2. *Бергсон, А.* Два источника морали и религии / А. Бергсон ; под ред. Л. С. Чибисенкова ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. — М. : Канон, 1994. — 384 с.
3. *Дубинин, Н. П.* Генетика. Поведение. Ответственность / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. — М. : Политиздат, 1982. — 325 с.
4. *Дэйви, М.* Эволюция войн / М. Дэйви ; пер. с англ. Л. А. Калашниковой. — М. : Центрполиграф, 2009. — 382 с.
5. *Мень, А. В.* История религии : в поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 2. Магизм и единобожие : Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей / Прот. Александр Мень. — М. : Изд-во «Слово», 1991. — 461 с.
6. *Скрипник, А. П.* Моральное зло в истории этики и культуры / А. П. Скрипник. — М. : Политиздат, 1992. — 351 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2017

Mironov, A. V. Moral Regulation of Social Communication in the Context of the Problem of Social Isolation

The paper explores the roots of the conflict of the individual versus society, it being a cause of an overwhelming feeling of social isolation, as well as analyzing moral disagreement which affects human interaction. By shedding light on the underlying aspects of social nihilism, marginalism and self-imposed alienation from society, the article explains the nature of factors impeding transition to a more humanistic stage of civilized evolution and systematic socialization of individuals.

Keywords: social isolation, moral disagreement, interpersonal communication, the alienation of the individual, general meaning.

ИСТОРИОСОФИЯ

УДК 1:316.2

Рассматриваются основные тенденции формирования современного понимания содержания категории «историческое». Анализируются различные варианты построения логики понимания и логики объяснения доминантных причинных связей, лежащих в основе современной истории.

Ключевые слова: историческое сознание, открытый процесс истории, природное, социальное прогнозирование.

А. П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kormanial@mail.ru

НОВЫЙ СТАРЫЙ ОБЛИК ИСТОРИЦИЗМА

В истории людей нет, пожалуй, более сложного и запутанного вопроса, чем стремление понять сущность происходящих изменений в течение исторического времени. Попытки построить интеллектуальные модели миропонимания, использующие сложные схемы субъект-объектных взаимодействий, приводили либо к выводам в духе Фейербаха – «история – это выворачивание вывернутого», либо мысль поворачивалась в иную сторону, близкую к теологии, когда исторический процесс воспринимается как непредсказуемая цель случайностей, постичь которую разум не в состоянии, и человек должен смиренно претерпевать удары судьбы.

Усилиями Маркса философский зачин Фейербаха превратился в концепцию отчуждения, которая стала базой философской антропологии материализма XIX–XX веков. Однако далеко не все исторические наблюдения и факты покорно укладывались в прокрустово ложе доктрины материалистического понимания истории и потому не случайно XX век вынес на поверхность философского внимания доктрину «Бунтующего человека» А. Камю.

Так или иначе, но к концу XX – началу XXI века в мире обозначилось некое доктринальное равновесие в виде концепции либеральных свобод, которая на пике своих достижений в области понимания и объяснения логики истории столкнулась со старой истиной: «Тот, кто слишком многое доказывает, тот ничего не доказывает». В течение короткого времени ясно обозначился новый мировой тренд истории, который явно прослеживается с мюнхенской речи В. В. Путина в феврале 2007 года и отчетливо наблюдается и в результатах недавней избирательной кампании президента США, и длящейся в настоящее время избирательной кампании во Франции, Германии и т. д.

Длительное перечисление событий не так уж и важно. Гораздо важнее осознать то, что эти события открывают собой новую эпоху в культуре формирования исторического сознания и самосознания. А то, что подобного рода перестройка исторического сознания Западной Европы происходит у нас на глазах, свидетельствуют слова Вольфганга Ишингера, председателя Мюнхенской конференции по безопасности. Явно встревоженный дипломат, с более чем сорокалетним стажем, заявил: «До сих пор внешняя политика и решение вопросов безопасности представляли собой достаточно предсказуемую деятельность с жесткими правилами. Сейчас же мы столкнулись с новыми, максимально непредсказуемыми обстоятельствами. Ситуация исключительно опасная» [9]. Эмоциональное оформление высказанной тревоги более чем очевидно, но суть не в этом. Непосредственно видно, что эвентуальная логика, лежащая в основе подобных оценок и заявлений, с трудом справляется с задачей прогнозирования будущего, и мы вслед древним можем горестно воскликнуть: «О, злые мойры!».

Однако, преодолевая эмоциональные всплески и потрясения, минув при этом серьезнейшие кризисы в религиозном сознании различных направлений, внутри современной социальной практики возникает и закрепляется процесс внутреннего переформатирования истории в целом, и отечественной в особенности, когда вопросы понимания сущности соотношения природного и общественного начала истории обретают осязаемую новизну, как в терминологическом, так и в праксеологи-

ческом отношении. В целом, на наш взгляд, осуществляются фундаментальные подвижки в области теории и аксиологии понимания природы причинных факторов истории.

На наш взгляд, было бы неверно оценивать характер изменений, происходящих в современном философском знании, как преимущественно количественный, и оценивать его в целом именно в количественном отношении. Базовые категории философии истории меняются буквально на глазах, и, прежде всего, категория «историцизма» обретает новые качественные характеристики, явно различимые в работах Э. Хобсбаума [14].

В них он формулирует вывод о том, что двадцатый век оказался короток не только в хронологическом ключе, поскольку длился с 1918 по 1991 годы, ознаменовав собою завершение целой исторической эпохи, но и обозначился наступлением новой, качественно неведомой нам исторической перспективы. Ученый-историк с тревогой говорил о наступлении «перерыва непрерывности» в ходе исторической эволюции, т. е. издавек предупреждал о грядущей угрозе смысловой турбуленции, которую мы преодолеваем пока, в основном, методом временной экстраполяции.

Чтобы отчетливее представить процесс формирования новых элементов исторического знания, позволим себе небольшой временной экскурс.

С начала прошлого столетия в нашем историческом и социальном сознании, преодолев мощные культурологические турбуленции, закрепились марксистская философема, по которой река исторического времени интерпретировалась как «естественноисторический процесс». В объеме данной философской категории отчетливо наблюдается доминирование роли и значения естественного начала, которое вело исследователей к пониманию того, что это и есть объективно значимая компонента истории. Эти соображения в соединении с тезисом о возрастающей роли союза естествоиспытателей и философов способствовали укоренению взгляда на необходимость создания научных и социальных программ по образу и подобию естественнонаучных разработок, в которых внешняя причина, как правило, доминировала в системе причинения над внутренними обстоятельствами.

Понятие исторической магии, популярное у нас полвека назад в значительной степени способствовало закреплению представления о преимущественно объективно заданном направлении исторических изменений. Подобная логическая конструкция выглядела очень органичной и естественной на фоне общепринятого методологического приема оперирования термином «объективное» как чего-то такого, что существует «вне нас и независимо от нас». Если возможность исторических всплесков и допускалась, то преимущественно в континууме «роль личности – активность масс», на общем фоне которого строились умозрительные истолкования роли случайности в истории. И только сейчас начинает пробиваться тенденция понимания истории как открытого процесса, который выявляет себя вне схем причинно-следственных связей естественного типа и не соответствует никакой изначально заданной системе аксиоматического значения (здесь невольно вспоминается мысль И. Канта о принципиальной несходности процессов естественной и человеческой природы, а из событий последнего времени на ум приходит крах демократов на прошедших недавно выборах Президента США, который был обусловлен характерным для них процедурно-должным пониманием истории как однозначно-либеральной сущности, исключающей безжалостно все иные, отличные от задекларированных, тезисы и положения).

Из сказанного вытекает вывод о том, что окружающую нас историческую реальность мы начинаем воспринимать, а затем и формировать в терминах доступной свободы, которая выходит за рамки четко сформулированных правил и процедур и далеко не всегда согласуется с заданными и освещенными традициями классического нормативизма, когда нам все чаще приходится сталкиваться с процессами и явлениями, природа которых а priori исключает одномерную, линейную интерпретацию. Достаточно упомянуть в этой связи сирийский проблемный комплекс, события «арабской весны» в целом, эскалацию конфликта в Турции и еще многие другие зоны исторического перегрева. В целом эти и многие другие события вызывают необходимость выработки нетривиальных методологических подходов, которые нужно искать уже не среди вариантов логической совместимости, а находить решения, которые бы лежали в поле логической несовместимости. Поиск таких решений возможен лишь в том случае, если мы нащупаем дефинитарные подходы к созданию универсальных понятий, которые включали бы в свой объем существующие политические, юридические, философские понятия, как подчиненные.

В этой связи тезис об открытости истории по-разному вписывается в эвентуальную и строго научную логику, что, по-видимому, и определяет непростую судьбу тезиса о соотношении «природное – социальное» в отечественном гуманитарном знании. Действительно, даже поверхностный взгляд на имеющуюся литературу без особого труда обнаруживает диаметрально противоположные

трактовки: от классически ориентированного Д. И. Дубровского [6] до постклассических построений Н. Б. Оконской и Н. К. Оконской [10].

Дебаты, на наш взгляд, идут относительно разных способов и форм представления «природного» в истории, и особенно в отечественной. Эти дебаты длятся уже не одно десятилетие и уходят корнями к разработанной великим Вернадским доктрине «ноосферы». Вся вторая глава первого отдела его, ставшей уже классической книги «Научная мысль как планетное явление», посвящена исследованию содержания переживаемого современным ему человечеством момента как геологического процесса [2, с. 27-63]. Заложенная Вернадским, традиция естественнонаучного истолкования хода истории в дальнейшем получила различные оттенки. Всеобъемлющий, философско-категориальный аспект современного материализма демонстрируют представители пермской философской школы, рассуждая о роли материального начала в целом [11], либо ограничивая рассмотрение сущности вопроса рамками химической формы материи [1], т. е. осуществляя анализ на уровне «общего» и «особенного». Провозглашенная В. В. Орловым программа построения категорий материалистической философии [13, с. 120-134] недостаточно глубоко укоренилась в профессиональной сфере на общем фоне формационного сдвига, который произошел в стране в 1991 году.

Парадигмальные изменения в системе социального знания в течение последних лет привели к тому, что оно стало более заземленным и сосредоточенным на каком-то определенном аспекте перекрещивания социальных и природных связей. Сложилась такая познавательная ситуация в научной практике, когда исследовательский интерес наиболее живо и ярко стал обнаруживать себя в прикладных областях, что может, кстати говоря, рассматриваться в качестве самостоятельной задачи изучения влияния рынка на креативные способности субъектов социального знания.

Несколько упрощая ситуацию, что для научного анализа в известном отношении является неизбежным делом, мы приходим к такому положению вещей, когда редукционизм перестает быть одним из служебных, операциональных методов гуманитарного исследования, а начинает выполнять в общем комплексе методов построения научных программ роль системного организующего начала, т. е. берет на себя роль замыкающей абстракции.

Научно-методический арсенал гуманитарного исследования не может не испытывать на себе формирующее воздействие экономических посылов рынка наравне и одновременно с естественнонаучным комплексом и, в силу большей инструментальной зрелости последнего (техника публикаций результатов, инкубация выводов и т. п.), перенимает у него ряд специфических приёмов. В первую очередь, речь пойдет об адаптации к нуждам гуманитарного знания двух общенаучных процедур – упрощения логики предъявляемого объяснения, во-первых, а во-вторых – существенно упрощаются процедуры фальсификации полученного вывода в части построения схемы общелогического вывода (невольны всплывают в памяти методологические рекомендации К. Поппера), что невольно затушевывает междисциплинарные границы, делая вывод более универсальным, чем он является сам по себе. Последнее является следствием властного вхождения рынка в науку, поскольку глубина и точность фальсификации приобретает ярко выраженный стоимостной признак. Это приводит к тому, что внутри сознания ученых начинает, помимо их воли, шелкать ценовой регистратор, который принуждает их становиться на путь максимального упрощения научных программ исследования ради скорейшего получения товарного результата, т. е. научного вывода или, вернее, того, что они называют таковым.

Наиболее отчетливо эта тенденция заявила о себе с выходом монографии осветившей суть демографической политики в России за истекшее столетие [5]. Оставляя в стороне категориальную мозаику философских построений и запутанную неопределенность аксиологических оценок директор Института демографии НИУ ВШЭ Анатолий Вишневецкий, с присущей прикладнику прямоотой, констатирует: «Россия навсегда упустила свой демографический шанс» [3]. Ученый считает, что этот процесс происходил на фоне маргинализации социальных процессов последних десятилетий.

Не забираясь в дебри философских премудростей (именно так происходила в узких профессиональных кругах редукция исторического понимания к «простым основаниям») демограф резюмирует константную незавершенность отечественной истории по причине того, что она осуществлялась массами людей, покинувших свой привычный социальный статус, но еще не успевших сжиться с новым социальным обликом. Это и приводило к тому, что исторической кристаллизации быта, языка, социальных алгоритмов поведения в толще населения не происходило или шло в значительно замедленной форме, что и привело к искривлению исторической траектории страны, выразившейся в том, что по своему содержанию, с точки зрения теории социальной динамики, социальная структура общества стала эволюционировать как маргинальная, т. е. приобретение новых свойств соци-

альными солидарностями разных типов становилась по преимуществу спонтанным и не сопровождалось весьма длительной социально-исторической экспозицией потребной для стереотипизации этих свойств, что сообщило историческому портрету российского общества XX века ряд противоречивых черт. Достаточно вспомнить в этом отношении слияние двух процессов – раскрестьянивания и урбанизации, чтобы общий контур социальных деформаций стал более доступным.

Анализируя «возрастную пирамиду» населения страны последних десятилетий, демографы приходят к неутешительному выводу о том, что тенденция старения трудоспособных мужчин становится все более устойчивой. Сам по себе этот факт, установленный прикладной социальной наукой, не может не тревожить, т. к. свидетельствует о наступивших серьезных деформациях социально-возрастной структуры населения страны в целом, которые, свою очередь, по цепочке вызывают нежелательные следствия в социальной динамике институционального свойства. Речь идет о серьезных проблемах кадровой комплектации современной армии, кадровой эрозии социально-профессиональных групп в экономике вынужденной феминизации структур образования и культуры (А. Горюнов: вспоминается талантливая кинолента «Доживем до понедельника» советской поры, в которой эта тревожная нота демографического свойства уже звучала весьма отчетливо. Заметим, что подобный ряд художественных прозрений можно было бы без особых усилий продолжить, если бы не академические рамки статейного материала).

Тревоги современной демографии выглядят весьма контрастно на фоне идущего еще из XIX века прогноза, принадлежащего великому Д. И. Менделееву, который в течение XX века предрекал России гигантский всплеск населения до полумиллиарда человек. Цифра умопомрачительная, особенно если соотнести ее с современными данными (дотошный читатель, открыв современные справочники, легко в этом убедится). Не вдаваясь в подробности, хотя один только факт наличия двух мировых войн в XX веке говорит о многом, и, не впадая в притворные сожаления на тему печальных заблуждений великих ученых, скажем, что подобная линейность в рассуждениях Менделеева была обусловлена, на наш взгляд, естественнонаучным энтузиазмом базаровского типа: «природа – мастерская, а человек в ней – работник».

Сделанный крупным ученым вывод – не случайная оговорка, появившаяся в его высказываниях. Дело даже не в том, что названа слишком большая цифра – тогда все можно было бы свести к вопросу точности подсчета, а в том, что логика понимания истории (демографии в частности) строилась в точном соответствии с принятыми в естественных науках приемами интерпретации эмпирических данных. Суть дела в том, что для естествоиспытателя установленный эмпирический факт – это факт действительности как таковой, тогда как для гуманитарного истолкования важно то, что вместе с этой характеристикой учитывается и то, что этот факт одновременно характеризует деятельность. А это – мотивы, ценности, оценки, т. е. субъектное измерение исторического поля. Но тогда следует признать, что подлинная ошибка Д. И. Менделеева – смешивание принципов естественного и социального измерений или, точнее говоря, подмена одного другим.

Динамика усиления темпов социального и экономического роста России в конце XIX века послужила, как мы видим, основанием для осуществленной «усредненной» экстраполяции наблюдаемых в то время процессов на весь XX век. Очевидно, что с высот XXI века, подобные ошибки воспринимаются как досадные оговорки, но не будем забывать о том, что подобным же образом, выстраивались и выстраиваются многие прогнозы в XX и XXI веке, что неопровержимо свидетельствует о том, что переход в модели открытого исторического процесса в научной практике остается затрудненными. Попробуем нащупать основные болевые точки возникших затруднений. Если не отвлекаться на освещение сопряженных тем, местами очень актуальных и интересных, то придется признать, что затронутая еще В. В. Розановым и в «Уединенном» и в «Опавших листьях», в ряде работ И. А. Ильина идея о «нормальности» течения отечественной истории продолжает сохранять роль раздражителя научной мысли [7].

Идея усредненной исторической нормы в российской научной среде воспринималась неоднозначно, уже хотя бы потому, что над умами ученых довлела, принадлежащая Н. Бердяеву, мысль о том, что необъятные просторы поглотили российскую историю. Если к этому прибавить тезис Л. Н. Гумилева о глобальной исторической роли этновмещающего ландшафта, то роль природного начала в объективном проистечении отечественной истории трудно переоценить [4]. Видимо, не случайно изгибы судьбы Л. Н. Гумилева привели его на географический факультет Ленинградского университета, где он с блеском преподавал социальную географию, постигая при этом притягательную связь природного и социального, которую он виртуозно облек в этнологическую форму.

Само по себе содержание этнологической концепции многогранно и одно из возможных след-

ствий из неё и выливается, на наш взгляд, в убеждение А. Вишневого, что именно необъятность отечественной географии постоянно генерирует кризис коммуникаций, который в последнее время обострился. Становятся ясны основания популярной для западных радикалов и некоторой части наших либерально ориентированных ученых мысли о том, что России необходимо помочь избавиться от излишков территории, которые «провоцируют» империалистические стремления российской власти. Перед нами возникает один из любопытных феноменов современной геополитики, в тиглях которой сплавляется философия истории и приемы современной дипломатии, что лишний раз свидетельствует о далеко не безобидном характере манипулирования категориями философии, за стройными рядами которых теснятся, по выражению Стругацких, «хищные вещи века».

Живя в Крыму, этой подлинной исторической колыбели человечества, пульс мировой истории невольно воспринимаешь как собственный, и потому живое созерцание исторических событий тесным образом переплетается с процессом логической фильтрации времени. Действительно, вот уже три года истекло со времени, когда народ Крыма определенно высказался по поводу воссоединения с Россией. Казалось бы, эмоциональные проявления должны были поутихнуть и разум должен был начать свою созидательную работу, но, увы, мы, во всяком случае, пока, этого не наблюдаем. Очевидно, что не территориальная целостность Украины как таковая обеспокоила Запад – вспомним и югославский конфликт, и каталонскую проблему в Испании, и проблемы Севера и Юга в Италии и еще многое другое – и станет ясным, что нарушение принципа территориального суверенитета, а ведь именно он скрепляет структуру международного права, как утверждают западные политологи и юристы, в конечном итоге, побудило западный мир заговорить санкциональным языком.

Логическая нестыковка названных тезисов может быть преодолена в том случае, если допустить, что за внешним проявлением территориальной проблемы скрываются более глубокие основания этнологической природы, о которых мы уже говорили ранее [8]. Дело здесь даже не в том, что за одним скрывается нечто другое, а в том, что это другое является чем-то более глубоким, многомерным по своему объему и содержанию.

Упомянувшийся выше институциональный кризис имеет под собой не одни только демографические основания. Они, на наш взгляд значительно шире и глубже уходят в глубину нашей истории. Если принять во внимание два формационных сдвига, следовавших друг за другом в течение одного лишь века (речь в данном случае идет о драматических событиях 1917 года и 1991 года), невольно закрадывается мысль о том, что XX век оказался излишне внимателен к России, и если не принимать этот вывод всерьез, тогда приходится признавать другое, а именно: логика истолкования истории, построенная на линейно-вертикальном принципе объективности основания, а, следовательно, и неизбежного наступления следствия современной социальной практикой воспринимается уже с большей осторожностью и внесением ряда корректирующих поправок. Действительно, с точки зрения человека, находящегося в настоящем времени, все, что уже произошло ранее него, предъявляет себя субъекту как внешнее и не зависящее от него, т. е. объективное содержание того, что уже случилось. Это так, но ведь таковым вывод становится в логике актуализации, но совсем иначе выглядит в терминах логики времени. Нетрудно заметить, что события 1917 и 1991 годов при темпоральной интерпретации уже не выглядят столь уж необходимыми и неизбежными.

Перед нами снова встает проблема тотальной модернизации наличного логического инструментария, основной задачей которой является необходимость создания единого ансамбля логических модальностей, когда эпистемическая, аксиологическая и деонтическая модальности, слившись в одно целое, создадут прочную основу для развития науки начавшегося тысячелетия.

Очевидно, что только на этом пути нам удастся разрешить немало парадоксов практики социального управления: во многом это касается и способа понимания различных аспектов категории «территориальный суверенитет», и проблеме соотношения «территориального» и «национального» суверенитетов, и проблеме соотношения государственного и местного самоуправления.

Нетрудно заметить, что последовательное разрешение указанных и многих других проблем налагает на гуманитарное знание серьезные обязательства в части разрешения так называемых «вечных» вопросов отечественной истории.

Если прозвучавшая в Мюнхене в 2007 году речь Президента России по-новому обозначила тренды исторического бытия народов мира и потому обрела подчеркнуто глобальное значение, то домашнее задание по истории и философии истории, принимая во внимание место и роль истории в России в мировом процессе, выполняется все еще недостаточно эффективно. Перечислить все пункты этого «домашнего задания», если так можно выразиться, не предоставляется возможным, но попробуем обозначить его основные силовые линии.

Для российской истории последних столетий все еще сохраняет актуальность известная мысль Маркса о том, что насилие – это повивальная бабка истории. Молодые демократические структуры управления современной России до конца еще не определились в отношении главного социально-технологического вывода XX века, что насилие является самым эффективным средством для построения и упрочивания нового социального порядка. Для российского исторического мышления этот тезис особенно близок со времен еще Петра Великого, который благодаря именно технократическим усилиям «в Европу прорубил окно».

Этим, по-видимому, и объясняются некоторые неясности и нестыковки современного политического процесса, как у нас, так и за рубежом. С одной стороны, подобная извилистость естественна для становящейся новой исторической линии страны, с другой – симптом глубокого разлома в оценке исторического наследия. Мысль для Отечества, как видим, не новая, но в известном смысле искушающе привлекательная особенно тогда, когда транслируется на фоне классической фразы о том, что «русские долго запрягают, но быстро ездят». Особо пикантный смысл этой коллизии задает формула исторического классика В. О. Ключевского, согласно которой в России борьба политических партий всегда незаметно перерастала в борьбу учреждений. Отмеченная выше проблема институционального дисбаланса в современном социальном развитии находит, таким образом, несколько неожиданное, но весьма важное преломление. Нужно признать, что ради ясного и определенного звучания государственной воли, голоса инакомыслия далеко не всегда достигали до уровня принятия решений. Нередко для решения этой задачи использовалась не конкурентная борьба различных политических программ и платформ, а включались различные функции государственных учреждений, как частей механизма государства в целом.

Если взглянуть в эту мысль повнимательней, то мы должны согласиться с тем, что логика «внешнего» или государственного (объективного) воздействия неуклонно подчиняла себе все субъектные, т. е. политические или волевые процессы. Следовательно, «объективное» безоговорочно довлело над «субъективным» практически исключая диалектику обратной связи.

Справедливости ради, отметим, что рассматриваемая особенность общественного развития не является уникально российской, она характерна и для других стран, но в нашем развитии она проступает явно, учитывая масштабы и размах страны. Многоликий состав российского политического хора всегда выступал и выступает как громоздкий и трудноуправляемый объект (европейские модели парламентаризма отрабатывались на компактных государственных объединениях), а потому власть, вне зависимости от своей окраски (монархическая, коммунистическая, демократическая), стремилась и стремится к тому, чтобы повысить управляемость обществом в целом, что и приводит к дисгармонии, отмеченной В. О. Ключевским.

Касаясь проблемы населения, относительно российского исторического конфликта, можно отметить еще один важный аспект ее встраивания в общую конфигурацию социального строительства, а именно: в природе российской власти с трудом просматриваются связи организованного государственного насилия и консолидированного общественного самоуправления, которое было бы выражено в форме общественного договора. Необходимым следствием деформации такого рода в практике правового регулирования является неразрывность публичного и частного права. Если внимательно взглянуть в отечественную историю, мы заметим восхождение этого тезиса к практике управления принятой еще во времена Древней Руси, которая вытекала из известного постановления Любичского съезда князей, гласящий: «Да владеет каждый вотчиной своею!». Как видим, вирус неинституциональности государственного управления занесен в нашу историю давно. Избавиться от него способом проведения реформ государственного управления не удастся уже какое столетие нашей истории. Не углубляясь слишком в историю, вспомним только реформы Петра Великого и все следующие за ним для того, чтобы понять, что процесс исторического делания в России по форме очень походил на «революции сверху», не затрагивая глубин народного сознания, не достигая уровней субъективного сознания, которое в своем существовании следовало извилистыми путями какой-то своей правды (не путать с истиной), нередко трагедий нового свойства. Видимо, не случайно классическая русская литература украшена именами Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Гоголя, посвятивших этому загадочному излому русской души многие страницы своих произведений. Творчество этих замечательных писателей (о многих других молчим, будучи скованы законами жанра) благостно накрыта флером поэтической фразы Ф. И. Тютчева: «Умом Россию не понять...», которая снимает болевые ощущения от соприкосновения с логической недосказанностью нашей истории и естественно приводит нас к суждению, что «не в силе Бог, а в правде».

Именно в этой точке изложения мы фиксируем мысль о том, что в конечном итоге, пришли

к тому же противопоставлению, с которого начинали статью, когда философу Фейербаха контрарно скоординировали с теологической концепцией. Разрешить этот вековечный спор способна философская логика Сартра, сконцентрированная в одной фразе: «Ад – это другие!». В этой емкой философской формуле, на наш взгляд, содержится указание на ключевой момент выделения логического смысла, когда мы приступаем к историческим аналитикам.

Безусловно, правы все те ученые, которые с величайшим тщанием устанавливали место и роль тех или иных объективированных начал истории. Разве можно пройти мимо выводов Вернадского и Гумилева, не обратить внимание на Орлова или пренебречь логикой Вишневского и еще многих других? Конечно, нет. Все они работают, и работают добросовестно, научно выверено. При этом, попутно отметим, что не менее добросовестно трудится и гуманитарный отряд Запада. Но тогда, почему так тревожно звучат слова Фукуямы: «История кончилась», или голос Ф. Могерини: «История – это предсказуемая непредсказуемость»? Что скрывается за их озабоченностями?

Причина, видимо, в том, что классические интерпретации истории историками и Запада и Востока заканчиваются неудачами разного масштаба, но с одним и тем же конечным неутешительным выводом в стиле Фукуямы. Ситуация выглядит едва ли не фатальной, но фатум и наука живут в разных измерениях, а потому не совпадают. Следовательно, изъяс надо искать в теоретико-методологическом комплексе. На наш взгляд, привычка в течение столетий доверять и следовать всему тому, что «объективно», выработала у ученых своего рода рефлекс по поводу того, что «вне нас и независимо от нас». Оно воспринималось как надежное свидетельство присутствия истины – и это – правильно, с этим никто не спорит. Но это пристанище, как показывает современная история, является не единственным, достоверно установленным местом пребывания истины. Оказывается, что логика причинения в истории нередко строится не на внешних, а на внутренних связях, что принуждает нас находить причину внутри себя, а не во вне. Не случайно XX век отметился фразой К. Платонова: «Без меня – народ неполный!»

Все это говорит о том, что современная научная историческая и философская практики вплотную приблизились к необходимости категориального освоения интрасубъектного пространства, которое должно стать не только предметом художественного отражения (все формы искусства), но и выйти далеко за пределы психологического знания и обрести статус общенаучной проблематики гуманитарного плана. В этой связи нужно постоянно иметь в виду, что соединяя «внутреннее» и «внешнее» в одном аналитическом поле, мы неизбежно столкнемся с расширением применения в научной практике исследований приема «замыкающей абстракции», который, будучи эффективным средством объяснения, вместе с тем несет с собой опасность примитивизации общественной жизни в целом и отдельных её институтов в частности.

Вспоминается мысль Б. Рассела о том, что философия в течение всей своей истории состояла из двух частей, не гармонизировавших между собой. С одной стороны – она всегда была теорией о природе мира, с другой – была комплексом этических и политических учений о том, как лучше жить. Неспособность четко разделять эти две стороны «была источником большой путаницы в мыслях» [12, с. 982-983].

Остается надеяться, что открыв третье тысячелетие, мы услышим, наконец, и поймем эти проникновенные слова. Сейчас же мы вплотную приблизились к перестановке логических ударений в исторической формуле Маркса, согласно которой «способ производства» = «деятельность» + «общественная форма». Если, со времен Маркса, раскрывая содержание системного понятия истории, каким является понятие «способ производства», было принято ставить логическое ударение на категории «общественная форма» (отсюда и берет начало взгляда на историю, как на смену общественно-экономических формаций), то сегодня всё отчетливее проступает тенденция его смещения в сторону категории «деятельность». При этом надо соблюдать теоретическую и методологическую тщательность, чтобы не допустить смещения указанной нового логико-философской задачи в область традиционных психологических истолкований, поскольку речь идет не о предметном расширении поля интерпретации выводов за счет психологии, а о серьезной и глубокой трансформации категориальной формулы философии истории.

Выдвижение такой логической задачи на авансцену научного анализа ведет к возникновению более глубокого и заинтересованного взгляда историков в сторону субъектного компонента истории. Раскрытие содержания этого компонента – очень непростая задача, затрагивающая практически все стороны общественного бытия человека. И если в дипломатических кругах, как мы уже говорили, эта тенденция воспринимается, как крайне тревожная, то в сфере теоретического осмысления наступает пора напряженной работы, направленной на дальнейшее совершенствование теории.

Правда, слышатся в отдалении отзвуки глубокого сомнения Беранже: «Как же быть, если к правде святой, мир дорогу найти не сумеет?», которое нам, будем надеяться, удастся разрешить с помощью ума, но не силы.

Список литературы

1. Васильева, Т. С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс / Т. С. Васильева ; науч. ред. В. В. Орлов. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. — 136 с.
2. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский ; отв. ред. А. Л. Яншин ; АН СССР. — М. : Наука, 1991. — 270 с.
3. Вишневский, А. «Россия навсегда упустила свой демографический шанс» : Демограф Анатолий Вишневский о тяжелом наследии и угрозах для населения России (6 октября 2016) / Анатолий Вишневский ; подгот. Андрей Мозжухин // Lenta.Ru (Лента.Ру) : сайт. — URL: <https://lenta.ru/articles/2016/10/06/vishnevsky/> (дата обращения: 10.02.2017).
4. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев ; АН СССР, Геогр. о-во СССР. — Л. : Наука, 1990. — 278 с.
5. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. — М. : Новое изд-во, 2006. — 608 с.
6. Дубровский, Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д. И. Дубровский. — М. : Канон+, 2002. — 368 с.
7. Ильин, И. А. Почему мы верим в Россию / Иван Ильин. — М. : Эксмо, 2006. — 912 с.
8. Коркишко, А. П. Направления развития этногенетической концепции Л. Н. Гумилева / А. П. Коркишко // Парадигмы истории и общественного развития. — Вып. 1. — Севастополь : СевГУ, 2016. — С. 21–25.
9. Наумов, А. Закат Запада : В Мюнхене самые влиятельные политики мира похоронили старый мировой порядок (20 февраля 2017) / Алексей Наумов // Lenta.Ru (Лента.Ру) : сайт. — URL: https://lenta.ru/articles/2017/02/20/dusk_of_the_west/ (дата обращения: 16.02.2017).
10. Оконская, Н. Б. Эволюция и генетика общества в фокусе философии : монография / Н. Б. Оконская, Н. К. Оконская. — Севастополь : ЧП Арефьев М. Э., 2006. — 344 с.
11. Орлов, В. В. Человек, мир, мировоззрение / В. В. Орлов. — М. : Молодая гвардия, 1985. — 220 с.
12. Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней : в трех книгах / Бертран Рассел. — М. : Акад. проект, 2008. — 1003, [1] с.
13. Философский материализм и современность / [В. В. Орлов, А. Н. Коблов, Т. С. Васильева и др.]. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. — 224 с.
14. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей : короткий двадцатый век, 1914–1991 / Эрик Хобсбаум ; [пер. с англ. Е. М. Нарышкиной, А. В. Никольской]. — М. : Независимая Газета, 2004. — 630 с.

Статья поступила в редакцию 9.03.2017

Korkishko, A. P. *The New Old Historicism*

Along with expanding on key tendencies in developing a new comprehensive understanding of the meaning of historicism, the article offers an analysis of the variety of ways to logically understand and explain the predominant causal relationship underlying modern history.

Keywords: historical consciousness, uncontrollable historical process, the natural, social forecasting.

УДК 130.3.000.93

Рассматривается соотношение понятия «историческая память» с категориями «коллективная (социальная) память», «историческое знание», «историческое сознание», основные формы исторической памяти, её значение для устойчивости общества.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, история, историческое сознание, научное знание.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlalcncko.vitalij@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: СУЩНОСТЬ, ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ, РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

Распад Советского Союза и возникновение на его месте новых государственных образований поставили вопрос о формировании национальных историй, адекватных новой реальности. Процессы эти сопровождались пересмотром, зачастую радикальным, картины прошлого, сложившейся в советском обществе. В сознании людей столкнулись прежние и новые представления о прошлом их народов и государств, включавших территории ныне независимых республик.

В постсоветской науке развернулось обсуждение проблем, связанных с феноменом исторической памяти. При этом сразу же стала очевидной сложность определения содержания данного понятия. Она связана, во-первых, с тем, что объект находится на стыке различных наук – истории, философии, социологии, политологии, психологии.

Во-вторых, неоднозначно определяются составляющие это понятие категории «история» и «память». «История» в онтологическом ее аспекте понимается как само прошлое. В гносеологическом измерении – как знание о прошлом. В повествовательном смысле – как устный или письменный рассказ. При этом само прошлое, то, что мы знаем о нём, и то что повествуется о минувшем – далеко не тождественны.

Сложен для постижения и феномен «памяти». Он изучается философией, психологией, этнографией, историей, социологией и другими науками. Каждая из них имеет свой аспект в ее понимании и толковании.

В философском смысле «память» определяют как систему, «обеспечивающую запись (кодирование), хранение и передачу информации одних поколений к другим» [6, с. 84].

В психологической науке память определяется как функция психики, выражающаяся в свойстве воспринимать, сохранять и воспроизводить различные впечатления, как внешние, так и психологические переживания индивида. Согласно распространённой классификации психологи выделяют следующие виды памяти:

Непосредственная – позволяющая осуществлять взаимосвязь между последующими интервалами времени. Оперативная – работающая в данный конкретный момент. Долговременная – сохраняющая образы явлений и предметов внешнего мира, нужные человеку в течение длительного времени и которыми он пользуется периодически. Долговременная память может быть как личной, так и коллективной. Под коллективной памятью чаще всего понимается комплекс разделяемых данным сообществом мифов, традиций, верований, представлений.

В контексте заявленной темы нас интересует долговременная память, прежде всего коллективная. Долговременная память является основой исторического сознания, которое, в свою очередь, является частью сознания общественного.

Наконец, в третьих, сложность связана с тем, что «историческая память» либо отождествляется, либо противопоставляется, либо недостаточно внятно соотносится с другими феноменами – «коллективная память», «культурная (социальная) память», «история», «историческое сознание» и т. п. Вместе с тем, необходимость решения практических задач, стоящих в области исторического просвещения, требует большей определённости в соотношении этих понятий.

«Коллективная память» и «историческая память». Французский социолог Морис Хальб-вакс (1877-1945), который ввел в 1925 году в научный оборот понятие «коллективная память» [11], исходил «из различия между типами прошлого, которое восстанавливаются коллективной (т. е. социальной) памятью и историей» [2, с. 133]. Однако, впоследствии этот вывод не получил единодушной поддержки. В отечественной науке коллективная и историческая память либо отождествляются, либо различие между ними обозначается невнятно.

Так, например, известный специалист в области методологии истории Л. П. Репина пишет: «Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [7, с. 12]. Соглашаясь с данным выводом, можно соотнести понятия историческая и коллективная память как **часть и целое**.

«Историческое сознание» и «историческая память». Эти понятия либо употребляются как синонимы, либо соотносятся как целое и часть. Обоснованием для последнего служит утверждение о том, что историческое сознание включает, с одной стороны, память как «стихийный» феномен, а с другой – научно-историографические представления о прошлом.

В конце XX века немецкий историк Ян Ассман выдвинул концепцию «культурной памяти» [1]. Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю [17, с. 11].

В. О. Герасимов в качестве исходного момента рассуждений о феномене исторической памяти берет тот факт, что она «является проявлением того, что иначе называется культурной (социальной) памятью, или памятью культуры» [2, с. 134]. Автор полагает, что последняя «формируется в двух фундаментальных разновидностях: как память историческая и как память мифологическая» [2, с. 134-135].

Таким образом, в нашей научной литературе встречаются как минимум две точки зрения на «культурную память» в контексте данной статьи. Согласно одной из них, «культурная память» удерживает лишь «мифическую историю». Согласно другой, она включает как мифологическую, так и историческую память, почему-то отделяемую от первой. На наш взгляд, привлечение концепции Яна Ассмана для рассмотрения проблемы исторической памяти, ведет к нарушению методологического принципа, известного как «бритва Оккама».

История (как знание о прошлом) и историческая память. Часто эти два понятия воспринимаются как синонимы, иногда рассматриваются как противоположные друг другу [9, с. 17]. Так, например, М. Хальбвакс полагал, что история (как знание о прошлом) «обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [10].

Можно согласиться с утверждением М. Хальбвакса о том, что память о прошлом сохраняется только в сознании той группы, которая ее поддерживает. Забвение событий и фигур вызвано не антипатией, отвращением или безразличием, а исчезновением групп, которые хранили память о них.

В исторической памяти (памяти о прошлом) нет строгих делений на периоды или схемы, приущих научному историческому знанию, стремящемуся к универсальности. При всех разделениях на национальные историописания есть только одна научная история. Но вариантов коллективной памяти одновременно существуют несколько. Это предопределяется одновременным существованием многих социальных групп, у каждой из которых «своя история» [10].

Формы исторической памяти. Историческая память, как и историческое сознание в целом, может существовать в двух основных формах – научно-теоретической и обыденной или массовой.

В основе научно-теоретической формы – признание различия между прошлым и настоящим, требование достоверности информации, на основании которой прошлое может быть восстановлено, постоянные сомнения относительно того, в какой степени исторические явления могут быть сопоставлены с фактами современной жизни [8, с. 19].

Для обыденной или массовой формы характерны эмоциональное восприятие прошлого, осовременивание его, интерес к нему с точки зрения происхождения современных явлений социальной жизни, свободное использование воображения для реконструкции образа прошлого [8, с. 19].

Обыденная форма исторической памяти существенно преобладает в обществе. При этом она многовариантна в силу наличия социальных групп с различными интересами, ценностями, этническими особенностями, исторической судьбой, жизненным опытом. На формирование массовой исторической памяти наряду с систематическим историческим образованием влияют литература, искусство (особо отметим роль кино), средства массовой информации, социальные сети и т. п.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать:

Историческая память – форма (часть) коллективной (социальной) памяти.

Историческая память – синоним понятия историческое сознание или практически совпадает с ним.

Историческая память – система представлений о прошлом, утвердившаяся в общественном сознании.

Историческая память существует в научно-теоретической и обыденной (массовой) формах.

В качестве выводов:

Фундамент исторической памяти – научное знание. Оно более устойчиво, чем обыденное, но также не является неизменным, ибо представляет собой «возможное прошлое, результат исторической реконструкции, в основе которой лежит интерпретация историками следов реального прошлого, которые сохраняются в настоящем.

Оценка исторических событий неизбежно осуществляется из контекста настоящего, что находит своё столь же неизбежное отражение в историографии» [2, с. 136].

Устойчивость общества в настоящем и будущем в определяющей степени зависит от массовой исторической памяти, степени консенсуса основных социальных групп по фундаментальным вопросам общего прошлого. Необходимы целенаправленные усилия государства по достижению его через систему образования, средства информации, массовую культуру, коммуникационные технологии.

Список литературы

1. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
2. Герасимов, О. В. Феномен исторической памяти / О. В. Герасимов // Вестник университета российской академии образования. — 2013. — № 5 (68). — С.133–137.
3. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. — 768 с.
4. Кознова, И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения / И. Е. Кознова // Социология власти. — 2003. — № 2. — С. 23–32.
5. Леонтьева, О. Б. Многоликость исторической памяти / О. Б. Леонтьева // Вестник Самарского муниципального института управления. — 2013. — № 2 (25). — С. 134–131.
6. Моисеев, Н. Н. Алгоритмы развития / Н. Н. Моисеев. — М. : Наука, 1987. — 302 с.
7. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 / Л. П. Репина. — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — 44 с.
8. Репина, Л. П. История исторического знания : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020700 История / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — 2-е изд., стер. — М. : Дрофа, 2006. — 288 с.
9. Соколова, М. В. Что такое историческая память / М. В. Соколова // Преподавание истории в школе. — 2008. — № 7. — С. 17–22.
10. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // Журнальный зал : сайт. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения 2.09.2016).
11. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с.
12. Хаттон, Патрик Х. История как искусство памяти / Патрик Х. Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Владимир Даль : Фонд УН-т, 2003. — 422, [1] с.

Статья поступила в редакцию 6.01.2017

Kovalenko, V. V. The Nature, Basic Types and Social Significance of Historical Memory

The article offers a review on how the notion of “historical memory” is compared with such concepts as “collective (social) memory”, “historical significance” and “historical consciousness”. Also, basic forms of historical memory and its importance to social stability are considered.

Keywords: historical memory, cultural memory, history, historical consciousness, scientific knowledge.

Рассматривается проблема культуры как неперенного атрибута человеческой деятельности, результатом которой становится преобразование пространства и формирование социальности. На основе анализа способов экзистенциального взаимодействия человека и природной среды (экологии), социального саморазвития, автор статьи предполагает определенные формы культурного освоения окружающего пространства – природо-пользовательную, природо-организующую и природо-созидающую.

Ключевые слова: культура, цивилизация, общество, человек, пространство, экология, деятельностный фактор, экологический императив, глобализация.

А. С. Филатов, доцент, канд. филос. наук

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

E-mail: asfilatov58@gmail.com

КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ПРОСТРАНСТВА

Определение понятий «культура» и «цивилизация» восходит еще к античной философии (хотя сам термин «цивилизация» тогда не использовался). В XVIII веке И. Кант обозначил различие между этими понятиями. В настоящее время насчитывается несколько сотен определений понятий, связанных с понятием «общество». Его значимость обусловлена не только тем, что общество есть объект социально-политических исследований, но и тем, что определение «общества» позволяет более точно и адекватно представлять контекст исследования и даёт характеристику его инструментария.

Формирование общества происходит вследствие эволюции человеческого сознания. Преобразования в общественной системе осуществляются в процессе исторического развития человека. В этом смысле общество есть естественное следствие человеческой деятельности, а отнюдь не искусственное образование. Теория «общественного договора» Т. Гоббса, объясняющая возникновение общества искусственным путем, вряд ли может быть приемлема. Общество есть результат социальных связей, возникающих и устанавливающихся в процессе социальных действий человека, или, как отмечал М. Вебер, поведения человека, ориентированного на другого.

П. А. Сорокин, один из классиков мировой социологии, отмечал, что «общество означает не только совокупность нескольких единиц (особей, индивидов и т. д.), но предполагает, что эти единицы не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия, то есть оказывают друг на друга то или иное влияние, соприкасаясь друг с другом и имеют между собой ту или иную связь» [4, с. 28]. Уделяя значительное внимание определению общества, в связи с формулировкой предмета социологии, П. А. Сорокин приходит к выводу, что при внешней схожести механизмов функционирования человеческого сообщества и сообществ высших животных, единственным критерием, позволяющим отличать первое от второго, является качество сознания, присущее человеку. Ссылаясь на известного российского социолога и психолога Е. В. Де Роберти, он отмечает: «ни один вид, кроме человека, не обладает высшими формами сознания, представленного четырьмя основными классами социальной мысли: а) абстрактными понятиями и законами научного мышления, б) философскими и религиозными обобщениями, в) языком символов в искусствах, г) рациональной прикладной мыслью во всех дисциплинах от технологии, агрономии и медицины до этики, социального планирования и инженерии» [4, с. 157].

В определении общества представляется значимым признание того факта, что в основе социальных связей и социального поведения человека лежит фактор сознания. По этой причине, безусловную ценность и интерес представляет определение, данное в личной переписке, российского философа Ю. В. Олейникова, который характеризует общество как способ существования сознательных существ. В этом случае точно фиксируется источник не только социогенеза, но и последующего социального развития и совершенствования.

Исходя из данных определений, строится понятие «социальность», выступающее важнейшим атрибутом общества. При определении понятия «социальность» учитывается существование двух его основных трактовок. Общее, широкое значение социальности относит это понятие к различным формам социальных связей, проявляющимся во всех сферах общественной жизни. Специфическое (узкое) значение термина связывает его с взаимодействием элементов социальной структуры, когда оно (взаимодействие) направлено на сохранение и развитие социальных отношений и традиций, не связанных непосредственно с экономическими потребностями и политическими интересами. Последнее значение социальности отражает собственно социальную сферу общественной жизни.

Другим важнейшим атрибутом общества в его категориальном измерении становится понятие «социальное устройство», выражающее характер системности общества, без которого оно не может существовать. Это понятие самым непосредственным образом связано с политической системой общества. Социальное устройство или, как иногда определяется, социальный строй основным своим компонентом имеет систему регламентации и контроля отношений элементов социальной структуры. К числу наиболее значимых из них относятся личности, социальные слои, классы и институты.

Отсюда следует, что, во-первых, в мировой истории существует большое множество самых разнообразных форм социального устройства, связанных со спецификой социального управления. Эта специфика обусловлена самыми разнообразными факторами: социальными (историческими, культурными, моральными, этническими, а также сложившимися традициями), физическими (в т. ч. природно-географическими), индивидуально-психологическими (состояние общественного сознания, тип социального лидерства, менталитет общества).

Во-вторых, социальное управление есть форма и способ управления обществом, используемые государством как социальным институтом. Методологическим основанием социального управления выступают принципы, характерные для политического режима. В то время как государственное управление осуществляется правящей партией, монархом или президентом в отношении государственного аппарата. Поэтому оно есть управление государством как политическим институтом.

Приведённые характеристики общества позволяют сделать несколько важных выводов.

Во-первых, общество возникает и формируется в процессе реализации деятельностных качеств человека, необходимым следствием чего становятся разнообразные социальные связи, структура которых обеспечивает системные признаки общества и, отсюда, само существование общества.

Во-вторых, техника деятельности и формы социальных связей осуществляются благодаря комплексу различных норм, стандартов, правил, способов, методов и тому подобное, свойственных человеку как носителю высокого сознания. При этом и деятельность, и социальные связи проявляются в самых разнообразных видах и сферах – материальной и духовной, предметно-практической и абстрактно-идеальной, организационно-деловой и творчески-моделирующей. Собственно, речь идёт о том, что принято обозначать культурой общества.

В-третьих, реализация отмеченных особенностей человека – деятельности и социальных связей, – обеспечиваемых высоким сознанием, приводит к тому, что, с одной стороны, общество возникает, формируется, функционирует и существует как продукт человеческой культуры, а, с другой стороны, сама культура становится продуктом функционирования общества. С этих позиций мы можем говорить и об обществе культуры, и о культуре общества.

Культура представляется как безусловные достижения человеческой деятельности в сфере духовного и материального производства. Она есть следствие и специфическое обрамление социальной деятельности. Отсюда, культура выступает в качестве достигаемого результата, условий и способа человеческой деятельности во всем ее многообразии. Следовательно, мы имеем все основания говорить как о духовной, так и о материальной культуре. В таком контексте культура непосредственно сопряжена с деятельностью, являясь ее (деятельности) результатом, и опосредованно формирует деятельность складывающимися условиями человеческого существования, которые строятся по определенным стандартам, нормам и моделям.

Поэтому, как человеческая деятельность охватывает всё новые пространства в процессе исторического развития общества, становится всё более сложной и многофункциональной, так и культура в известном смысле глобализируется. И общество, и культура проявляют и реализуют себя в глобальных пространствах (что, конечно, не отменяет их реализацию на локальных уровнях). Именно этот аспект становится наиболее важным с позиции исследования геополитических процессов.

Понятие «глобализация», получившее в последнее время широкое распространение, то социальное явление, которое оно выражает, ассоциативно связано с расширением экологического пространства, обретающего в современности, по определению В. И. Вернадского, состояние ноосферы.

В конце XVIII века достаточно четко обозначился переход человечества к качественно новому этапу своего исторического развития. Знаменем этого переходного периода стало внедрение в систему материального производства парового двигателя. Это привело к появлению такой рабочей машины – орудия производства, – которая приводилась в действие не за счет мускульной силы рабочего, а управлялась им. Позднее эти изменения стали обозначаться как «промышленная революция».

Ввод парового двигателя в процесс производства состоялся благодаря формированию новой мировоззренческой системы. В свою очередь мировоззренческая система, подготовившая «промышленную революцию», утверждается на базе созидательной функции личности в процессе ее со-

циальной, в т. ч. практическо-преобразовательной деятельности. Деятельность же, обеспечивается, прежде всего, развитием человеческого сознания – в онтогенетическом и филогенетическом плане.

Деятельностное преобразование окружающей действительности становится возможным благодаря осмыслению человеком мироздания. На основе этого строится определенная модель поведения, социального в том числе. В конечном счете, коренные модификации социального бытия происходят как результат развития и совершенствования индивидуального и общественного сознания. Деятельность является системой осознанно моделируемых целесообразных действий, направленных на достижение прогнозируемого результата.

Как форма реализации сугубо человеческих качеств деятельность играет важную роль в процессе антропосоциогенеза и в развертывании социальной свободы личности (в том числе в её становлении). Таким образом, деятельность предстает как производная человеческого сознания и способности мышления. Поэтому она выступает в качестве показателя их состояния и практической реализации. Реализация деятельностных качеств личности обеспечивает существование практически всех сфер общественной жизни – социальных отношений, политики, экономики, культуры, науки и др. Деятельность становится основанием и «творцом» социального бытия человека.

В своем историческом развитии человек проходит несколько ступеней, связанных с эволюцией сознания. Все основные этапы исторического пути человека характеризуются различными качествами мышления и деятельности. Эти ступени выражаются и историческими формами, видами и способами деятельности, и историческими условиями существования человека. Безусловно, что «выделение» человека из животного царства предполагало не только изменение его морфологических признаков, но и изменение его сознания и форм деятельности.

Подобного рода «переход» характерен не только для процесса антропосоциогенеза. Известно, что человека первобытного общества, занимавшегося присваивающим хозяйством, относят к виду *Homo sapiens*. Человека сельскохозяйственной цивилизации, предполагающей производящее хозяйство, обозначают как подвид *Homo sapiens sapiens*. Этим отмечается существенное отличие между ними. В нынешнее время формируется новый тип человека – *Homo creatur*. Для человека творящего особо важными и актуальными на сегодняшний день являются параметры социальной свободы. Ее реализация осуществляется в процессе деятельности или, с точки зрения психологов, активности, как специфически человеческом атрибуте поведения.

Рассматривая социальную деятельность человека в экологической среде, мы исходим из того, что экология определяется как окружающая среда, а не среда обитания; как часть освоенной природы, а не вся природа. В английском терминологическом обороте это хорошо прослеживается на примере терминов: *Environment* – окружение, окружающая обстановка, среда; и *Habitat* – среда обитания. Мы используем термины «экология», «экологическая среда» и «экологическая деятельность» в соответствии с этимологией английского слова «environment».

Определяя современного человека как *Homo creatur*, мы тем самым отмечаем не только его созидательные и творческие способности, которые гораздо шире и глубже относительно предшествующих эпох реализуются в общественном производстве и в целом – социальной жизни, но и фиксируем процесс индивидуализации в социальной деятельности. Общество и человек становятся все более самостоятельными по отношению к экологической среде, которая, по основным своим параметрам, в большей степени формируется и даже создается в процессе человеческой деятельности.

Эти утверждения вовсе не противоречат тому факту, что в современном мире все более актуальной становится проблема глобализации. Скорее наоборот. Во-первых, глобализация есть, прежде всего, процесс технологический, проявляющийся в различных сферах жизни общества, в т. ч. в политической. Он предполагает распространение новых более совершенных способов и средств освоения экологического пространства. Во-вторых, акции протеста против не всегда корректных действий «технологов глобализации» как раз свидетельствуют и о самостоятельности социальных групп и личностей их создающих, и непосредственно демонстрируют феномен индивидуализации в социальной деятельности. Наконец, в-третьих, эпоха Великих географических открытий, которая тоже была этапом глобализации, отнюдь не дает основания считать общества и людей, инициировавших ее, менее самостоятельными или утрачивающими индивидуальные качества по сравнению с периодом Средневековья. Совершенно очевидно, что эпоха Возрождения и эпоха Великих географических открытий совпадают не только хронологически, но и по существу. Можно сказать, что социально-генетически это однотипные явления в человеческой истории.

Исходя из предложенного определения, можно утверждать, что глобализация является одним из важных атрибутов исторического процесса, как всемирного последовательного пространственно-

временного развертывания социальной формы бытия Человека. Именно в таком смысле представляет всемирную историю К. Ясперс [см.: 7]. По сути своей все известные модели всемирной истории, начиная с концепции Августина Аврелия, фиксировали важнейшие признаки глобализации человеческой деятельности в масштабах земного пространства и в соответствии с определенными временными интервалами.

Первой критериальной схемой мировой истории стала концепция исторической периодизации Г. Гегеля [см.: 2, с. 409]. В качестве критерия исторического процесса он рассматривал степени достижения свободы, которые определяются развитием Мирового Духа и предстают в виде его (Мирового Духа) последовательно развивающегося процесса. Потому исторические эпохи становятся эпизодами проявления Мирового Духа. Социальная реальность строится на основе распространения свободы в обществе и этим выражается характер исторической последовательности. В силу особого значения Мирового Духа для социально-исторического развития, у Гегеля мировая история творится «над человеком» и потому человек не субъект, а объект социальной глобализации.

Другими критериями в оценке всемирной истории пользовался К. Маркс, который концепцию Г. Гегеля поставил «с головы на ноги», в том смысле, что сделал основанием своей теории и, в соответствии с ней, самой истории, не «голову», а «ноги». Интерпретация идей Г. Гегеля в материалистическом духе, позволила К. Марксу по-иному рассмотреть принципы взаимоотношений общества и личности, с одной стороны, и государства, с другой. У него государство, по сравнению с Т. Гоббсом, уже не освобождало человека от насилия, а само являлось инструментом насилия для господствующих в обществе социальных классов. Покончить с социальным насилием и обрести истинную свободу можно, в соответствии с концепцией К. Маркса, лишь в случае обобществления всей системы производства материальных благ, достижения, таким образом, социального равенства и устранения государства как аппарата насилия. Эта позиция мало чем отличается от анархистской, недаром в период их формирования они (коммунизм и анархизм) были идейно близки, а зачастую тождественны. Вследствие такого подхода к развитию мировой истории, тотальный коммунизм, который «неизбежно ожидает» все человечество, и есть феномен социокультурной глобализации. Что касается факторов всемирно-исторического развития, то они у Маркса находятся «под человеком», история творится «ногами» человека.

Еще одной заметной критериальной схемой мировой истории является модель Э. Тоффлера, метафорически представленная «тремя волнами» социальной стихии. Она создается на основе социологической рефлексии исторического процесса, с концептуализацией современного развития общества, состояние которого рассматривается сквозь призму прагматической (материалистической) парадигмы. В этом плане Э. Тоффлер стоит близко к марксизму, но социологический акцент позволяет ему дистанцироваться от К. Маркса и представить расположение критериев исторической периодизации «вокруг человека».

В своих работах Э. Тоффлер стремится обозначить и показать предполагаемые достижения будущей цивилизации. К их числу относятся: а) интенсивное проникновение электронной техники во все сферы общества; б) значительный рост производительности труда; в) улучшение условий жизни. Он говорит и о тех острейших проблемах, которые могут возникнуть в связи с прорывом в будущее. Одним из серьезных и болезненных последствий социального развития будет слияние электроники и биоэнергетики, – считает автор «Третьей волны». Оно существенным образом скажется не только на экономике, но и на жизни человека в целом, его трудовой деятельности и нравственности.

Представляется, что при всех положительных сторонах отмеченных концепций, они сконцентрированы на рассмотрении и исследовании внешних признаков человеческой деятельности. Отсюда возникает схема параллельного существования человека и культуры, что вряд ли может являть истинное положение дел. Избавиться от такого несоответствия возможно, если рассматривать феномен культуры как производный от человеческой деятельности. Тогда социокультурная история разворачивается не «над, под или вокруг человека», а самим человеком и в нем самом. Это позволяет рассматривать культуру (духовную и материальную) как комплексное выражение социальной деятельности человека, прежде всего по отношению к внешней природе и экологической среде.

В кратком изложении основные вехи социокультурного развития человека в масштабах всемирной истории выражаются тремя эпохально значимыми уровнями. Этим историческим уровням социального бытия человека соответствуют специфические способы взаимодействия человека с природой, являющиеся для него экзистенциально значимыми. В авторской редакции они определяются как присваивающий, производящий и созидающий способы экзистенциального взаимодействия [подробнее об этом см.: 5, 6]. Каждый из этих способов взаимодействия опосредуется опреде-

ленным типом исторического человека – *Homo sapiens*, *Homo sapiens sapiens* и *Homo creatur* – и предполагает определенные формы культурного освоения окружающего пространства – природо-пользовательную, природо-организующую и природо-созидающую. Культура социальной организации выражается универсальными историческими типами обществ или социума – зависимым, обусловленным и автономным. Вследствие этого, вместе с совершенствованием самого человека, происходит совершенствование его культуры, которая в современную эпоху осваивает глобальное экологическое пространство, расширяющееся до пределов космоса.

Деятельностный фактор в функционировании общества и распространении культуры, анализ связанных с этим процессов, позволяет представить особенности и принципы освоения человеком и обществом пространства, обустройства его с помощью культурных методов, в т. ч. при помощи определённых принципов деятельности в окружающей среде. Здесь уместно рассмотреть экологическую деятельность человека или деятельность в экологическом пространстве, что имеет непосредственное отношение и к культурно-цивилизационному освоению мира, и к его геополитическому устройству, распределению интересов в глобальном пространстве государств и цивилизаций.

Известно, что этимологом современного термина «экология», введенного в научный оборот Э. Геккелем в 1866 г., является древнегреческое *oikos* – обиталище. *Oikumene* у древнегреческого историка и географа Гекатея Милетского (ок. 546–480 гг. до н. э.) это обитаемое пространство, среда, освоенная человеком. (Кстати, сам Геккель под экологией понимал не всю природу, а ту ее часть, которая выступала как окружающая среда для растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ, в рамках которой последние строили отношения между собой, а также с самой средой). Придерживаясь этих исходных значений, следует под экологией понимать учение об осваиваемой (освоенной) и создаваемой (созданной) среде существования человека, либо непосредственно саму эту среду. В этом случае эпитет «экологический» позволяет подчеркнуть принадлежность к среде, освоенной человеком и содержащей в себе условия его социального существования. Таким образом, экология (как синоним ойкумены) это не вся природа, а только та ее часть, где осуществляется социальная деятельность. В этом случае термин «экология» трактуется в соответствии с этимологическим значением слова «ойкумена» и понимается тождественным окружающей среде. При этом фиксируется отличие окружающей среды от среды обитания, когда последняя может быть понята как биоэкология в смысле, заложенном еще Э. Геккелем. Следовательно, среда обитания (биоэкология) рассматривается как часть окружающей среды – экологии.

Условия экологической среды во многом определяются, особенно в современности, самой деятельностью человека. Экологический императив характерен не только для общества «эпохи ноосферы» и не сводится лишь к нравственным ценностям, как считает Н. Н. Моисеев. (Для Н. Моисеева переход биосферы в сферу разума (ноосферу) еще ожидает человеческое общество, и «это будет мучительный и небыстрый процесс выработки новых принципов согласования своих действий и нового поведения людей. Другими словами, новой нравственности» [1, с. 25]). В то время как экологический императив фактически является необходимым атрибутом истории существования человеческого общества. Этим отмечается значение деятельностного фактора в создании условий существования человека. В результате реализации своих деятельностных возможностей человек создает продукты, предметы, процессы в окружающей его среде. Тем самым обеспечиваются условия человеческого существования, определяется дальнейшее развитие и параметры совершенствования человеческой деятельности, её пределы и формы. Получается, то, что человек создаёт и как создаёт, тем он и пользуется, то и формирует рамки его социального бытия. В этом русле дается трактовка экологического императива, определяются его специфические признаки; устанавливается диалектическая взаимосвязь человека и окружающей природной (естественной и искусственной) среды. Этот аспект фиксируется следующим образом: человек, с одной стороны, моделирует и формирует окружающую среду (экологию или ойкумену), а, с другой стороны, экологическая среда детерминирует социальное поведение человека, его социальный статус и социальные связи в обществе.

В рамках и в процессе освоения обществом природного пространства вырабатываются определенные модели, принципы, правила и другие регуляторы человеческой деятельности в окружающей среде, экологии. Комплекс таких регуляторов является экологическим императивом деятельности. Он выражает обратное (возвратное) повеление человеку от условий реализации и самой реализации его деятельностных качеств. Экологический императив регулирует этот процесс реализации, возникает на основе социокультурных устоев общества. Экологический императив есть детерминация параметров, пределов и возможностей деятельности социальных субъектов (от личности до социума) способом, качеством и принципами освоения и создания человеком окружающей среды. Такое

действие экологического императива в целом характерно для экзистенциального (сущностно значимого) взаимодействия человека и природы в процессе всего социально-исторического развития.

Исходя из данного нами определения, действие экологического императива предполагает:

- взаимосвязь настоящей и предшествующей человеческой деятельности;
- причинную обусловленность деятельности условиями созданной и создаваемой человеком среды обитания;
- ограничения деятельности принципами, лежащими в основе условий бытования человека;
- зависимость содержания, направленности, состояния, характера, формы и других параметров деятельности от качественных показателей условий социального существования;
- существенное влияние на содержание и форму деятельности способа взаимодействия человека с природной средой, выступающего в качестве основного средства ее освоения и преобразования.

В процессе исторического развития человеческого общества возрастает значение деятельностного фактора в формировании экологического императива. Уже на начальной стадии социального развития человек, реализуя свое деятельностное начало, включаясь в естественно-природные процессы, непосредственно участвует в формировании условий своего существования. Дальнейшее развитие человека в мире приводит к тому, что человек, благодаря своей культуре, становится активным участником строительства всего корпуса мироздания. Вследствие этого для него становится особо значимым соблюдение императива деятельности, связанного с нравственными принципами регулирования социального поведения в целом.

И. Кант впервые сформулировал проблему, по сути, нравственного императива (выступающего в двух видах – гипотетическом и категориальном). Пожалуй, как никто другой в то время, он осознал надвигающиеся социальные перемены, которые были обозначены и отражены им в трактате «К вечному миру». Эти перемены, как теперь видно, связаны с формированием новой системы мироздания, в которой фактор экологической деятельности человека, приводящей к изменениям в окружающей среде, играет немаловажную роль. По этой причине мировоззренческие принципы человека, включающие в себя нравственные ценности, моральные нормы и правила, испытывают влияние экологического императива и подвергаются определенной трансформации.

Процесс формирования мировоззрения в качестве одного из своих компонентов имеет психологические установки человека. Тем самым прослеживается взаимосвязь мировоззрения и социального поведения личности. Человеческое поведение, как отмечал М. Вебер, становится социальным действием тогда, когда действующий субъект осознает свои действия и соотносит их с позицией и поведением других людей. Таким образом, обнаруживается смыслообразующий принцип мировоззрения и социального действия личности, их взаимного влияния. Следовательно, реализация деятельностных качеств личности оказывает влияние на формирование мировоззрения человека, равно как и испытывает это влияние на себе. Этот процесс отслежен М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Протестантское мировоззрение сформировалось под влиянием социальной деятельности эпохи Возрождения, основанной на принципах индивидуализма. В свою очередь, дух индивидуализма и этические принципы протестантизма оказали решающее воздействие на становление капиталистической системы общественных отношений и социальной деятельности.

В тесном взаимодействии с мировоззрением находится мышление. Последнее, особенно реализующееся в форме менталитета общества и ментальности личности, оказывает непосредственное влияние на социальное поведение человека. Недаром и мышление, и мировоззрение становятся атрибутивными признаками для определенной исторической эпохи.

В этих определениях обозначен базисный уровень исторической эпохи для качественной характеристики мышления и мировоззрения. А параметры эпохи складываются на основе специфических способов взаимодействия человека и природы, зависящих от уровня развития человеческого сознания. Осознанная реализация деятельностной функции человека в процессе его взаимодействия с окружающей средой обуславливает нормативность мышления и мировоззренческие устои. Ведь нормативность мышления человека сельскохозяйственной цивилизации явно и принципиально отлична от нормативности первобытного мышления. основополагающие мировоззренческие устои той же сельскохозяйственной цивилизации, будут характерны для всего данного исторического этапа. Хотя типы мировоззрения и мировоззренческие принципы будут изменяться в зависимости от региональной, временной и социальной специфики того или иного общества.

Изменяющаяся система мироздания, исходя из отмеченных процессов взаимодействия человека и природы, обуславливает качественные преобразования в сфере мышления человека и социума. В принципе, это и является формированием нового мышления. Необходимым становится создание

новых понятий и суждений, теорий и концепций о месте и предназначении человека в мире природы, формирование парадигмы исследования мироздания.

Что касается нового мышления, то оно непременно должно быть реализовано в сфере экологической деятельности, отчетливо выделяющейся в последнее время. Экологическая деятельность, с ее глобальным охватом всех форм человеческой деятельности в окружающей среде, настоятельно требует утверждения экологического императива в общественном сознании и мировоззрении. Обоснование экологического императива основывается на разработках отечественных философов, которые неоднократно подчеркивали значение сознательного фактора в регуляции взаимодействия общества и природы. Например, Ю. В. Олейников пишет: «Природные процессы вследствие более низкого уровня развития механизмов саморегуляции (в сравнении с социальными процессами) не могут обеспечить поддержание динамического условия существования системы общество – природа. Функцию регулятора может теперь выполнять только общество как непосредственный субъект взаимодействия различных уровней организации материи» [3, с. 20]. И эту функцию регулятора невозможно осуществить без культуры, без культурных достижений во всех видах деятельности – в экономике, политике, социальной и духовной сферах. Эта функция, непосредственно или опосредованно, включается и в систему геополитического устройства и геополитических отношений, так как она связана и с культурно-цивилизационными, и с экономическими, и с внешнеполитическими интересами ведущих государств планеты.

Список литературы

1. Моисеев, Н. Н. Человек и ноосфера / Н. Моисеев. — М. : Молодая гвардия, 1990. — 351 с.
2. Нарский, И. С. Западноевропейская философия XIX века / И. С. Нарский. — М. : Высш. школа, 1976. — 584 с.
3. Олейников, Ю. В. Экологические ограничения развития человеческой цивилизации / Ю. В. Олейников // Цивилизация и общественное развитие. — М. : ИФ АН СССР, 1987. — С. 32–45.
4. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова]. — М. : Политиздат, 1992. — 542 с.
5. Филатов, А. С. Экологические параметры свободы личности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Анатолий Сергеевич Филатов ; Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2002. — 171 с.
6. Филатов, А. С. Экология свободы и глобализация / А. С. Филатов // Социальная экономика. — Харьков, 1992. — № 1 (янв.–март). — С. 29–47.
7. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель : [в 2 вып.] / К. Ясперс ; пер. с нем. М. И. Левиной ; АН СССР, ИНИОН. — М. : ИНИОН, 1991. — 2 вып.

Статья поступила в редакцию 9.03.2017

Filatov, A. S. Man-Society-Environment Cultural Interaction

The paper considers the problem of culture as being an essential part of human life, it subsequently prompting environmental changes and socialization processes. By analyzing ways of existential interaction between man and the ecosystem as well as those of self-socialization, the author suggests the following approaches to cultural integration into the natural environment: exploitation, regulation and restoration.

Keywords: culture, civilization, society, man, the environment, the ecosystem, anthropogenic factor, ecological imperative, globalization.

УДК 248.2

Рассматриваются основные направления католической мистики в контексте компаративного философско-религиоведческого анализа. Католическая мистика представлена двумя основными направлениями – мистикой любви и созерцательной мистикой. Католическая мистика характеризуется балансированием между имманентным и трансцендентным полюсами в восприятии Абсолютной реальности, неоднозначным решением вопроса о соотношении абсолютного и феноменального бытия, разнообразием мистических психопрактик. Концепция «единства во Христе» в мистике любви способствует формированию интеграционной мистической традиции. Основными методами психопрактики являются любовь-доверие к Абсолюту и дисциплинарный аскетизм. Мистика любви сформировала очень разнообразные образы любви, которая может быть не только духовной, но также эротической и экзальтированной. Католическая созерцательная мистика имеет имманентный (пантеистический) характер. Целью мистической практики провозглашается «слияние» духовного начала человека («искорки») с Абсолютом. Учение Майстера Экхарта направлено на отделение духа от материи, что способствует формированию дуалистической мистической традиции. Методами психопрактики являются созерцание Абсолюта и дисциплинарный аскетизм.

Ключевые слова: трансцендентно-имманентная мистика, Абсолют, католическая мистика любви, католическая созерцательная мистика, эгоцентрическое сознание, просветленное сознание, психопрактика.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

URL: www.zhirtueva.ru

КАТОЛИЧЕСКАЯ МИСТИКА В КОНТЕКСТЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА МИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ МИРА

Современный этап развития культуры характеризуется всё более возрастающим интересом к религии как важной составляющей духовной жизни человека и общества. Человечество нуждается в новых ценностях и идеалах, убедившись в ограниченности чувственно-материального мира. Особое внимание привлекают мистические учения. Во все времена мистика воспринималась как самая сокровенная (внутренняя) часть религии, противоположная ее культовой (внешней) стороне.

Целью статьи является исследование мистических учений католицизма, которое осуществляется на основе компаративного анализа философско-мистических традиций мира. Отдельные аспекты этой проблемы исследовались в работах С. С. Аверинцева, В. Джемса, Л. П. Карсавина, Д. С. Лихачева, А. Ф. Лосева, М. Ю. Реутина, А. Г. Сафронова, Е. А. Торчинова и других.

На современном этапе компаративное религиоведение направлено на анализ: 1) универсальных особенностей мистики, 2) индивидуальных особенностей мистических традиций мира. Универсальное начало мистических традиций можно представить в виде шести основных характеристик [6, с. 62-65]. Анализ их индивидуальных особенностей предлагаем проводить согласно трех основных направлений: 1) Сущность Абсолюта и характер мистического контакта с Ним, 2) Соотношение идеального и феноменального (материального) бытия, 3) Методы мистической психопрактики. Первая позиция является определяющей и утверждает существование двух мистических типов – имманентного и трансцендентно-имманентного. Если первый допускает имманентное слияние мистика с Абсолютом, то второй предполагает разноприродность человека и Абсолюта. В зависимости от решения вопроса о соотношении идеального и феноменального (материального) бытия в пределах двух мистических типов формируются монистические, дуалистические, плюралистические, холистические и интеграционные традиции. К основным методам мистической психопрактики относятся медитативное созерцание, любовь-доверие к Абсолюту, дисциплинарный аскетизм и психосоматические упражнения [5, с. 205-209].

Особенности мистики западноевропейского христианства, как отмечает Е. А. Торчинов, объясняются организацией католической церкви. Утверждение спасения только через церковь («панцерковность») в значительной мере сузило сферу мистического опыта. Церковь с подозрением относилась к самой идее личного общения с Богом. Мистический опыт рассматривался не как вершина христианского праксиса, но как противовес церковному авторитету в вопросах спасения. На католическом Западе не было создано такой стройной и систематизированной мистической теории и практики, как в исихазме. Помимо всего этого в связи с быстрым развитием на Западе рациональной философии (схоластики) здесь возникла оппозиция «рациональное» – «мистическое» [15].

Католическая мистика, в отличие от мистики православной, является достаточно неоднородным явлением. В ней можно выделить две мистические традиции: созерцательно-гностическую и эмоционально-любвенную. Различия между ними связаны с разными представлениями относительно сущности Абсолютной реальности, цели и методов мистической практики.

Эмоционально-любвенная католическая мистика рассматривает «соединение» с Абсолютом как «акт взаимной любви» Бога и человека. Основы учения о мистической любви были заложены св. Бернаром Клервосским (XII в.). Но наиболее полно идеал эмоциональной мистической любви воплотился в учении святого Франциска Ассизского (XIII в.) и его последователей. По выражению Л. П. Карсавина, католическая Европа увидела «во святом Франциске и братьях его отраженный свет Христа и апостолов». Было составлено «новое евангелие» («Цветочки Франциска Ассизского») и «новые деяния апостольские» [13, с. 11]. К почитателем святого относится движение «спиритуалов», к которому принадлежала сестра «третьего ордена святого Франциска» блаженная Анжела. Особое место в католической мистике любви занимает также святая Тереза Авильская.

Человек и его эгоцентрическое сознание. Католическая теология, особенно после Фомы Аквинского, отрицала саму возможность соединения «тварного» и «нетварного». Это сделало невозможным утверждение концепции «обожения плоти», получившей распространение в православном восточном христианстве [4, с. 56]. Католическое мистическое учение пошло другим путем, утверждая необходимость «точного повторения (подражания) жизни Иисуса Христа». Стремясь во всем следовать примеру Христа, католические мистики старались представить себя в образе Иисуса и пережить на своем личном опыте (натурально) все то, что он пережил. Но подражание Христу не должно было остаться чисто внешним. Оно должно было перерасти в мистическую «жизнь во Христе», которая способствует **преображению личности как цели мистической практики**.

Основным препятствием на мистическом Пути признается **эгоцентрическое сознание**. Франциск считал, что основной враг постоянно с нами, и не следует искать его в ком-то другом: «Немало таких, кто, согрешив или потерпев обиду, склонны винить врага или ближнего. Но это неверно, ибо *каждый имеет в своем распоряжении врага, то есть тело, посредством которого он грешит*. Потому блажен тот раб, который такого врага, доверенного ему во власть, всегда будет держать в плену и мудро от него охраняться; ибо, пока он так делает, никакой другой враг, видимый или невидимый, не сможет ему причинить вреда» [8, с. 94].

Подготовительный этап психопрактики. Вопрос о соотношении идеального и материального неоднозначно решается в католической мистике любви. Святой Франциск негативно относится к телесному началу: «Но дух Господний хочет, чтобы плоть была умерщвлена и унижена, отвергнута, презренна и внушала отвращение». Франциск советует «возненавидеть свое тело с его грехами и пороками, потому что оно хочет жить плотски и тем самым отнять у нас любовь к Господу нашему Иисусу» [8, с. 59, 62]. По мнению философа Л. П. Карсавина, «плоть» здесь является не символом тела как такового, но тех плотских грехов, которые отделяют человека от Бога [13, с. 12].

Мощными средствами борьбы со страстными состояниями Эго католические мистики считали **смирение, покаяние и бедность**, положив их в основу **дисциплинарного аскетизма**. Св. Франциск призывал во всем следовать Христу: «Пусть все братья стараются подражать смирению и бедности Господа нашего Иисуса Христа и пусть помнят, что ничего иного нам не следует иметь в этом мире: “Имея пропитание и одежду, будем довольны тем” (1Тим. 6, 8)» [8, с. 52].

Сам святой показывал образец смирения и готовности к самоуничижению. Однажды, когда брат Массео спросил Франциска, почему все шли за ним и хотели увидеть его, он ответил: «Ты хочешь знать, почему за мной?... Это даровали мне очи Бога всевышнего, которые всюду взирают на добрых и злых; ибо эти святейшие очи не увидели среди грешников ни одного более гнусного, более недостойного и великого грешника, нежели я», «и потому избрал меня для посрамления всех знатных и великих, и сильных, и прекрасных, и мудрых мира; да знают люди, что всяческая добродетель и всяческое благо от Него, а не от твари, и никто не может хвалить себя перед лицом Его;

но кто хвалит себя, хвалит в Господе, ему же всякая честь и слава во веки веков [13, с. 205-206].

Истинное смирение, по мнению святого, это «твердо помнить, что нас не касается ничто, кроме греха и порока; и более всего мы должны радоваться, когда подвергаемся различным испытаниям и сносим угнетение души или тела или какие-нибудь превратности века сего ради жизни вечной» [8, с. 59]. Объясняя брату Льву совершенную радость, святой Франциск, сказал: «Превыше всех милостей и даров Духа Святого, которые Христос уделил друзьям своим, одно – побеждать себя самого и добровольно, из любви ко Христу, переносить муки, обиды, поношения и лишения; ведь из всех других даров Божьих мы ни одним не можем похвалиться, ибо они не наши, но Божьи; как говорит апостол: “Что у тебя есть, чего бы ты не получил от Бога? А если ты все это получил от Бога, то почему же ты похваляешься этим, как будто сам сотворил это?”» [13, с. 202-203].

Неслучайно С. С. Аверинцев критиковал все попытки сделать образ Франциска романтически стилизованным: «Если верно, что Франциск был одним из самих “человечных” святых, то человеческим он был к разбойнику и волку, но не к себе самому» [8, с. 16].

Святой сознательно культивировал бедность, вознося ее до уровня христианской добродетели. Он советовал братьям-монахам «жить в послушании и чистоте, отказавшись от собственности», носить «дешевую одежду из мешковины». Франциск говорил: «И если мы где-нибудь найдем деньги, то обратим на них не больше внимания, чем на прах, который попираем ногами, ибо это – суета сует и всяческая суета» [8, с. 44-45, 51].

Но в то же время существуют определенные различия между восприятием бедности во францисканстве и исихазме. Франциск разрешал просить милостыню, считая ее «правом и наследством», которое «стяжал для нас господь наш», потому что «сам Христос был нищим и странником, и жил подаванием, а с Ним и святая Дева, и Его ученики». Поэтому своим братьям он говорил: «И если будет нужно, пусть идут просить милостыню и не устыдятся» [8, с. 52-53]. Исихазм призывал зарабатывать на жизнь собственным трудом. Примером может служить жизнь св. Сергия Радонежского, который запрещал монахам просить милостыню, однако требовал подавать ее всем, кто в этом нуждается. Сергей даже отказывался брать предварительную плату за свой труд [10, с. 8].

Смысл католической борьбы со страстями хорошо отражается в словах св. Анжелы, написавшей о семи божественных дарах, помогающих на мистическом Пути: «Первый дар – любовь к бедности. Ею душа лишает себя любви ко всяческой твари, так что уже ничем не хочет обладать, кроме Господа нашего Иисуса Христа... Второй дар: желание быть унижаемой, презираемой и порицаемой от всякой твари... Третий дар: желает она мучиться, терпеть наказания и исполниться и преисполниться всяческими муками сердца и тела сладчайшего Иисуса Христа и сладчайшей Матери Его... Четвертый дар: кто-нибудь считает себя недостойным такого блага и думает, что никоим образом не может иметь его от самого себя... Пятый дар: непрестанно пусть пытается помыслить, как это было во Христе, и непрестанно чуткою молитвой вызывает к Богу... Шестой дар: да бежит душа, как чумы ужасной, всего, что удерживает ее от этих даров... Седьмой: да не осуждает ни одной твари, не препятствует себе осуждением других, как говорит Евангелие, но да почитает себя худшим всех». Анжела делает вывод: «Знай: кто заслужит обладание этим в сей жизни и настоящем боре-нии, тот вполне будет обладать Богом в отечестве. Там через преобразование Богом душа вся становится Богом» [13, с. 183-184].

Основной этап психопрактики. Любовь-доверие к Абсолюту. Католические мистики основным методом психопрактики, так же как и православные, утверждают *любовь*, потому что «из всех порывов и движений души любовь – то единственное, посредством чего создание, пусть и не на равных, может общаться с Создателем и возвращать что-то, напоминающее то, что было ему дано» [16, с. 97]. Святой Бернар Клервосский учил, что Любовь, по сути своей, является самим Божеством и величайшим мистическим даром. Любовь является *взаимным* стремлением Бога и человека друг к другу, во время которого происходит соединение двух энергий – божественной благодати и человеческой воли. Святой Бернар отмечает: «Благодать необходима для спасения; то же самое можно сказать и о свободной воле; но благодать дает спасение, а свободная воля получает его. Стало быть, мы не должны делить работу добра между благодатью и свободной волей; эта работа производится единым и неделимым действием их обеих; всю ее выполняет благодать, всю ее выполняет свободная воли, но работа второй проистекает из работы первой» [16, с. 191].

Франциск Ассизский полагал первичной *любовь к Богу*, обращаясь к людям: «Я прошу всех моих братьев и министров, и прочих, чтобы они, не взирая ни на какие препятствия и отложив все заботы и попечения, любили Бога и служили Ему, и воздавали хвалу чистым разумом и чистым сердцем» [8, с. 64]. В «Гимне брату Солнцу» Франциск обращается к Богу с такими словами:

«О, всевышний, всемогущий, милосердный Боже!
Тебе и слава, и хвала, и всякое благословенье –
Один лишь Ты достоин их, о, всеблаженный!
И из людей никто Тебя назвать тут не достоин...
Нет в смерти зла. Итак, хвалите Господа,
благословляйте
И со смиреньем всем Ему лишь одному служите» [13, с. 199].

Также и св. Анжела говорила, что «Любовь Божия – величайшая из всех добродетелей, и без нее не нет силы в молитве, и даже больше – без нее молитва тщетна и неугодна Богу, а остальные добродетели – бесплодны» [13, с. 168].

Вместе с тем, одной любви к Богу недостаточно. По мнению Бернара Клервосского, полнота Божественной любви реализуется только в Троице, то есть при условии участия Бога, души и ближнего. Любовь всегда должна быть обращена на людей, которые являются братьями и сестрами Христа по плоти. Для католической мистики характерно не пассивная любовь-наслаждение, а деятельная любовь и труд на пользу ближним, самоотверженное служение обществу [9, с. 15-16]. Св. Франциск говорил, что «блажен человек, который поддержит ближнего своего в его немощи, как сам бы хотел, чтобы тот поддержал его, если бы и он был в сходном положении» [8, с. 97].

Святой полагал любовь не избирательной, призывая любить всех: «И братья должны радоваться, общаясь с людьми ничтожными и презренными, с нищими и калеками, больными, прокаженными и уличными попрошайками». Он призывал любить врагов своих, не осуждая их: «Пусть лучше не ищут у других их малых грехов, а в скорби душевной размышляют о своих». «Воистину, тот любит врага своего, кто не скорбит из-за обиды, которую тот причинит ему, но в глубине сердца, ради любви Божией, сокрушается о грехе души его. И делами являет ему свою любовь» [8, с. 52, 55, 94].

Перед своей смертью св. Анжела оставила такой завещание: «Сынки мои, старайтесь обладать любовью, без коей нет ни спасения, ни заслуги... И увещаю вас питать эту любовь не только друг к другу, но и ко всем людям... Я не оставляю иного завещания, кроме восхваления вам этой взаимной любви и глубокого смирения» [13, с. 196]. В то же время, Анжела предупреждала об опасности исказить смысл истинной любви: «Знайте, сыны, что в любви заключается как всяческое благо и заслуга, так и всяческое зло осуждающее и грех». И это зло заключается в том, что если человек «любит Бога затем, чтобы защитил Бог его от немощей и страданий телесных и от временных опасностей», то «любит он Бога только ради себя самого, ибо из тела своего и из самого себя делает себе Бога». «Есть и другие, которые считают себя любящими Бога и действительно любят Его, но любовью немощною и несовершенной. Ибо любят они Бога ради того, чтобы простил Он их грехи, освободил их от ада и даровал им славу райа, а не ради благодати Его... Другие любят Бога, чтобы у них были утешения и сладости божественные и чувства духовные. Любят другие Бога, чтобы Он любил их... Ученые любят Бога, чтобы даровал Он им смысл, знание и разумение Писания» [13, с. 168-169].

Именно поэтому св. Бернар подчеркивал, что любовь должна оставаться бескорыстной, потому что «любви не нужны не причины, ни плоды своего существования; она сама по себе – плод, сама по себе – наслаждение. Я люблю, потому что я люблю; я люблю в силу того, что я могу любить» [16, с. 97]. Руководствуясь концепцией «единства во Христе», католическая любовная мистика способствовала формированию *интеграционной мистической традиции*. Св. Франциск считал любовь к ближнему только частью той безграничной любви, которая своим таинством должна была объединить Вселенную. Святой видел пребывание Бога в каждом творении: проповедовал птицам, змеям, цветам, убирал с дороги и относил в безопасное место каждого червяка, не допускал попадания воды под ноги, и даже не позволял гасить пожары. А св. Анжела призывала любить все тварное: «лягушек, жаб и даже бесов» [13, с. 71]. Такая безусловная любовь, по мнению католических мистиков, приводит к *абсолютному доверию и отдаче Абсолюту*. Св. Анжела отмечала, что любящая душа считает «за ничто все прошедшее и даже все сотворенное и не заботится ни о немощи, ни о чести либо позоре, и так умиряется и успокоивается, что ни к чему не стремится, теряет желания». Душа начинает видеть в Божественном свете, «что Бог создал все в таком порядке и необходимости, что не слабеет она даже от Его отсутствия». Душа «довольна всем, что сотворил Он, и все снова препоручает Ему, как хорошо устроенное» [13, с. 173-174].

Католическая молитва. Преображение личности как святость. Плодом любви-доверия к Богу является *молитва*. Святая Анжела считала, что познание Бога невозможно без «искренней, чистой, смиренной, сильной, внимательной и настойчивой молитвы, каковая есть не только молитва

уст, но и молитва сердца и духа и всех сил души». Молиться необходимо, чтобы получить все то, что нам необходимо, потому что сам Христос всегда молился.

Анжела говорила, что молитва должна осуществляться всей душой человека, «чтобы сердце наше в молитве было целостным, а не разделенным, ибо, если разделено наше сердце, теряем мы плод молитвы». Она выделяла три вида молитвы – телесную (словесную), духовную и сверхсущную. «*Телесная* всегда бывает со звуком слов и телесными движениями», и она помогает творить духовную молитву, потому что побеждает лень и сон. «*Духовная* молитва отсекает язык, так что не может он говорить, ибо дух так и настолько полон Богом, что ни о чем не может мыслить, кроме как о Боге». Только от нее возможен переход к молитве *сверхсущной*, «когда от этого размышления о Боге и наполнения Им душа так возносится, что расширяется за пределы своего естества и понимает о Боге более, чем может понять по своему естеству» [13, с. 157-158].

На первой ступени молитвы происходит концентрация воли, а вторая ступень имеет значение «молитвы внимания», которая способствует предельному сосредоточению сознания на Абсолюте. И только на третьей ступени достигается цель мистической практики – «соединение» с Богом.

Мистики были уверены, что истинная молитва дает все – веру, надежду, любовь, Божественный свет и благодать: «Молитвою же ты озаряешься, молитвою освобождаешься от искушений, молитвою очищаешься, молитвой соединяешься с Богом. Молитва – не что иное, как обнаружение Бога и себя». Благодаря молитве «полнее вливается благодать в душу и там растет», «и так увеличивается в душе Божественный свет» [13, с. 160-161]. Так мистик обретает *опыт мистического света*.

Существуют определенные отличия католической и православной молитвенной практики. У католиков нет учения о непрестанной молитве, как у исихастов [4, с. 59-60]. Молитву они не отделяют от размышления (т. е. медитации) – над божественными тайнами, жизнью Христа и т. д. Например, св. Тереза Авильская писала: «Насколько я могу понять – ворота в замок (путь к Богу – Н. Ж.) – молитва и размышление. Я не говорю “умная молитва”, а не “устная”, ибо молитвы нет без размышлений: если не думать, с Кем говоришь и чего просишь, и у Кого, и кто ты такой сам, это уже не молитва, даже если мы часто шевелим губами. Правда, иногда усилий нет, ибо есть молитвенный навык» [13, с. 10]. Также и св. Анжела говорила: «*Духовная* молитва бывает, когда размышление о Боге так захватывает дух, что он ни о чем не думает, кроме Бога» [13, с. 157]. Конечную цель католической мистической практики святая выразила так: «И вот знак истинной любви: кто любит, не тот часть свою, а всего себя *преображает в Любимого*» [13, с. 158].

Не существует однозначного мнения о сущности преобразования личности в католической мистике. Например, Бернар Клервосский утверждал, что оно происходит благодаря силе Божественной благодати, что исключает возможность имманентного отождествления человека и Абсолюта. Также и Л. П. Карсавин считал, что в мистическом акте «сущность человеческого духа все же не становится Богом, а только уподобляется Ему» путем развития таких качеств как праведность, знание, блаженство, согласованность волевых проявлений. Воля человека сливается с волей Бога, однако остается и волей человека, не теряя при этом своей свободы. И это «очень тонкое, но принципиальное отличие твари от Бога, противопоставление души творения Богу-Творцу, даже в самом предельном акте любви сохраняет высоты католической мистики от направленности к пантеизму» [9, с. 13, 15]. Любовь допускается только при условии существования Любимого и влюбленного, Бога и души, что свидетельствует о *трансцендентно-имманентном характере* мистического учения.

В отдельных случаях католическая мистика приобретает особенности, которые в православии характеризуются как «прелесть». Например, в стремлении во всем подражать Христу: у Франциска было двенадцать учеников, которых он посылал по двое для проповеди в мир (Мк. 6,7), «превращал воду в вино» и даже устроил последнюю вечерю, воссоздавая «тайную вечерю». А когда на его теле появились стигматы, свидетельствовавшие о «сомучении» Христу, всему католическому миру Франциск «казался Христом, вновь снятым с креста» [1, с. 16].

Католическая молитва часто приобретает эмоционально-образный характер, сопровождается видениями, голосами, ощущениями различных ароматов. Св. Франциск писал: «Во время моей молитвы передо мной явились два больших света – один, в котором узнал создателя, а другой, в котором я узнал себя» [14, с. 177]. О святом рассказывали, что «долгие молитвы воспламеняли его – и от Распятия исходили голоса, пространство наполнялось видениями. Он дрожал и тосковал после этих приступов» [1, с. 14]. Также и Анжела, созерцая Духа Святого, слышала такие слова: «Дочь Моя, сладостная Мне, дочка Моя – храм Мой, дочь Моя – улаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня». Святая признавалась, что часто возносясь во время своих молитв она слышала как Бог говорил «улаждающие и полные любви слова» [13, с. 59, 64].

В католической мистике мы наблюдаем перенесение любовных взаимоотношений жениха и невесты, мужа и жены на отношения к Абсолюту. По мнению св. Терезы Авильской, существуют два вида «единения» с Богом: «духовное единение» (или «духовное обручение») и «духовный брак». Святая указывает на существенное отличие между ними: «Духовное обручение – иное, тут жених и невеста часто разделяются, как и сам их союз; ибо союз состоит в соединении, но каждый может отойти и жить сам по себе, что обычно и бывает, ведь эта милость Господня уходит быстро, и душа остается без нее, то есть ее не ощущает. А вот с той, другой милостью все не так («духовным браком» – Н. Ж.); Господь остается в сердцевине души» [13, с. 142-143].

Для мистического опыта св. Терезы характерна наивысшая степень эмоционально-любовной экзальтации, наполненной самым откровенным эротизмом. Можно прочесть в одном из откровений святой Терезы: «Когда богатейший Супруг желает обогатить ее и ласкает ее еще больше, Он так увлекает ее в Себя Самого, что подобно человеку, который лишается чувств от чрезмерного удовольствия и радости, она ощущает себя как бы несомой на этих божественных руках, прилепившейся к этому священному боку и к этим Божественным сосцам» [1, с. 50]. Также и монахиня Бенедиктинского ордена Гертруда пыталась облегчить свои страдания от головной боли держа во рту пахучие вещества: «Ей показалось, что Господь милостиво склонился к ней и Сам находил утешение в этом запахе. Вдохну в Себя аромат, Он поднялся и с довольным видом сказал святым: “Посмотрите на новый подарок, который сделала Мне Моя невеста!”». Подобные переживания испытывала и св. Анжела, которая «находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений, крест Христов представляется ей брачным ложем» [14, с. 176-177].

Подобный эротизм категорически запрещается в мистике православия и ислама [4, с. 60]. Причиной «католической эротомании» является «насильственное возбуждение и разгорячение нижней части сердца». Православный молитвенный опыт доказывает, что «молитва, идущая с языка в сердце, никак не должна спускаться ниже сердца», поскольку «привитие молитвы в каком-нибудь другом месте организма всегда есть результат прелестного состояния» [11, с. 885-886]. Е. А. Торчинов сравнивает переживания св. Терезы с опытом индуистского бхакти [15].

«Созерцательное» направление в католической мистике возникло на основе западнохристианской «неоплатонической» мистической традиции, основоположником которой является Иоанн Скот Эриугена. Именно он осуществил переводы апофатического богословия Псевдо-Дионисия Ареопагита и византийских Отцов Церкви.

В отличие от Ареопагита, Эриугена опирался непосредственно на учение античных неоплатоников. Прежде всего, он воспринял неоплатоническое толкование Абсолюта как Единого, лишённого всех личностных атрибутов. Для Эриугены Бог – не Личность, а чистое, трансцендентное бытие, неопределённое и непознаваемое, которое присутствует во всем. Он писал: «Когда мы слышим, что Бог все сотворил, мы должны понимать эти слова в том смысле, что Бог есть во всем, то есть, что он существует как сущность всех вещей». Так было создано пантеистическое учение, в котором возродились языческие идеи единоприродности (имманентности) Бога и души человека, цикличности движения бытия от Бога к миру, «сняющие» концепцию креационизма. По мнению Эриугены, все выходит из Бога и возвращается к Богу. Имманентно-трансцендентное учение Ареопагита о создании мира сверхъестественным Абсолютом Эриугена превращает в **имманентно-пантеистическое** учение, согласно которого мир отождествляется и сливается с Абсолютом [17, с. 70, 72].

Антропологическое учение Эриугены также существенно отличается от официального учения католической церкви. Он был уверен, что человек, являясь образом и подобием Бога, путем самопознания может познать и самого Бога. Способность человека к богопознанию следует из утверждения единоприродности Бога и человеческой души. Столь высокая оценка человека опирается на учение об идеальном состоянии первого человека. Именно поэтому Эриугена не принял церковный догмат о глубоком повреждении природы человека в результате грехопадения. Напротив, он утверждал, что «духовная природа человека за сущностью осталась неповрежденной, так что человек способен *самостоятельно* достигать высшего совершенства, хотя при этом для нее появляются препятствия со стороны его материального чувственного начала, именно поэтому благодать Божья для него не является лишней» [17, с. 73]. Теолог также был уверен, что авторитет разума выше авторитета веры, потому что Бог через многочисленные теофании обнаруживает себя в феноменальном бытии, но открываются они только разуму человека. Учение Эриугены было осуждено западнохристианской церковью. Вместе с тем его возникновение можно объяснить только особенностями католицизма, основной идеей которого, по мнению Л. П. Карсавина, есть «единство человечества, которое властвует над миром во Христе». Если православное христианство выражает космическое единство,

вобрав в себя настроение Востока и дух эллинизма, то в католицизме на первом месте находится царь природы – человек: «Человек создан ради Бога, а мир – ради человека, тело в человеке – ради души». Именно поэтому в католицизме «центр тяжести никогда не переносится с человека на мир», что определяет «и силу, и слабость католицизма» [9, с. 13, 14].

Близким к учению Эриугены является учение немецкого мистика Майстера Экхарта (1260–1328), признанное католической церковью еретическим. Созерцательная католическая мистика представлена также немецкими мистиками Ангелиусом Силезиусом, Таулером, Сузо. В этом направлении Е. А. Торчинов выделяет два типа мистиков: ориентирующихся на использование чувственных образов (визуализации Игнатия Лойолы), и утверждающих необходимость безобразного созерцания (святой Иоанн или Хуан Креста, обычно называемый Хуаном де ла Крусом) [15].

Представление о сущности абсолютной и феноменальной реальности. Майстер Экхарт был современником Григория Паламы. Поэтому формирование паламизма и немецкой средневековой мистики происходило приблизительно одновременно. Общей особенностью двух учений является тщательная разработка эманационной теории. Только у исихастов получило развитие понятие «божественных энергий», а у Экхарта – «аналогий». Свою теорию аналогий Экхарт позаимствовал у Фомы Аквинского, но в дальнейшем радикально ее переработал. Также как Палама, Экхарт утверждал, что благодатные энергии (или аналогии) порождаются Божественной сущностью: «Благое, как впрочем и сущее, аналогически пребывает в Боге и в твари. Ибо сама по себе благостыня – та, которая находится в Боге и которая есть Бог; от нее все благие люди суть благи» [19, с. 6].

Мистик писал не только о существовании Бога в Себе, в Своей Сущности, и вне Себя, в Своих аналогиях, но также и об имени Божию, которое есть его лингвистическая аналогия: «когда мы произносим “блаженный”, то имя сие, или слово сие, не иное означает и содержит в себе, как – ни больше, ни меньше – обнаженную и чистую благостыню, которая, однако, себя подает», и которая, согласно Экхарта, является Богом [19, с. 171].

Однако различий между двумя учениями, в действительности, намного больше. Прежде всего, в паламизме получило развитие учение о «нетварных энергиях», а теория апофатизма была отодвинута на второй план. В теологии Майстера Экхарта впервые апофатическая и эманационная теории, развивавшиеся независимо и параллельно, были впервые объединены, а апофатическое учение даже приобрело первичное значение [19, с. 6]. Последователи Экхарта также развивали апофатическое богословие. Например, Ангелиус Силезиус говорил: «Бог есть Ничто; Он не представляет собою ни Теперь, ни Здесь; И чем больше ты стараешься уловить Его, тем больше Он ускользает от тебя» [3, с. 332]. Святой Хуан де ла Крус называл мистический опыт «мрачным созерцанием»: «Душа чувствует себя тогда словно погруженную в беспредельное, бездонное единение, которого не может нарушить ни одно живое существо, чувствует себя в безбрежной пустыне, которая тем восхитительнее кажется ей, чем она пустыннее. Там, в этой бездне мудрости, душа возрастает, черпая свои силы у первоисточника познания любви... И там она познает, что как бы ни был возвышен и утончен язык наш, он становится бледным, плоским, бессодержательным, как только мы начинаем пользоваться им для описания божественных вещей» [15].

Особенностью *апофатического богословия* Экхарта является разграничение таких понятий как «Божество» и «Бог», «непохожих как Небо и Земля». Божество изображается бескачественным и безличным Абсолютом, который сам не действует, однако является сущностью всего. Это – трансцендентное «Ничто», «Единое», «Мрак», «Бездна», о котором невозможно ничего утверждать положительно. Божество отлично от Бога, предшествует Богу и является причиной бытия Бога. **Божество – это Абсолютное Ничто.** Экхарт называет его «исток и началом, из которого происходит изливание». По мнению Е. А. Торчинова, соотношение между Богом и Божеством такое же, как между Брахманом и Ишварой в адвайта-веданте, между скрытой сущностью Бога (батин) и Его зримой формой (захир) в учении Ибн ал-Араби [15]. Здесь также уместна аналогия с каббалистическим Эйн Соф и Богом-Творцом.

Экхарт утверждал, что Бог является первой эманацией Божества: «Когда меня однажды спросили, почему Бог раньше не сотворил мира, я отвечал, что Он не мог этого сделать, потому что Его не было. Его не было прежде, чем возник мир». Бог в мистической теологии Экхарта – это также триединый христианский Бог: Бог-Отец является субъектом, Бог-Сын является объектом, или Словом, а Дух Святой – союзом любви, объединяющей Отца и Сына [19, с. 234].

Если Божество все наделяет сущностью, но ничего не творит, то Бог – это творческое начало, которое действует и создает все бытие: «Божественность передала все вещи Богу. Божественность настолько бедна, нага и пуста, словно ее и нет вовсе. Она ничего не имеет, ничего не желает, ничего

не хочет, ничего не делает и ничего не получает. Это Бог содержит в себе сокровище и любовь. Божественность же настолько пуста, словно ее и нет вовсе» [16, с. 37]. Вместе с тем «Божество и Бог суть одно», и «различие же они имеют относительно того, чем являются, то есть относительно предметов, связанных с ними». Но в конечном итоге все соединяется в Божестве: «В сей бездонной пучине троичность Лиц стекается в свое единство, и всякое множество в некотором роде лишается себя самого. Если это понять таким образом, то [не останется] чуждого действия, а [останется] тихий, в себе пребывающий мрак» [19, с. 323-324]. И в этом можно увидеть предельное выражение антиномизма учения немецкого мистика. **Целью мистической практики Экхарт утверждает «слияние» именно с Божеством** – тем духовным началом, которое не принимает никакого участия в творении мира. Именно к нему должен стремиться мистик как к свободному Чистому Духу, лишенному какой бы то ни было материальности. Экхарт противопоставляет дух и материю и закладывает основы **дуалистической мистической традиции**.

Человек и его эгоцентрическое сознание. Поскольку Божество становится личным и триединым Богом только относительно своего творения, а точнее – души. Однако познать и слиться с Божеством способна не душа человека, но только его дух. Эту духовную основу Экхарт называет «искоркой» (*синтерис*), или «светом духа», «божественным разумом». Сравнивая эту основу души с искрой, Экхарт подчеркивал ее высшее предназначение – стремление к Божеству. Здесь имеет место **световой символизм**. Следствием учения становится разрушение целостности личности. С одной стороны, душа триедина и создана по образу и подобию Троицы, но «искорка» возносится над всеми другими силами души, как Божество над Богом. Она властвует над тремя низшими душевными силами (чувственным познанием, желаниями и возбуждением) и тремя высшими силами (памятью, разумом и волей). Мистик учил, «что человеческое существо состоит из внешнего человека и внутреннего человека. Внешнему человеку принадлежит то, что зависит от души, но связано с плотью и слито с нею... Священное Писание говорит обо всем этом как о старом человеке, земном человеке, внешней личности, враге, рабе. Внутри каждого из нас находится другая личность, внутренний человек, которого Священное Писание называет новым человеком, небесным человеком, молодой личностью, другом, аристократом» [16, с. 52].

Возможность мистического контакта с Абсолютом, по мнению Экхарта, обусловлена единостью «искорки» и Божества, что свидетельствует об **имманентном** характере его учения. «Чтобы измерить душу, мы должны измерить ее относительно Бога, ибо Основа Бога и Основа Души есть одно и то же». «Я однажды сказал, что есть сила в духе, и она одна свободна. Порой я говорил, что есть в душе крепость; иногда – что это свет, и иногда еще называл я это искоркой. Теперь говорю я, что это не “то” и не “это”, и вообще нет “что-либо”. Это так же далеко от “того” и “этого”, как небо от земли. Потому я определяю это еще более благородным образом, чем раньше... Оно свободно от всех имен и ликов. Свободно и сейчас я говорю, что этот принцип находится над всем этим, чисто, как свободен и чист один Бог. И чисто в самом себе. Оно цельно и замкнуто в себе самом, как целен и замкнут в Себе Самом один лишь Бог. Так что выявить этого никоим образом нельзя» [16, с. 23, 26]. Мистическое единение – величайшая тайна, которую мистике не дано в полной мере постичь. Экхарт утверждал, что основным препятствием на Мистическом Пути является **эгоцентрическое сознание** человека. Низшее «Я» живет привязанностями к материальному миру, и, теряя что-либо, неизбежно страдает, потому что «всякое **страдание** проистекает из страсти к тому, чего меня лишила утрата». Экхарт писал: «Если утрата внешних вещей мне приносит страдание, то это верный признак того, что я люблю внешние вещи и люблю, по правде сказать, скорбь и печаль» [19, с. 174]. Как правило, люди сетуют, когда свершается воля Бога, и это свидетельствует о том, что свою волю они считают высшей.

Особенности мистической психопрактики. Первым шагом на Мистическом Пути Экхарт считал катарсис, который способствует **«расщеплению сознания»**. Мистик советовал начинать его с покаяния вместе с духовным отцом, а в дальнейшем перейти к одиночеству, чтобы слушать не советы людей, а только Святой Дух: «Истина тем-то и прекрасна, что направляет человека к самому высшему без помощи какого-либо творения» [18, с. XXIII-XXIV]. Поиск точки опоры в ком-то другом Экхарт расценивал как женское, слабое начало в человеке. При этом мистик эстетизировал страдания и рассматривал их как признак любви Бога к человеку. Он утверждал: «Мы должны питать большую любовь к страданию, ибо Бог ничего иного и не делал, пока был на земле» [16, с. 250].

Оригинальным методом католической созерцательной психопрактики является **отрешенность**. Происходит «отрешение» души от всего земного, «ибо в страдании человек имеет приверженность к твари, от которой он и имеет страдание, а отрешенность от всякой твари свободна». Экхарт был

уверен, что «быть порожним от твари значит быть исполненным Бога, а быть исполненным твари значит быть порожним от Бога». Состояние отрешенности характеризуется тем, что «дух неподвижно стоит среди всех треволнений радости и печали, чести, бесчестия и поругания, – как могучая гора в легком ветре. Сия неподвижная отрешенность ведет человека к совершенному уподоблению Богу» [19, с. 211, 213]. Отрешенность стоит выше всех иных методов мистической практики и даже выше христианских добродетелей: «Я не нахожу ничего, кроме чистой превосходящей все отрешенности, ибо все добродетели имеют некую приверженность к твари, а отрешенность от всех творений свободна». Она выше милосердия, потому что «милосердие есть ничто иное, как то, что человек выходит из себя самого ради страдания ближних и от этого помрачается его сердце». Отрешенность даже выше любви к Богу: «Я ставлю отрешенность выше всякой любви. Во-первых, потому, что лучшее, что есть в любви, это то, что она вынуждает меня полюбить Бога, а отрешенность вынуждает Бога меня полюбить... Во-вторых, я ставлю отрешенность выше любви, поскольку любовь меня вынуждает к тому, чтобы я все претерпел ради Бога. Отрешенность же убеждает меня, дабы я ни к чему, кроме Бога, не был восприимчив. Ведь гораздо достойней не быть, кроме Бога, ни к чему восприимчивым, чем все переносить ради Бога» [19, с. 210-212].

Экхарт был уверен, что даже «любовь (обычная эмоциональная любовь) не служит единению. Да, она служит действию единения: но она не служит единению сути». Святой Хуан де ла Крус писал также, что «воля может обрести благоденствие и благодать единения с Божеством только посредством отрешенности, отказа от всех удовольствий, доставляемых земными и небесными вещами». Он считал, что «ценность любви заключается не в высоких чувствах, а в отрешенности, в готовности вытерпеть все испытания во имя Бога, которого мы любим» [16, с. 99, 101].

Образцом для Майстера Экхарта было Божество, которое вечно находится в отрешенности, и «когда Бог создал небо и землю и всякую тварь, то это столь же мало коснулось Его неподвижной отрешенности, как если бы Он никогда не созидал твари». Более того, Экхарт утверждал, что «всякая молитва и доброе дело, которые человек может совершить во времени, также мало трогают отрешенность Бога, как если бы ни молитва, ни доброе дело во времени не совершались». По сути мистик отрицал силу и значение христианской молитвы, так как «отрешенная чистота вовсе не может молиться, ибо кто молится, тот чего-то хочет от Бога, дабы ему было дано, или же хочет, чтобы Бог у него что-то отнял». Молитва отчужденного сердца состоит «лишь в том, чтобы уподобиться Богу» [19, с. 214, 217]. Отрешенность предполагает забвение своего Эго: «Для человека воистину совершенного должно стать привычным – пребывать мертвым для себя самого, в Боге от себя отрешенным», «дабы все его блаженство в том состояло, чтобы ни о себе, ни о ином не знать ничего, а знать единого Бога, ничего не желать, другой воли не ведать, кроме воли Бога» [19, с. 177, 211].

Путем отрешения от личной воли происходит *абсолютная отдача Воле Абсолюта*: «Чтобы быть истинно нищим, человек должен быть настолько свободным от своей сотворенной воли, насколько он был, когда его не было. Истинную правду говорю вам: пока есть у вас воля исполнять волю Бога и вы имеете какое-либо желание, относится ли оно к вечности, или к Богу, до тех пор вы не нищи действительно. Ибо только тот человек нищ, который ничего не хочет, ничего не знает, ничего не домогается» [16, с. 87]. Отрешенный праведник в покое остается при любых обстоятельствах. Он «пребывает в такой согласии с Богом, что он хочет все то, чего хочет Бог, и тем способом, каким Бог пожелает» «Благой человек должен довериться Богу, уверовать и не сомневаться», «ведь невозможно, чтобы Бог чего-то хотел кроме блага» [19, с. 176, 178]. Смерть Эго означает смерть старого, несознательного человека, жизнь которого обусловлена страхами и привязанностями. Происходит рождение нового человека, сознательного и свободного, пребывающего в покое и блаженстве. Метод «отрешенности» является ничем иным как *медитативным созерцанием Абсолюта*, которое опирается на метод *дисциплинарного аскетизма*. Оба метода мистической практики направлены на преодоление зависимости духа от материи.

Католические мистики были уверены, что процесс созерцания должен происходить безобразно. По мнению де ла Круса, «в этой жизни все, что воображение может представить, а разум постигнуть и понять, не является и не может быть средством единения с Богом» [16, с. 144]. Экхарт указывал, что даже созерцание Бога недопустимо, потому что Он есть Троица. Полное блаженство души становится возможным при полном погружении души в Божество, ее слиянии с Первообразом. По мнению Экхарта, мистическое единение с Абсолютом возвращает нам утраченное единство: «Ты должен любить Бога, как не-Бога, не-Дух, не-личность, не-образ, а как то, чем Он является, – чистейшее абсолютное Целое, лишённое всякой двойственности» [16, с. 44]. Слияние «искорки» с Первообразом приводит к полному отождествлению с Ним. Мистик призывает: «Отрешись всецело от

твоего, излейся в тишину Его Сущности; как было раньше. Он – там, ты – здесь, сомкнется тогда в единое МЫ, где *ты – отныне Он*. Вечным разумом познаешь Его, неизреченное ничто, как предвечное “Есмь”». Экхарт говорил: «Бог стал человеком, чтобы я стал богом». «Все, что можно описать словами и предложить людям в образах – это только призыв к Богу. Знайте, что в Боге только Бог, знайте, что ни одна душа не может вернуться к Богу, пока не станет Богом, как была Богом раньше, до своего сотворения». Ученица Майстера святая Екатерина, пережив мистический опыт, почувствовала, что она – одно целое с Богом: «Порадуйся со мной, я стала Богом!» [18, с. XXVIII, XXX, XXXIX]. Ангелиус Силезиус говорил: «Я так же велик, как Бог, Он так же мал, как и я. Не могу я быть ниже Его. Он не может быть выше меня» [3, с. 334].

По мнению М. Ю. Реутина, мистика Экхарта выходит далеко за пределы теории «аналогий». Это уже не учение о творении, но учение об эманации Божества и вечности мира [19, с. 7]. С. Н. Булгаков подчеркивал, что мистика Экхарта и учение об отрешенности, «сливающей мир и человека с Богом, приводит его к признанию не трансцендентности Бога, но максимальной Его имманентности: черта между Богом и тварью совершенно стирается, различие их преодолевается в превышающем его единстве» [2].

Учение Экхарта и немецких мистиков об отрешенности существенно отличается от учения Паламы и византийских исихастов об умно-сердечной молитве. Если первый призывал к отрешенности от всего «тварного», то второй считал целью мистической практики **преображение** человеческой личности с помощью любви и молитвы. Причину различий между двумя учениями В. Н. Лосский видел в том, что православие и католицизм разошлись в том таинственном пункте учения, которое относится к Святому Духу – источнику святости. «Два различных догматических воззрения соответствуют двум опытам, двум путям святости, совершенно непохожим друг на друга». Западный опыт свидетельствует «о своей преданности Христу в одиночестве и оставленности Гефсиманской ночи», а восточный – стяжал «уверенность в своем соединении с Богом в свете Преображения» [12, с. 244-245]. Мистика Экхарта приближается в некоторых аспектах к восточным имманентным мистическим традициям и практикам созерцания. Например, экхартово «ты – отныне Он» звучит подобно словам упанишад «тат твам аси» («ты есть то»). А метод «отрешенности» означает, что человек погружается в самого себя, отбрасывая все качества и характеристики. Однако, было бы ошибкой полностью отождествлять мистические учения Экхарта и Шанкары. Н. В. Исаева отмечает, что в отличие от Шанкары, Экхарт делает акцент на идее дара и милости Божьей, благодаря которой становится возможным погружение мистика в самого себя [7, с. 64; 3].

Список литературы

1. Бекорюков, А. Франциск Ассизский и католическая святость / Диакон Алексей Бекорюков. — М. : Срет. монастырь, 2001. — 63 с.
2. Булгаков, С. Н. Свет Невечерний : Созерцания и умозрения / Протоиерей Сергей Булгаков // Православная электронная библиотека Одинцовского благочиния Московской епархии : сайт. — URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/bulgakov/bulgakov_s_svet_nevecher/ (дата обращения 7.02.2017).
3. Джемс, В. Многообразие религиозного опыта : [Пер. с англ.] / Вильям Джемс. — Репринт. изд. — СПб. : Андреев и сыновья, 1993. — 418 с.
4. Жиртуева, Н. С. Православный исихазм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. — 2017. — № 3. — С. 52–62.
5. Жиртуева, Н. С. Типология мистических традиций и методов мистической психопрактики / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. — 2015. — № 9. — С. 201–210.
6. Жиртуева, Н. С. Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Вопросы философии. — 2016. — № 4. — С. 60–69.
7. Исаева, Н. В. Шанкара и индийская философия / Н. В. Исаева; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М. : Наука, 1991. — 197, [2] с.
8. Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская: писания и биография / общ. ред.: А. Вичини, Я. Ан ; пер. с итал.: О. А. Седакова, А. Топорова, Л. Сумм. — Assisi : Movimento Francescano, 1996. — 1060 с.
9. Карсавин, Л. П. Католичество : Общий очерк / Л. П. Карсавин. — Bruxelles : Жизнь с богом, 1974. — 151 с.
10. Лихачев, Д. С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский / Д. С. Лихачев // Наука и религия. — 1992. — № 1. — С. 8–10.

11. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Алексей Федорович Лосев. — М. : Мысль, 1993. — 959 с.
12. Лосский, Вл. Очерк мистического богословия Восточной церкви / Вл. Лосский // Мистическое богословие : [Сб.]. — Киев : Путь к истине, 1991. — С. 95–260.
13. Откровения блаженной Анджелы / Пер. с лат. Л. Карсавина и А. Печковского. — Киев : УЦИММ-ПРЕСС, 1996. — 223 с.
14. Сафронов, А. Г. Религиозные психопрактики в истории культуры : моногр. / А. Г. Сафронов. — Харьков : ХГАК, 2004. — 304 с.
15. Торчинов, Е. А. Религии мира: опыт запредельного : Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры : сайт. — URL: <http://psylib.org.ua/books/torch01/index.htm> (дата обращения 3.02.2017).
16. Хаксли, О. Вечная философия / Олдос Хаксли ; [пер. с англ. О. О. Чистяков]. — М. : РЕФЛ-бук ; Киев : Ваклер, 1997. — 330 с.
17. Чуковенков, Ю. А. Влияние восточно-христианской антропологической мысли на западную / Ю. А. Чуковенков // Религиоведение. — 2005. — № 1. — С. 66–79.
18. Экхарт, М. Духовные проповеди и рассуждения : [Пер. со средневерхненем.] / Майстер Экхарт ; [Предисл. М. В. Сабашникова ; Послесл. А. Доброхотова]. — [Репринт. изд. 1912 г.]. — М. : Политиздат, 1991. — XLVII, 190, [2] с.
19. Экхарт, М. Об отрешённости = Von abegescheidenheit / Майстер Экхарт; [Сост., пер. со средневерхненем. и лат. яз., предисл. и примеч. М. Ю. Реутина]. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. — 431 с.

Статья поступила в редакцию 10.04.2017

Zhirtueva, N. S. *On Catholic Mysticism Through a Comparative Analysis of World Mystic Traditions*

The paper offers a comparative analysis of key tendencies of Catholic Mysticism in context of philosophy and religious studies. Basically, Catholic Mysticism evolves into mystic love and contemplation, its distinctive features being a balance between the immanent and transcendent experience of the Absolute Reality, the uncertainty of the relation between absolute and phenomenal being, as well as various mystical psycho-practices. The “unity in Christ” concept of mystic love underlies mystical traditions of integrity, with trustful love towards the absolute and ascetic self-discipline being characteristic of the experience. Mystic love is diversely manifested, being simultaneously spiritual, erotic and exalted. Catholic mysticism of contemplation is of immanent (pantheistic) nature, while the purpose of the practice is to reach the “unity” of the human soul (“the divine spark”) and the Absolute. Meister Eckhart’s teachings aim at the separation of spirit from matter, thus allowing for dualistic mysticism to arise. The techniques include contemplation of the Absolute and ascetic self-discipline.

Keywords: transcendent and immanent mysticism, the Absolute, Catholic mystic love, Catholic mysticism of contemplation, egocentrism, enlightened spirit, psycho-practice.

Представлена историческая реконструкция культа одного из самых почитаемых восточными славянами дохристианской эпохи божеств – прародителя людей и богов Рода. Основываясь на письменных источниках и данных археологии, автор опровергает господствующую в настоящее время в исторической науке теорию об искусственности или незначительности культа данного божества у наших предков – язычников. Представлена оригинальная версия происхождения культа Рода, прослеживается его связь со всеми сторонами существования восточных славян дохристианской эпохи.

Ключевые слова: Род, рожаницы, языческое божество, жрецы, святилище, культ, верования, представления.

М. Н. Козлов, профессор, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

РОД – ПРАРОДИТЕЛЬ БОГОВ

В последнее время труды Б. А. Рыбакова и других исследователей исторической школы подвергаются жесткой необоснованной критике со стороны многих современных исследователей. Особенно эта критика усилилась после смерти самого Б. А. Рыбакова в 2001 году и его ведущих учеников: Б. А. Тимощука, И. П. Русановой, О. П. Рапова.

В отечественной историографии чрезвычайно усилилась так называемая критическая школа исследования восточнославянского язычества. Ее сторонники поспешили объявить практически все материалы археологических исследований ученых исторической школы фальсификациями [12, с. 56, 181-182].

Несмотря на то, что и Б. А. Рыбаков и его ученики активно предостерегали от неоязычества в своих трудах и относились к нему крайне негативно, их в настоящее время активно обвиняют в способствовании распространению неоязычества. Так, В. Я. Петрухин и С. М. Толстая назвали главные труды Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» и «Язычество древней Руси» «библией язычников» [17, с. 52]. Сторонники «критической» школы исследования восточнославянского язычества объявили «выдумкой» гипотезу Б. А. Рыбакова о существовании многих восточнославянских божеств. Так, например, целый ряд отечественных ученых назвали «искусственным» культ главного восточнославянского бога прародителя – Рода [12, с. 196].

Историческая реконструкция культа бога Рода на основе отечественных письменных источников, новейших данных археологии и лингвистики – основная цель данной статьи.

Согласно данным археологии и письменным источникам, в VI–IX вв., произошла трансформация старых родовых отношений. Древнеславянские родовые общины объединялись, создавая достаточно сложные по структуре политические образования. В процессе их преобразования старые родовые формы общественного уклада и быта изживали себя; возникали более сложные племенные и межплеменные политические союзы с непростой, постоянно меняющейся структурой. Одновременно складывались новые общественные отношения.

Во второй половине первого тыс. н. э. у древних славян существенно усложнилась и культовая система. Кроме традиционных мест совершения религиозных обрядов: священных рощ, берегов рек, озер и источников, а также родовых святилищ у восточных славян появились племенные святилища, обслуживающие интересы нескольких родовых гнезд – поселений, городища-убежища и городища-святилища, используемые для своих религиозных нужд межплеменными союзами.

В наше время исследованы восточнославянские племенные святилища VI–IX вв., которые использовали для религиозных нужд несколько родовых поселков (гнезд поселений). Они представляли собой кругообразные площадки-капища со стоящим в центре идолом, окруженные ровиком, отдельными ямами или оградкой из камней. Такие языческие святилища обычно располагались в центре родовых гнезд поселений и представляли собой племенной культовый центр [22, с. 53].

Возможно, что роль племенных святилищ играли и городища-убежища, появившиеся в восточнославянских землях в VIII веке. Согласно данным археологии, городища-убежища представляли собой укрепленные поселения, не имеющие постоянного населения и играющие роль убежищ на случай военной угрозы. В мирное время они становились сакральными центрами окрестных поселений [28, с. 164-165].

Примерно с середины IX века на восточнославянской территории появляются первые городи-

ща–святилища, не имеющие постоянного населения и выполняющие исключительно культовые функции. Для данных культовых памятников была характерна достаточно сложная структура и культовая атрибутика (наличие помимо традиционных округлых капищ, длинных домов, в которых проходили собрания жителей окрестных поселений и традиционные пиры, концентрических валов вокруг городища с зажженными на них ритуальными огнями, колодцев, выбитых в скалах и т. п.) [29, с. 111].

Существенное усложнение системы богослужения у восточных славян второй половины первого тыс. н. э. должно было привести к трансформации языческого мировоззрения. И действительно, старое родовое мировосприятие уже не соответствовало условиям новой действительности. С появлением племенных и межплеменных объединений наши предки уже не могли рассматривать своих соплеменников, не связанных с ними кровными узами, как врагов-чужаков. Вероятно, именно в этот период род перестал восприниматься как сообщество кровных родственников.

«Повесть временных лет», излагая древнейшую историю славян, указывает на то, что они жили родами («живяху кождо с родом своим на своих местах»). Термин «род» в летописи не соответствует современному научному понятию. Летописец употребляет его и для описания как больших, так и малых общественных структур. Так, согласно летописи: «Кий княжаше в роде своем». В данном случае родом названы поляне – самый могущественный восточнославянский союз племен. Радимичи, вятичи и другие славянские союзы племен, согласно летописи, также названы в источнике родами («Вятко сяде с родом своим по от него ж прозвашася вятичи»).

Словосочетания, встречающиеся в летописи, «род славенескъ» и «род русскъ» (последнее зафиксировано в договорах с греками) указывают на тот факт, что свое этническое единство восточные славяне осознавали как общность происхождения и ассоциировали с кровным родством. В той же начальной части «Повести временных лет» указывается, что поляне были объединением, состоящим из нескольких родов.

Таким образом, под термином «род» в летописных сообщениях, относящихся к догосударственной эпохе, автор понимал многочисленные иерархически соподчиненные общности, начиная от «славянства» в целом и союзов племен и заканчивая более мелкими их подразделениями. Данный факт свидетельствует о значительной трансформации мировоззренческих представлений наших предков во второй половине первого тыс. н. э. «Своими» для восточных славян в данный период стали не столько кровные родственники, но и все те, кто входил с ними в одну социальную структуру – племя, союз племен, а позже и государство. Соответственно, чужаками стали все те, кто в данную социальную структуру не входил и представлял потенциальную угрозу.

Одновременно с трансформацией представлений о роде, как общественно – экономическом сообществе, в древнеславянском обществе изменилась и структура мифологических представлений. Бывшие родовые берегини приобрели антропоморфные черты и из покровителей отдельных родовых общин превратились в божеств славянских племен, племенных союзов, а впоследствии и всего «рода русского». Со временем на всей восточнославянской территории возник стойкий культ антропоморфного божества Рода – праотца всех богов и людей, покровителя восточных славян.

Согласно точке зрения С. А. Токарева, культ племенных богов пришел на смену семейно-родовым культам в эпоху разложения родовых отношений как продолжение культа тотема-эпонима фратрии, патрона – основателя племенных инициаций, культурного героя – демиурга, антропоморфного духа – олицетворения небесных или атмосферных явлений [30, с. 332-333]. По нашему мнению, образ бога – покровителя крупных общественных образований возник тогда, когда прежние берегини – родовые покровители стали восприниматься как сакральные, но безличные символы племен и союзов племен.

Наиболее архаичным божеством у восточных славян стал Род, который из символа отдельных разрозненных родовых общин превратился в антропоморфного бога. Очевидно, что в Роде наши предки видели бывших предков-хранителей и верили в то, что он одновременно присутствовал в каждом пожилом человеке, мертвом предке и живом потомке, во всех природных стихиях и человеческих взаимоотношениях.

Долгое время отечественные исследователи сводили роль Рода к почитанию умерших предков или плодородия земли и приравнивали его к Чуру – олицетворению умерших предков-берегинь [26, с. 282]. М. В. Попович выдвинул гипотезу, согласно которой Род – это одно из имен Велеса – бога скота [18, с. 46]. По мнению С. А. Токарева, Род у древних славян олицетворял единство княжеского рода как субъекта и объекта права наших предков, а также территориального единства восточнославянского общества [14, с. 385].

Против такой, несколько односторонней, трактовки данного божества решительно выступил Б. А. Рыбаков, по мнению которого Род в сознании наших предков был связан не только с «подземным» миром мертвых, но и со всеми сферами жизни восточных славян [23, с. 458-489]. Точку зрения Б. А. Рыбакова впоследствии поддержали А. М. Рапов, Я. Е. Боровский, В. М. Рычка, А. П. Моця [21, с. 33; 4, с. 26-27; 15, с. 21-22].

Иной точки зрения придерживается Л. С. Клейн. По его мнению, у восточных славян языческой эпохи не существовало такого божества, как Род. В его работе «Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества» находим следующее: «Итак, судя по всему, Род вообще не был богом и, скорее всего, даже не существовал вовсе как персонаж в славянском языческом пантеоне. Он появился только после крещения Руси под влиянием греческих суеверий и был фигурой вполне подобной рожаницам. На фигуре Рода как верховном языческом боге славян можно поставить крест. Ему можно переадресовать слова крестьянина из Новгородской летописи, обращенные к сброшенному в реку Перуну: «досыти еси пил и ел, а с равнины поплыви назад» [12, с. 196].

Ученый обошел вниманием древнерусские раннехристианские источники, в которых богословы осуждали широко распространенные современные им народные обычаи и обряды, связанные с почитанием Рода и рожаниц на протяжении многих столетий. Не мог не знать он и то, что некоторые древнерусские книжники называли период древнерусской истории, предшествовавший приходу к власти князя Владимира, периодом поклонения Роду и рожаницам, почитаемых «до Перуна бога их». К тому же не совсем ясно, где в греческой античной мифологии встречается божество со славянским именем Род, якобы заимствованное нашими предками из греческих источников.

Наличие в древнеславянском языческом пантеоне антропоморфного Бога – властелина жизни и смерти людей и властителя богов подтверждается целым рядом письменных иностранных и отечественных источников. Уже в VI в. византийский автор Прокопий Кесарийский в своей «Войне с готами», в частности, отмечал: «Они считают, что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми и ему приносят в жертву быков и совершают другие обряды. Судьбы они не знают, и когда им грозит смерть из-за болезни или на войне, они дают обещание: если спасутся, то принесут богу в жертву быков за свою душу, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение куплено ценой этой жертвы» [20, с. 23-24].

Несколько веков спустя, о некоем антропоморфном божестве – прародителе богов, почитаемом восточными славянами, сообщил германский хронист Гемольд: «Между разными богами, во власти которых находятся поля и леса, грусть и радость, славяне не отрицают и единого бога на небе, который управляет другими. Он могуч и заботится о небесных делах, а другие боги происходят от его крови, и чем более уважаемые они, тем ближе к этому богу» [31, р. 131]. О существовании некоего антропоморфного бога – прародителя богов у племенного союза вятичей сообщают и восточные авторы. Так, неизвестный персидский автор описал наблюдаемый им лично у вятичей языческий обряд: «Во время жатвы они берут ковш с просом, поднимают к небу и говорят: «Господи! Ты, отец богов и людей, что поставлял нам пищу, дай нам ее и теперь в изобилии» [16, с. 395].

По мнению Н. И. Карамзина, Прокопий Кесарийский и Гемольд, сообщая о каком-то Первобоге – прародителе богов и людей, имели в виду Перуна [11, с. 80 (2-я паг.)]. Но, как справедливо заметил А. Н. Афанасьев, Гемольд в своем сообщении имел в виду особое божество – олицетворение Вселенной, а не Перуна, или каких-то подобных ему богов, которых хорошо знал, часто бывая на восточнославянских землях [2, с. 132].

Большое значение в свете реконструкции культа Рода имеют сообщения арабского путешественника Ибн-Фадлана. Так, в своих «Записках путешественника» он рассказывает о том, что купцы-русы, приезжающие в Булгар, приносили в жертву хлеб, мясо, лук или чеснок, молоко и мед идолу в виде высокого старика, окруженного статуями подчиненных ему божеств – его дочерей и жен, и просили у них хорошей торговли [6, с. 95].

Л. С. Клейн пришел к выводу, что Ибн-Фадлан в своих «Записках путешественника» под словом руссы имел в виду норманнов исходя из сообщения арабского путешественника о том, что женщины руссов носили коробочки из дерева или металла для того чтобы скрыть грудь. По мнению ученого, коробочки – это норманнские фибулы [12, с. 172–173].

По нашему мнению предположение Л. С. Клейна неверно. Во-первых, норманны вообще не брали в путешествия жен или дочерей. В походе их могли сопровождать только невольницы, вообще не носившие никаких украшений. Славянские же женщины свободно сопровождали своих близких во всех походах и даже, согласно сообщениям византийских хронистов, участвовали в сражениях. Во-вторых, норманнские женщины носили свободное платье-рубаху с длинными широкими

рукавами, бретели которых закреплялись на плечах парными фибулами-брошами. На талии сарафан перехватывался поясом. Нижнего белья они не знали, а грудь не прикрывали. Застежки-фибулы они действительно использовали, но застегивали не на груди, а на плечах или на поясе [5, с. 93]. У славянских же женщин для закрепления верхней одежды употреблялись в основном пальчатые фибулы. Археологи зафиксировали также бронзовые, серебряные и железные пряжки с круглыми, полукруглыми, овальными, восьмеркообразными формами. Они застегивались на плечах и груди [24, с. 258, 260]. Таким образом, Ибн-Фадлан вполне мог назвать их коробочками, закрывающими грудь.

Восточнославянское святилище, описанное Ибн-Фадланом, Л. С. Клейн также считает норманнским. Там вполне, по мнению исследователя, могли стоять идолы богов-супругов – Одина и Фриг, Тора и Сиф [12, с. 174]. В норманнских сагах действительно упоминаются богини-красавицы – супруги богов. Однако следует учитывать тот факт, что норманнские святилища были посвящены, как правило, одному божеству (чаще всего воителям – Одину и Тору). «Семейные» капища для скандинавского языческого культа характерны не были [32, р. 182].

Согласно сообщениям Ибн-Фадлана, русский купец, после обращения к верховному идолу и в случае неудачной торговли приходил к святилищу второй раз и обращался к одной из жен верховного идола. Таким образом, в святилище верховной богиней после бога-прародителя была его супруга. У воинственных же норманнов три верхние ступени пантеона занимали главные божества – Один, Тор и Фрейр. Так, Адам Бременский сообщает в этом отношении следующее: «Народ (в Швеции) поклоняется статуям трех богов, в середине триклиния сидит Тор, а Водан (Один) и Фрикко (Фрейр) сидят по одну и по другую сторону от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, говорят, властвует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем. Вторым, Водан, что значит "ярость", ведет войны и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие, его идол снабжен поэтому огромным детородным членом» [5, с. 182]. Таким образом, святилище, описанное Ибн-Фадланом никак не могло быть норманнским. Оно принадлежало восточнославянскому божеству-прародителю богов, а под руссами путешественник понимал наших предков. Д. Греков обратил внимание на то, что в этом отрывке описываются боги, от которых зависел успех в торговле, и пришел к выводу, что Ибн-Фадлан имел в виду Велеса и его потомков [7, с. 25]. И. Е. Забелин выдвинул гипотезу, согласно которой Ибн-Фадлан описал поклонение Роду и рожаницам [8, с. 458].

По нашему мнению, точка зрения И. Е. Забелина кажется более логичной. Во-первых, согласно сообщению Ибн-Фадлана, главный идол был окружен другими, женскими идолами – дочерьми и женами верховного бога, что очень напоминает Рода и рожаниц. Во-вторых, жертвы, которые, по данным арабского путешественника, славянские купцы приносили главному идолу, полностью совпадают с жертвами Роду и рожаницам из сообщений отечественных раннехристианских источников.

В «Слове некоего Христороубца», например, неизвестный автор сообщает следующее: «Не только же простое зло творим, и смешаем некие чистые молитвы с проклятым молением идольским – трисвятая Богородица сь рожаницами лжеставят, коутья иные трапезы законного обеда... Иже ставить трапезу Роду и рожаницамъ» [1, с. 377]. Описание подобных обрядов находим и в «Вопрошаниях Кирика новгородскому епископу Нифонту»: «Аже сие Роду и рожанице крают хлебы и сыры и мед» [9, стб. 387]. В славянской вставке к источнику XVI века «Левиотика» находим следующее: «А что рожаницам и Роду крают хлеб и сыры и мед браняшеся велми негди речь молвят обряд пиющи и ядящи» [10, с. 314]. В пользу гипотезы И. Е. Забелина свидетельствуют и данные археологии. Так, языческое святилище, посвященное Роду и рожаницам, было исследовано учеными недалеко от Рогачева близ села Ходосевичи на левом берегу Днепра в центре крупного курганного могильника. Центральную его часть составлял круг диаметром 7 м, по краю окружности которого шла кольцевая канавка шириной 40 см и глубиной 40-50 см, заполненная темно-серым песком, смешанным с золой и мелкими угольками. В центре круга сохранилось круглое в плане углубление (до 0,15 м) диаметром 1 м с плоским дном. С трех сторон (север, юг, восток) на расстоянии до 2 м от внешнего края круга находились серповидные с закругленными концами ямы длиной до 6 и шириной до 1,8 м, глубиной до 1 м, имевшие корытообразное дно. С кольцевидной канавкой и между собой они были связаны системой столбов. На расстоянии 10 м к востоку от центрального круга было обнаружено второе кольцо меньших размеров (диаметром 5 м). Канавка имела глубину 25 и ширину 20-30 см. В нескольких местах на дне канавки были обнаружены ямки от отдельных столбиков диаметром 15-20 и глубиной 20-30 см. В центре круга, как и в первом случае, находилась округлая в плане яма диаметром 60 и глубиной 25 см, также с плоским дном. На одной с ней линии у внутренних бортиков канавки находились еще две небольшие ямки от столбов. Недалеко от центральной

площадки было обнаружено одинокое жилище с печью-каменкой, одновременное святилищу. Размеры жилища 4,5х4,6 м [13, с. 146-149]. На центральной площадке стояла статуя главного бога и дополнительные статуи меньших богов. Площадки были окружены кольцевидными оградками из деревянных столбов. По краям круговых площадок горели костры. Жилище, обнаруженное вблизи святилища, принадлежало местному жрецу, обслуживающему святое место [13, с. 151-152]. В исследованном археологами святилище в Ходосевичах некогда, как и в капище, описанном Ибн-Фадланом, стояло изваяние главного божества, окруженное более мелкими идолами. Некий жрец, жилище которого нашли ученые, следил за святилищем.

Гипотеза Б. А. Рыбакова и некоторых других современных исследователей о всестороннем культе Рода и рожаниц находит этимологические подтверждения. Так, производными от имени бога Рода являются слова урожай, урод (в смысле прибыль), в древнеславянской языке слово «род» означало также судьбу человека [27, с. 314]. Симптоматичным также представляется сходство описания обрядов жертвоприношений Роду и рожаницам и обряда «кормления» умерших предков во время «парения» берегинь в банях.

В древнеславянском языке существуют слова, производные от слова «род» и связаны они не только с потусторонним миром, но и с небесным и земным мирами. Так, в «Шестидневие Кирилла Философа» упоминается «огненное родство», «рай», «огненный родник» [25, с. 250-262].

Большой интерес вызывает славянский глосс к «Девкалионовому потоку» по списку XV века. В частности, в данном источнике находим следующее сообщение: «Вседержитель, иже един бес- смертен и непогибающий творец дуну потоку на лицо дух жизни и бысть человек в душу живу, то ты не Род, сидя на воздухе, мечет на землю груды и в том рождаются дети» [2, с. 467]. В данном источнике сидящий на небе Род противопоставлен христианскому Саваофу. Кроме того, Род в данном источнике предстает создателем человеческой души и тела. Миф, представленный в славянском глоссе к «Девкалионовому потоку», хорошо прослеживается и в «Повести временных лет». В данном источнике под 1071 годом сообщается о том, как суздальский воевода Ян Вышатич взял в плен двух славянских жрецов и спросил их: «Как был сотворен человек? На что получил ответ: "Бог мыв- ся в мовнице и вспотев, обтерся ветхом и верже с нбси на землю и створи человека"» [19, стб. 175]. Интересно, что в обоих источниках некий небесный языческий бог предстает создателем человека.

Косвенно подтверждает правильность реконструкции данного мифа народное представление о сакральности бань у древних славян-язычников. Возможно, что в сознании наших предков бани были границей между реальным миром и миром богов. Согласно данным отечественных письмен- ных источников, в банях поминали умерших покойников. Даже в XIX ст. бани считались у наших предков опасным местом. Ни в коем случае в них нельзя было проводить ночь, иначе нечистый дух мог убить смельчака. Иногда духам-банникам, якобы жившим в банях, приносили в жертву куски хлеба или курей. На месте, где когда-то стояли бани, нельзя было строить жилье [3, с. 35].

Возможно, что Род осуществлял функции грозного бога – судьи, карающего грешников. Об этом свидетельствуют названия некоторых болезней: «родимчик», «родимец». На Украине до наше- го времени сохранилось выражение: «чтоб тебя родимчик побил», что означает пожелание кому-то беды, болезни или смерти. Таким образом, в представлении восточных славян-язычников Род был одним из самых почитаемых божеств. Он считался прародителем богов и людей, властителем жизни и смерти, олицетворением мироустройства.

Список литературы

1. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. — [2], XXXVIII, [2], 386 с.
2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1. / А. Н. Афанасьев ; изд. К. Солдатенкова. — М. : Тип. Грачева и К., 1865. — 800 с.
3. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — Л. : Наука, 1983. — 192 с.
4. Боровский, Я. Е. Мифологический мир древних киевлян / Я. Е. Боровский. — Киев : Наукова думка, 1982. — 103 с.
5. Будур, Н. Повседневная жизнь викингов / Н. Будур. — М. : Молодая гвардия. — 2007. — 237 с.
6. Гаркави, А. Я. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских : (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1870. — VIII, 308 с.
7. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Борис Греков. — М. : АСТ, 2004. — 671 с.

8. Забелин, И. Е. История русской жизни. В 2 ч. Ч. 1 : С древнейших времён / сочинение Ивана Забелина. — Тип. Грачева и К., 1876. — X, 647 с.
9. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков / составлено, ..., Ф. Буслевым. — М. : в Унив. тип., 1861. — [8], II, VIII с., 1632 стб.
10. Истрин, В. М. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. И. Срезневского // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — Т. 12. — Ч. 1. — С. 314–316.
11. Карамзин, Н. И. История Государства Российского / [Н. М. Карамзин]. — Изд. второе, испр. — СПб. : в тип. Н. Греча, 1818. — Т. 1. — XXXV, 254, 220, [8] с.
12. Клейн, Л. С. Воскрешение Перуна : К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. — СПб. : Евразия, 2004. — 342 с.
13. Куза, А. В. Языческое святилище в земле радимичей / А. В. Куза, Г. Ф. Соловьева // Советская археология. — 1972. — № 1. — С. 146–153.
14. Мифы народов мира : Энциклопедия. В 2 т. Т. 1 : А–К / Гл. ред. С. А. Токарев. — 2-е изд. — М. : Большая Российская Энциклопедия, 1998. — 672 с.
15. Моця, А. П. Киевская Русь : от язычества к христианству : учебное пособие / А. П. Моця, В. М. Рычка. — К. : Глобус, 1996. — 219 с. — На укр. яз.
16. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX ст. / А. П. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение. — М. : Наука, 1965. — С. 391–419.
17. Петрухин, В. Я. Труд В. Й. Мансикки в истории изучения славянского язычества / В. Я. Петрухин, С. М. Толстая // Религия восточных славян. — М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2005. — С. 45–53.
18. Попович, М. В. Мировоззрение древних славян / М. В. Попович. — Киев: Наукова думка, 1985. — 167 с.
19. Полное собрание русских летописей. — Т. 1 : Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку / Акад. наук СССР, Ин-т ист. ; [под ред. акад. Е. Ф. Карского]. — М. : Изд-во вост. лит., 1962. — VIII, 578 с.
20. Прокопий Кесарийский. Война с готами ; О постройках / Прокопий Кесарийский ; [Перевод С. П. Кондратьева]. — М. : Арктос, 1996. — 300 с.
21. Рапов, О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства / О. М. Рапов. — М. : Высш. шк., 1988. — 414, [2] с.
22. Русанова, И. П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. / И. П. Русанова // Российская археология. — 1992. — № 4. — С. 50–68.
23. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. — М. : Наука, 1981. — 608 с.
24. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. — М. : Наука, 1982. — 327 с.
25. Соболевский, А. И. Два русских поучения с именем Григория / А. И. Соболевский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб. — 1907. — Т. 12. — Кн. 1. — С. 250–262.
26. Соловьев, С. М. Сочинения : В 18 кн. Кн. 1 : История России с древнейших времен : Т. 1–2. / С. М. Соловьев ; [коммент. В. Т. Пашуто, В. С. Шульгина]. — М. : Мысль, 1988. — 797, [1] с.
27. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. Т. 3, Ч. 1 : Р–С. / И. И. Срезневский. — Репр. изд. — М. : Книга, 1989. — 910 стб., [6] с.
28. Тимошук, Б. А. Славянские святилища на среднем Днестре и в бассейне Прута / Б. А. Тимошук, И. П. Русанова // Советская археология. — 1983. — № 4. — С. 161–174.
29. Тимошук, Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) / Б. А. Тимошук // Российская археология. — 1993. — № 4. — С. 110–122.
30. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. — М. : Политиздат, 1990. — 621 с.
31. Helmold of Bosau. Chronika Slavorum / Helmold of Bosau. — Warsaw, 1862. — 197 p.
32. Magnusson, M. The Vikings / Magnus Magnusson. — London, 1980. — 432 p.

Статья поступила в редакцию 25.02.2017

Kozlov, M. N. Rod, Father of the Gods

The study has attempted a historical reconstruction of the cult of Rod, father of men and gods as well as one the pre-Christian deities most praised by the East Slavic people. With archeological records taken as a basis for the research, the author challenges the current mainstream theory of historical science which portrays Rod as being false and unimportant to our ancestors. The essay offers a genuine history of the origin of the cult of Rod as well as focusing on its presence in all aspects of life of the pre-Christian East Slavs.

Keywords: Rod, Rozhanitsy, pagan deity, priests, sanctuary, cult, faith, beliefs.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

УДК 323.1

Рассматривается эффективность языковой политики в сфере среднего и высшего образования Крыма. Вхождение региона в состав Российской Федерации в 2014 года привело к законодательным, институциональным и политическим преобразованиям и многочисленным структурным изменениям в различных сферах. Все это потребовало выработки новой политики на всех уровнях, в том числе в отношении языковых вопросов.

Ключевые слова: языковая политика Крыма, система образования, образовательные реформы.

А. М. Габриелян, аспирант

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

E-mail: arusia@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СРЕДНЕГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМА*

Различные модели языковой политики полиэтнических государств являются результатом процесса развития двуязычия и многоязычия, языковых контактов и интерференции языков [3, с. 70]. Языковая политика может быть весьма многообразной. Закон, определяющий, каким языком следует пользоваться в тех или иных официальных ситуациях, – это часть языковой политики [1, с. 11]. Важным проводником языковой политики является система образования как сфера реализации определенных стратегий, концепций, программ. Одним из аспектов языковой политики в Крыму является ее взаимодействие с образовательной политикой РФ, реализуемой в сфере общего и высшего образования и науки [6, с. 193]. В некоторых регионах Российской Федерации доступно школьное образование не только на русском языке. Федеральная служба государственной статистики России занимается, в том числе, обобщением информации о количестве общеобразовательных учреждений – тех, где ведется обучение на языках народов и народностей России и тех, где родной (нерусский) язык изучается как предмет.

Начало формирования современной образовательной и языковой политики Крыма относится к 1991 г. После распада СССР каждой из бывших союзных республик кроме формирования собственной государственности предстояло найти свой путь выхода из кризиса. В новых условиях перед Россией и Украиной (для анализа сложившейся ситуации в Крыму именно эти две страны находятся в фокусе внимания) были возможны различные варианты развития.

Однако общее историческое прошлое предопределило и общие доктринальные основы систем образования России и Украины, а значит и Крыма. Но, несмотря на наличие единых императивов и принципов, схожих проблем и тенденций, при реформировании национальных образовательных систем акценты расставляются далеко не одинаково. В конце XX в. и в первой декаде XXI в. как в России, так и в Украине были разработаны важнейшие концептуальные документы, определившие основные цели и задачи систем образования этих стран и обозначившие роль и место языкового фактора в их развитии.

На территории Автономной Республики Крым (далее – АР Крым) до 2014 г. отсутствовало понятие «государственного» или «официального» языка. Право национальных меньшинств на получение образования на родном языке регулировалось статьей 10 Конституции АР Крым (Обеспечение функционирования и развития государственного языка, русского, крымскотатарского и других национальных языков в АР Крым) [12, ст. 10], а также принятым в июле 2012 г. законом «Об основах государственной языковой политики».

Потребность несовершеннолетних граждан в языке обучения определялась в соответствии с заявлениями родителей или лиц, которые их заменяют. Государственные и муниципальные учебные заведения в установленном порядке и с учётом поданных заявлений создавали в общеобразова-

* Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» № 16-31-01073.

тельных учебных заведениях отдельные классы, в которых обучение велось на других языках, чем в учебном заведении в целом при условии обязательного изучения украинского языка [15, с. 15].

Как свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных Центром Разумкова в 2008 и 2009 годах, процент русскоязычных жителей Крыма превышал долю русского населения. Русский язык родным признавали 97 % евреев, 89 % немцев, 82 % белорусов, 79 % корейцев, 78 % болгар, 73 % греков и 61 % украинцев. В целом русский считали родным языком 23 % нерусского населения региона [2, с. 3]. Итоги данных исследований отражены в частности в фундаментальном докладе – «АР Крым: люди, проблемы, перспективы». Жители Крыма критически оценивали возможности получения образования на родном языке. Из доклада следует, что мнения крымчан разделились почти пополам: 41,2 % считали, что эта потребность удовлетворена, 43,5 % придерживались противоположного мнения. При этом большая часть украинцев положительно оценивала состояние дел (48,6 % против 39,6 %), обратная картина наблюдалась среди русских и крымских татар, оценивающих возможности обучения на родном языке значительно ниже (36,7 % против 45,2 % – среди русских и 40,4 % против 49,6 % – среди крымских татар) [2, с. 7].

С одной стороны, анализ законодательства Украины по этому вопросу (Закон Украины от 1991 года «Об образовании»; Закон Украины «О высшем образовании» 2002 г., Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» 2012 г., «Конституция Автономной Республики Крым» 1998 года и др.) свидетельствует о том, что на законодательном уровне в стране (в том числе и в АР Крым) были созданы условия для изучения представителями национальных меньшинств родных языков в системе школьного образования. С другой стороны, анализ реальной ситуации позволяет сделать вывод, что в полной мере эти законы, как и другие, нормативно-правовые акты, в Крыму реализованы не были [7].

Сложившуюся языковую ситуацию в Крыму отражает и Концепция образования на крымскотатарском языке в АР Крым, принятая в 2010 г. В Концепции при описании текущей ситуации указано, что в 2010 / 2011 учебном году (уч. г.) в АР Крым функционировало 15 общеобразовательных учебных заведений с крымскотатарским языком обучения (на начало 2016 / 2017 уч. г. их также было 15), дополнительно на базе школ с русским, украинским, двумя или тремя языками обучения было сформировано 237 крымскотатарских классов, в которых училось 2650 школьников [10].

Всего в 2010 / 2011 уч. г. работало 413 классов, в которых обучалось 5415 учащихся, что составляет чуть более 16 % от общего числа крымско-татарских школьников. В Концепции читаем: «Система образования в Автономной Республике Крым не соответствует потребностям крымскотатарского народа и характеризуется следующими нерешенными проблемами, препятствующими развитию образования на крымско-татарском языке:

- не определен статус крымско-татарского языка;
- не реализована в должной мере Программа формирования и развития сети образовательных учреждений, классов с украинским, крымско-татарским языками обучения, школ и классов с двумя языками обучения, утвержденная Постановлением Совета министров Автономной Республики Крым от 27 августа 1997 г. № 260;
- школы с крымско-татарским языком обучения не имеют необходимой материально-технической базы, в полной мере – учебно-методического и кадрового обеспечения.

На территории Украины действует один государственный язык; до 2010 г. в законодательстве страны не было даже понятия «региональный язык». Региональный язык мог хотя бы формально обеспечивать те же «лингвистические» права национальных меньшинств, что и второй государственный язык в регионах РФ, где он применяется в сфере образования, обслуживания, делопроизводства, в СМИ. Еще в 2000-х гг. ряд горсоветов Крыма принял независимые решения о предоставлении на их территориях русскому языку официального статуса. Население полуострова протестовало против украинского моноязычия в ведении документооборота, в обозначениях на табличках названий официальных учреждений и улиц, в надписях на дорожных знаках. Партия регионов и президент Украины В. Янукович все годы правления обещали своему электорату сделать русский язык вторым государственным. В 2010 г. были предприняты попытки обозначить русский язык как «региональный» на законодательном уровне: был принят Закон «Об основах государственной языковой политики», где в 9 территориально-административных единицах страны русский язык получил статус регионального [13, ст. 7].

В Конституции АР Крым отсутствовало понятие регионального языка, лишь в статье 10 было отмечено: «в Автономной Республике Крым наряду с государственным обеспечивается функционирование и развитие, использование и защита русского, крымско-татарского, а также языков других

национальностей. Русский язык как язык большинства населения и приемлемый для межнационального общения используется во всех сферах общественной жизни» [12, ст. 10]. 26 мая 2010 г. Верховный Совет АР Крым, подчеркнув государственный статус украинского языка, утвердил русский язык в статусе одного из двух региональных языков на территории всей республики.

В Севастополе еще в апреле 2006 г. Севастопольский городской совет принял решение о признании русского языка на территории Севастополя региональным, требующим охраны и развития. Ленинский районный суд Севастополя 1 июля 2010 г. отменил решение Севастопольского городского совета от 26 апреля 2006 г. о присвоении русскому языку статуса регионального.

Согласно закону «Об основах государственной языковой политики»:

– телеканалы, радиостанции, газеты и журналы могли сами определять язык, на котором они вещают или печатаются. Что касается кинопроката, закон разрешал показ фильмов на государственном языке или на одном из региональных языков, но поскольку действовала норма закона о кино, которая освобождает от НДС фильмы, дублированные на украинском языке, в действительности в кинотеатрах Крыма ничего не изменилось;

– любой документ, удостоверяющий личность (паспорт, свидетельство о рождении или браке, аттестат, водительские права и т. д.), можно было заменить на аналогичный с записью на украинском и одном из региональных языков по выбору. Однако появились проблемы с наличием бланков; кроме того замену документа должен был оплачивать сам гражданин;

– местная власть получила право осуществлять свою деятельность как на государственном, так и на региональном языке. Названия улиц, населенных пунктов, учреждений на указателях и вывесках могли обозначаться на государственном и региональном языках [4].

Украинское общество оказалось в значительной мере расколото. В то время как Запад Украины однозначно осудил данный закон (Тернопольский облсовет даже антиконституционно запретил применять его на территории области), Юго-восток страны всячески его приветствовал, хотя многие сетовали на то, что русскому языку был обещан не региональный, а государственный статус, который позволил бы русскоязычному населению в полной мере реализовывать свои права на общение, получение образования и др. Критики закона называли его «полумерой»; о повышении статуса русского либо крымско-татарского языка речи не шло, он узаконил лишь ту языковую ситуацию в Крыму, которая существовала де-факто [4]. Кроме этого, в Украине начало складываться мнение, что новый закон даже понизил статус русского языка. «Русский язык из языка межнационального общения опустили до уровня регионального», – отмечал в своих интервью для новостных изданий депутат от фракции Коммунистической партии Украины Спиридон Килинкаров.

Особенно остро языковой вопрос стоял в среде крымских татар. До их депортации в 1944 г. на полуострове было значительное количество национальных учебных заведений. В соответствии с Конституцией Крымской АССР 1921 г. и Конституцией Крымской АССР 1937 г. – государственными языками в Крыму были татарский (крымско-татарский) и русский, поэтому восстановление статуса крымско-татарского языка и воссоздание системы образования на нем рассматривалось как необходимая мера по восстановлению права депортированного народа.

Если говорить о независимой Украине (с 1991 г.), то сравнительный анализ данных о количестве школ с разными языками обучения в АР Крым свидетельствовал о росте числа общеобразовательных учебных заведений с крымско-татарским (первая школа открыта в 1993 г.) и украинским (первая школа открыта в 1997 г.) языками. За 20 лет (с 1992 по 2012 г.) число школ с крымско-татарским языком обучения увеличилось с одной до пятнадцати, с украинским языком – с одной до семи [15, с. 216].

В 2015 г., в рамках имплементации нового Закона об образовании, Республика перешла на российские стандарты в этой сфере. Согласно Закону, «образовательная деятельность осуществляется на государственном языке РФ – русском. При этом граждане республики также имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на украинском, крымско-татарском языках и на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляемых системой образования [8]. Все преподаватели региона прошли переподготовку, в школы Крыма поступили учебники на трех государственных языках: русском, украинском и крымско-татарском.

В соответствии с законодательством РФ, в школах может вводиться преподавание и изучение государственных языков республик РФ в соответствии с законодательством Республики. При этом изучение языков республик не должно осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка РФ [11, ст. 11].

На сегодняшний день в Крыму обучение более чем на 90 % осуществляется на русском языке.

В республике действует ряд национальных школ и общеобразовательных учреждений, где открыты классы с обучением на родном языке меньшинств или факультативы для его изучения. Так, на начало 2016 / 2017 уч. г. в Республике Крым действовало 15 крымско-татарских национальных школ. В других общеобразовательных учреждениях с 1 сентября 2016 г. открыто на основании заявлений родителей (их должно быть не менее 8) 29 классов с обучением на крымско-татарском языке. В некоторых школах дети по желанию помимо крымско-татарского и украинского языков изучают армянский, болгарский, греческий и немецкий. Работают бесплатные образовательные курсы при общественных организациях национальных меньшинств: родные языки преподаются в греческой общине «Элефтерия», обществе болгар «Извор», воскресной школе при армянской церкви, в немецких центрах «Содружество» и «Людвигсбург». Национальные общины в сотрудничестве с учителями школ организуют изучение родного языка на базе и общин, и общеобразовательных учреждений (в рамках факультативов или так называемых воскресных школ). Такие занятия либо проводятся бесплатно, либо взимается минимальная оплата в качестве организационного взноса. Существуют также платные курсы по изучению языков, которые проводят частные образовательные центры и переводческие фирмы [5].

В крымско-татарской школе Симферополя, существуют классы с обучением на крымско-татарском языке и классы с русским языком обучения с обязательным изучением крымско-татарского языка всеми учащимися класса. Выбор языка обучения (крымско-татарский) в каждом классе осуществляется с учётом пожеланий и заявлений родителей и в соответствии с учебно-методическим, кадровым обеспечением. По словам сотрудников школы, все 10 и 11 классы в 2016 / 2017 уч. г. обучаются на русском языке, по универсальному профилю. Это объясняется тем, что пока в школе не сформирован УМК (Учебно-методический комплекс) на крымско-татарском языке, который рекомендует Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым. Поэтому ряд предметов и в основных, и в старших классах осуществляется на русском языке с использованием компонента крымско-татарского языка.

Что касается национальных высших учебных заведений, до 1944 г. подготовку педагогических кадров вели Симферопольский педагогический институт, Ялтинский татарский педагогический техникум, Бахчисарайская учительская татарская школа [10]. На сегодняшний день в Крыму и Севастополе практически нет высших учебных заведений с отличным от русского языком преподавания, нет и национальных высших учебных заведений. Отдельные кафедры (крымскотатарского, украинского языка) осуществляют преподавание на языке отличном от русского.

Учитывая сложности переходного периода, в соответствии с Указом Президента РФ, до 2018 г. при поступлении в высшие учебные заведения выпускники школ Крыма и Севастополя могут сдавать либо единый государственный экзамен, либо вступительные экзамены в ВУЗах. Выбором можно воспользоваться только в год получения аттестата о полном среднем образовании. Несмотря на то, что в 2016 г. ЕГЭ не был для крымских школьников обязательным, в Севастополе его сдавали 84 % выпускников, а в Республике Крым – 38 % [9].

Единственным высшим учебным заведением, где была возможность сдачи вступительных экзаменов на любом государственном языке Крыма – украинском, крымско-татарском или русском – стал Крымский инженерно-педагогический университет (КИПУ), нужно было только написать соответствующее заявление [8]. Возможность изучения крымско-татарского языка в этом университете присутствует на всех без исключения специальностях, является либо обязательным предметом, либо входит в обязательный цикл вариативных дисциплин. К примеру, дисциплина «Крымско-татарский язык» входит в цикл вариативных дисциплин бакалавриата по направлению «Экономика». Согласно концепции университета, дисциплина введена в программу с целью обучения крымско-татарскому языку как государственному на территории Республики Крым, согласно ст. 10 Конституции РК. В учебной программе 2016 / 2017 уч. г. года читаем: «Знания, приобретенные в результате освоения материала дисциплины «Крымско-татарский язык», необходимы как предшествующие для таких дисциплин как «История культуры народов Крыма», «Народоведение», «Межкультурные взаимодействия в современном мире» [14].

Что касается числа учеников, обучающихся на крымско-татарском языке, представитель признанной экстремистской и запрещённой в РФ организации «Меджлис крымско-татарского народа» М. Джемилев, выступая в апреле 2014 г. в Киеве на конгрессе «Украина – Россия: диалог», говорил о снижении числа обучающихся на крымско-татарском языке. В реальности же существенного снижения числа школьников, обучающихся на крымско-татарском языке, не отмечается. Некоторое уменьшение их количества в 2014 / 2015 уч. г. по сравнению с предыдущим не выходит за рамки

существовавшей и ранее тенденции, когда изменение численности обучавшихся на крымскотатарском языке носило волнообразный характер [15, с. 218].

Таким образом, анализ особенностей языковой политики в сфере среднего и высшего образования Крыма позволяет обратить внимание на некоторые существенные моменты.

Система образования играет важную роль в реализации языковой политики как один из наиболее действенных инструментов: возможность удовлетворения образовательных потребностей влияет на социальное самочувствие граждан и является фактором, обеспечивающим сохранение национально-этнической самобытности.

Сравнительный анализ документов по языковому вопросу в сфере образования Крыма до и после 2014 года свидетельствует о том, что на законодательном уровне в Украине (в том числе – в Автономной Республике Крым, которая имела ограниченные законодательные права в рамках своей автономии) были созданы условия для изучения представителями национальных меньшинств родных языков. С другой стороны, анализ реальной ситуации в образовании национальных меньшинств позволяет сделать вывод о том, что существовали проблемы с реализацией данных законов и нормативно-правовых актов.

Языковая ситуация в Крыму на протяжении всей своей истории оставалась в поле зрения политических, государственных, общественных и, наконец, научных кругов. Сегодня она (как и ранее) многокомпонентна и трехязычна, при этом демографическая мощь языков Крыма неодинакова. Референдум 2014 года в Крыму вызвал ряд преобразований и поставил ряд задач.

Список литературы

1. Алпатов, В. М. 150 языков и политика. 1917–2000 : социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов ; Ин-т востоковедения РАН. — Изд. 2-е, доп. — М. : КРАФТ+ ; ИВ РАН, 2000. — 224 с.

2. АР Крым: люди, проблемы, перспективы : (Общественно-политические, межнациональные и межконфессиональные отношения в Автономной Республике Крым) : (Аналитический доклад Центра Разумкова) / Центр Разумкова // Національна безпека і оборона. — Киев : Центр Разумкова. — 2008. — № 10 (104). — С. 2–72. — На укр. яз.

3. Бахнян, К. В. Модели языковой политики и социолингвистическая стратегия полиэтнических государств / К. В. Бахнян // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Междунар. конф. (Москва, 16–19 сент. 2014) : докл. и сообщ. — М. : Тезаурус, 2014. — С. 70–80.

4. Гладилин, И. Русский язык расколол Украину / Иван Гладилин // КМ : электрон. период. изд. — URL: <http://www.km.ru/world/2012/08/21/polozhenie-russkoyazychnogo-naseleniya-ukrainy/russkii-yazyk-raskolol-ukrainu> (дата обращения: 21.05.2017).

5. Гусакова, Е. Все больше родителей отказываются от обучения детей на украинском и крымскотатарском языках / Елена Гусакова // Российская газета [изд. Правительства РФ] : сайт. — 2015. — 19 марта. — URL: <https://rg.ru/2015/03/19/reg-kfo/yazik.html> (дата обращения: 21.05.2017).

6. Калинина, Е. Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Евгения Николаевна Калинина. — Н. Новгород, 2007. — 203 с.

7. Мазука, Л. Языковая политика в Крыму: спекуляции и реалии / Леонид Мазука // Украина сегодня — UA Today : сайт. — URL: http://old.ua-today.com/modules/myarticles/article_storyid_31245.html (дата обращения: 21.05.2017).

8. Моссур, М. Ректор Крымского инженерно-педагогического университета: «Когда студенты засыпают, я рассказываю им анекдоты» : [интервью с Ф. Я. Якубовым 30.08.2016] / Мария Моссур // «Наша Газета» Крым : сайт. — URL: <http://ncrim.ru/articles/view/30-08-2016-rektor-krymskogo-injenerno-pedagogicheskogo-universiteta-kogda-studenty-zasypayut-ya-rasskazyvayu-im-anekdoty-2016> (дата обращения: 21.05.2017).

9. О внесении изменений в порядок приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2014/15 учебный год, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 3 : приказ Министерства образования и науки РФ от 19 мая 2014 г. № 553 // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов : сайт. — URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/prikaz_miobr/pkk.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

10. О Концепции образования на крымскотатарском языке в Автономной Республике Крым : постановление Верховн. Рады Авт. Респ. Крым : [принято Верховн. Радой Авт. Респ. Крым 20 окт. 2010 года ; № 1915-5/10] // Законодавство України : сайт. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/krym/show/rb1915002-10> (дата обращения: 21.05.2017).

11. Об образовании в Республике Крым : Закон Респ. Крым : [принят Гос. Советом Респ. Крым 17 июня 2015 г. ; № 131-ЗРК/2015] // Правительство Республики Крым : сайт. — URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_252464.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

12. Конституция Автономной Республики Крым : [принята на второй сес. Верховн. Рады Авт. Респ. Крым 21 октября 1998 года ; утв. Законом Украины № 350-XIV от 23.12.98 ; с изм. и доп.] // Законодавство України : сайт. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/krym/show/rb239k002-98> (дата обращения: 21.05.2017).

13. О принципах государственной языковой политики : Закон Украины : [3 июля 2012 года ; № 5029-VI ; с изм. и доп.] // Законодавство України : сайт. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (дата обращения: 21.05.2017). — На укр. яз.

14. [Рабочие программы учебных дисциплин по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика» : аннотации] // Крымский инженерно-педагогический университет : сайт. — URL: http://kipu-rc.ru/oop/bu/Annot_38.03.01._BuhUchet.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

15. Этнополитические процессы в Крыму : исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. В. Киселёва, А. В. Мальгин, В. П. Петров, А. А. Форманчук. — Симферополь : Салта, 2015. — 352 с.

Статья поступила в редакцию 21.05.2017

Gabrielyan, A. M. *Language Policy-Making as Part of Secondary and Higher Education in Crimea*

The paper looks upon the effectiveness of language policymaking in context of secondary and higher education in the Crimean region, given the multiple juridical, political, institutional and structural reforms prompted by Crimea's becoming part of the Russian Federation in 2014. The reforming called for a new all-embracing policy with language issues being in focus.

Keywords: language policy in Crimea, education system, reorganization of education.

Проанализированы посты пользователей «Живого журнала» за 2014 и 2015 годы. На основе контент-анализа автор приходит к выводу о том, что самой важной для украинского и крымско-татарского языков является сфера образования. Проукраинские пользователи чаще говорят о языковой дискриминации, которая выражается в пренебрежительном отношении к украинскому языку. Анализ блогосферы позволил сделать вывод том, что после воссоединения Крыма с Россией наименьшее количество проблем связано с функционированием русского языка.

Ключевые слова: языковая политика, блогосфера, русский язык, украинский язык, крымско-татарский язык.

Н. А. Марецкая

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

E-mail: maretska.n@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМУ: АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЫ*

В полиэтнических обществах языковая политика имеет особое значение. Поскольку по данным Всеукраинской переписи населения в 2001 г. в Крыму проживало более 135-ти национальностей и народностей, проблема сохранения и развития языков жителей полуострова всегда стояла достаточно остро, а после воссоединения Крыма с Россией она приобрела новый уровень политической актуальности [3]. Три самые многочисленные этнические и языковые группы на полуострове – это крымские татары, русские и украинцы. Согласно результатам переписи населения 2014 года в Крымском федеральном округе, 84 % жителей считают своим родным языком русский, 7,9 % называли родным крымско-татарский язык и 3,3 % – украинский [5]. В связи с этим языковая политика России в первую очередь направлена на развитие и поддержание этих языков.

Кратко характеризуя языковую политику в Крыму в период пребывания в составе Украины, следует отметить, что на развитие трех языков всегда выделялось неравное количество средств. Несмотря на то, что на Украине проживало большое количество носителей русского языка, он не приобрел статус второго государственного. В свою очередь, несмотря на государственную финансовую поддержку, представители крымско-татарского народа акцентировали внимание на недостаточном обеспечении вузов учебниками на крымско-татарском языке [4].

По данным на 2010 г. в 15 школах обучение осуществлялось на крымско-татарском языке, в 7 – на украинском языке и в 600 школах – на русском языке. Помимо этого, на полуострове работали билингвальные школы: в 29 школах велось преподавание на русском и крымско-татарском языках, в одной – на украинском и крымско-татарском, и в 35 – на всех трёх языках [4]. Однако, согласно данным цикла мониторинга «Применения хартии в Украине», эксперты отмечают увеличение количества часов преподавания украинского языка за счет сокращения часов преподавания русского [4].

Говоря о языковой политике в Крыму после воссоединения полуострова с Россией, из положительных моментов следует отметить, что все три языка получили статус государственных [1]. Начали издаваться учебники на крымско-татарском языке, создан региональный крымско-татарский телеканал «Миллет». К недостаткам можно отнести тот факт, что Закон Республики Крым «Об образовании в Республике Крым» не предусматривает обязательность изучения крымско-татарского и украинского языков [2], что повлияло на сокращение количества часов для изучения этих языков.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы посредством анализа русскоязычной блогосферы выявить положительные тенденции и проблемы, которые связаны с развитием и функционированием русского, крымско-татарского и украинского языков в Крыму.

В ходе исследования анализировались посты пользователей «Живого журнала» за 2014 и 2015 годы. Были заданы следующие запросы поиска: «русский язык», «украинский язык», «крымско-татарский язык».

Исходя из риторики блогеров, их отношение к языковой политике были разделены на 3 группы:

1. Положительное отношение – высказывания блогеров, в которых положительно оцениваются какие-либо инициативы в отношении конкретного языка или языков. Блогер приводит факты, которые положительно влияют на положение исследуемых языков или использует неаргументированные эмоционально-положительные высказывания.

* Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» № 16-31-01073.

2. Нейтральное отношение – высказывания блогеров, в которых отсутствуют оценочные суждения, блогеры делают репосты материалов, не выражая собственного отношения к материалу.

3. Отрицательное отношение – высказывания блогеров, в которых отрицательно оцениваются какие-либо инициативы в отношении конкретного языка или языков. Блогер приводит факты, обозначает проблемы, которые негативно влияют на положение исследуемых языков или использует неаргументированные эмоционально-положительные высказывания.

Блогеров условно можно разделить на 2 группы, у каждой из которых свои стереотипы и мифы о нынешней и прошлой языковой политике на полуострове:

1. Прорусские блогеры – апологеты русского языка, пишущие о проблемах и положительных тенденция функционирования русского и других языков на полуострове.

2. Проукраинские блогеры – апологеты украинского и крымско-татарского языков, пишущие о проблемах и положительных тенденция функционирования данных языков на полуострове.

Анализ блогосферы за 2014 год. За исследуемый период всего было найдено 303 материала.

Крымско-татарский язык упоминается в материалах 161 раз, из них в положительном контексте – 37, отрицательном – 41, нейтральном – 83.

Русский язык упоминается 135 раз, из них в положительном контексте – 25, отрицательном – 12, нейтральном – 98.

Украинский язык упоминается 158 раз, из них в положительном контексте – 18, отрицательном – 59, нейтральном – 81 (Рис. 1).

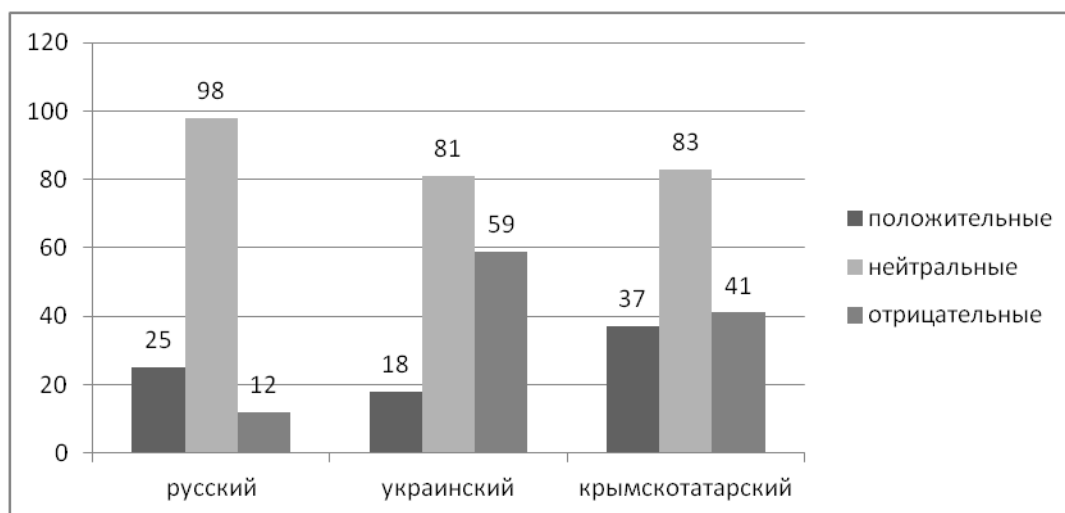

Рис. 1. Количество упоминаний в блогосфере государственных языков Республики Крым за 2014 г.

Разберем основные отрицательные и положительные тезисы по каждому конкретному языку.

Русский язык. За исследуемый период было найдено положительных упоминаний, посвященных крымско-татарскому языку – 19 %, отрицательных – 9 % и нейтральных – 73 %.

Основные тезисы приведены в таблице 1.

Таблица 1

Положительные и отрицательные упоминания о положении русского языка в Крыму

Русский язык	
Положительные упоминания	Отрицательные упоминания
Россия решила проблему нехватки книг на русском языке	Русский язык ущемляет права укриноязычных граждан
Статус государственного языка	Когда Крым был в составе Украины, права русскоязычных крымчан ущемлялись
Русский язык родной для большинства крымчан	
Русский язык не притесняли в Крыму, когда он был в составе Украины	
Россия защитила права русскоязычных крымчан	

Крымско-татарский язык. За исследуемый период было найдено положительных упоминаний, посвященных крымско-татарскому языку – 23 %, отрицательных – 25 % и нейтральных – 52 % (см. таблицу 2).

Таблица 2

Положительные и отрицательные тезисы о положении крымско-татарского языка в Крыму

Крымско-татарский язык	
Положительные упоминания	Отрицательные упоминания
Статус государственного языка	Россия подавляет развитие других языков
Предоставлена возможность получать образование на крымско-татарском языке	Отсутствуют переводчики на крымско-татарский язык в государственных органах
В Крыму планируется проводить политику двуязычия	Статус крымско-татарского языка как государственного номинальный
Российские власти создали частные и национальные телеканалы на крымско-татарском языке	В Крыму не открываются школы с крымско-татарским языком обучения
	Школьники лишены возможности получить полное среднее образование на крымско-татарском языке
	Отсутствуют учебники на крымско-татарском языке, нет учителей-предметников старших классов
	В Крыму избивают за общение на крымско-татарском языке
	Детям запрещают изучать крымско-татарский язык в школах

Украинский язык. За исследуемый период было найдено положительных упоминаний, посвященных украинскому языку – 11 %, отрицательных – 38 % и нейтральных – 51 % (см. таблицу 3).

Таблица 3

Положительные и отрицательные тезисы о положении украинского языка в Крыму

Украинский язык	
Положительные упоминания	Отрицательные упоминания
Статус государственного языка	Неприязнь к украинскому языку
Украинский язык будет изучаться в крымских школах	Украинский язык не востребован в Крыму
	Ущемление прав украиноязычных граждан русскоязычными
	В Крыму недостаточно школ с украинским языком обучения
	Номинальный статус украинского языка в Крыму
	Невостребованность учителей украинского языка
	Сокращение дорожных знаков на украинском языке

Стоит отметить, что спектр отрицательных упоминаний, посвященных положению украинского языка, шире положительных.

Анализ блогосферы за 2015 год. За исследуемый период всего было найдено 193 материала.

Крымско-татарский язык упоминается в материалах 87 раз, из них в положительном контексте – 23, отрицательном – 36, нейтральном – 27.

Русский язык упоминается 89 раз, из них в положительном контексте – 20, отрицательном – 25, нейтральном – 44.

Украинский язык упоминается 127 раз, из них в положительном контексте – 14, отрицательном – 60, нейтральном – 53 (Рис. 2).

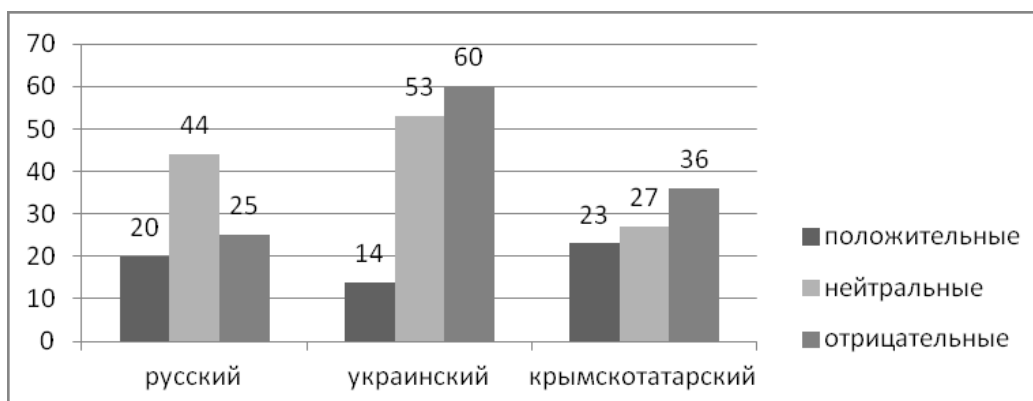

Рис. 2. Количество упоминаний в блогосфере государственных языков Республики Крым за 2015 г.

Разберем основные отрицательные и положительные тезисы по каждому конкретному языку.

Русский язык. За исследуемый период было найдено положительных упоминаний, посвященных русскому языку – 22 %, отрицательных – 28 % и нейтральных – 50 % (см. таблицу 4).

Таблица 4

Положительные и отрицательные тезисы о положении русского языка в Крыму

Русский язык	
Положительные упоминания	Отрицательные упоминания
Статус государственного языка	В Крыму нет объявлений и указателей на русском языке
Русский язык является базовым предметом в школе	Из-за политики украинизации у современных крымских школьников пострадал русский язык
Российские власти выделяют средства на подготовку педагогов по русскому языку в Крыму	Когда Крым был в составе Украины, права русскоязычных крымчан ущемлялись Отмена Закона о региональном статусе русского языка в Украине в 2014 г.
Таблички на государственных учреждениях на русском языке	

Крымско-татарский язык. За исследуемый период было найдено положительных упоминаний, посвященных крымско-татарскому языку – 27 %, отрицательных – 42 % и нейтральных – 31 % (см. таблицу 5).

Таблица 5

Положительные и отрицательные тезисы о положении крымско-татарского языка в Крыму

Крымско-татарский язык	
Положительные упоминания	Отрицательные упоминания
Статус государственного языка	Статус крымско-татарского языка как государственного номинальный
Таблички на государственных учреждениях на крымско-татарском языке	Заккрытие крымско-татарского медиа-холдинга АТР
В Крыму осуществляется трансляция телевизионных передач на крымско-татарском языке	Часы для изучения крымско-татарского языка сокращаются
Разрабатывается программа внедрения изучения крымско-татарского языка	Отсутствие школ с крымско-татарским языком обучения
	Крымско-татарский язык не востребован
	В Крыму проводится политика дискриминации крымско-татарского языка

Украинский язык. За исследуемый период было найдено положительных упоминаний, посвященных украинскому языку – 11 %, отрицательных – 47 % и нейтральных – 42 % (см. таблицу 6).

Таблица 6

Положительные и отрицательные тезисы о положении украинского языка в Крыму

Украинский язык	
<i>Положительные упоминания</i>	<i>Отрицательные упоминания</i>
Статус государственного языка	Отсутствуют указатели и таблички на украинском языке
Таблички на государственных учреждениях на украинском языке	Российская власть уничтожает украинский язык в Крыму
Российские власти уделяют украинскому языку внимание	Осуждается политика украинизации в Крыму проводимая при Украине
Когда Крым был в составе Украины, крымчане на хорошем уровне владели украинским языком	Пренебрежительное отношение к украинскому языку
По всему Крыму остались дорожные указатели, вывески на украинском языке	Недостаток учебников по украинскому языку
В Крыму осуществляется трансляция телевизионных передач на украинском языке	В Крыму закрыты все школы с украинским языком обучения

Сопоставляя полученные данные по блогосфере за 2014–2015 гг., можно сделать следующие выводы:

– Интернет-пользователи зачастую склонны гиперболизировать и актуализировать устаревшую информацию о состоянии языков в то время, когда Крым был в составе Украины.

– Выявлена следующая корреляция между языками: зачастую те блогеры, которые пишут о проблемах украинского языка, также отмечают проблемы, связанные с функционированием крымско-татарского и наоборот. Прорусские блогеры не пишут о проблемах, связанных с функционированием украинского и крымско-татарского языков, однако, в положительном контексте упоминают приобретение ими статуса государственных в Республике.

– Приобретение русским, украинским и крымскотатарским языками статуса государственных в большинстве случаев оценивалось блогерами как положительное явление. Более того, данная инициатива является самой значимой, которая объединяет в положительном ключе все три языка.

Однако, следует отметить, что проукраинская блогосфера формирует следующие общие проблемы, связанные с функционированием крымско-татарского и украинского языков в Крыму:

– Статус крымско-татарского и украинского языков номинальный.

– Россия нарушает права украинцев и крымских татар, ограничивая области использования их языков и не способствуя их развитию.

– В Крыму осуществляются репрессии по языковому признаку: нельзя разговаривать на этих языках, поскольку могут начаться преследования.

– Отсутствует доступ к образованию на украинском и крымско-татарском языках: закрытие школ, сокращение часов, недостаточное количество учебников на данных языках, добровольный выбор изучения данных языков, невостребованность учителей.

– На полуострове закрыт доступ к этническим СМИ.

– Дискриминация украинского и крымско-татарского языков.

– Невостребованность данных языков.

– Осуждается политика украинизации в Крыму проводимая при Украине.

– Сокращение/отсутствие дорожных знаков на украинском и крымско-татарском языках.

Исходя из результатов исследований, проведенных за 2014–2015 гг., можно заключить, что самой чувствительной для украинского и крымско-татарского языков является сфера образования. Именно в ней кроются, по мнению интернет-пользователей, наиболее значимые проблемы языковой политики крымских властей: сокращение количества учебных заведений с крымско-татарским и украинским языками преподавания, а также то, что данные языки не являются обязательными для изучения. Несмотря на то, что больше всего проблем связано с образовательной сферой, справедливости ради стоит отметить, что блогеры ссылались на инициативность крымской власти именно

в этой сфере, однако эти инициативы касаются в основном крымско-татарского и русского языков.

Информационная сфера также вызывает обеспокоенность у пользователей: упоминается отсутствие этнических телеканалов на полуострове. В Крыму действительно отсутствует региональный телеканал с вещанием на украинском языке. Однако, телеканал «Миллет», а также «1 Крымский» транслируют передачи на крымско-татарском языке.

Есть несколько «тезисов-перевертышей», которые могут упоминаться как в отрицательном, так и положительном контексте: статус крымско-татарского языка как государственного в положительном контексте предполагает равные права вместе с русским и украинским на его использование и государственную поддержку, а в негативном контексте акцент делается на его номинальности и отсутствии государственной поддержки. Кроме этого, тезис о добровольном изучении крымско-татарского языка также имеет двойственную трактовку: пророссийские блогеры считают это положительным явлением, проукраинские и крымско-татарские оценивают данное явление негативно.

Если сравнивать положение украинского и крымско-татарского языков, то можно отметить, что в отношении украинского языка найдено больше отрицательных упоминаний, чем в отношении крымско-татарского. Более того, спектр положительных аргументов шире в случае крымско-татарского языка. Это можно объяснить тем, что носителей крымско-татарского языка в Крыму больше, чем использующих в повседневной жизни украинский, поэтому уделяется больше внимания развитию и функционированию крымско-татарского языка.

Проукраинские пользователи чаще говорят о языковой дискриминации, которая выражается в пренебрежительном отношении к украинскому языку. Данное отношение является следствием происходящих в Украине политических событий, в связи с чем, крымчане экстраполируют свое отношение к данным событиям на украинский язык и этнос. В то же время, у проукраинских интернет-пользователей формируется неприязнь и отчуждение к русскому языку и культуре, что также способствует росту межэтнической напряженности. Русский мир представляется как агрессор, а украинский и крымско-татарский языки являются жертвами этой агрессии. Отрицается проводимая до 2014 г. политика украинизации как форма языковой экспансии. Стоит отметить, что эта политика легла в основу конфликта между русским и украинским языками. Необходимо отметить, что аналогичные процессы происходят и в пророссийской блогосфере, тем самым можно констатировать, что конфликт провоцируют обе стороны.

Говоря о проблемах, связанных с функционированием русского языка можно выделить наиболее упоминаемые из них:

- Во время нахождения Крыма в составе Украины права русскоязычных крымчан ущемлялись.
- В начале 2014 г. в Крыму не было объявлений и указателей на русском языке.
- Из-за политики украинизации у современных крымских школьников пострадал русский язык.
- Русский язык ущемляет права украиноязычных граждан.

Спектр проблем, связанных с функционированием украинского и крымско-татарского языков, шире проблем, которые связаны с русским языком.

Сравнивая полученные данные, можно сделать вывод, что проблем с функционированием и развитием русского языка в Крыму значительно меньше, по сравнению с украинским и крымско-татарским языками. В отношении крымско-татарского языка крымские власти создают условия для его поддержки и развития, несмотря на то, что имеются некоторые недоработки. Можно констатировать, что в меньшей степени уделяется внимание поддержке и развитию украинского языка, поскольку интернет-пользователи выделяют большой спектр проблем, связанных с его функционированием на полуострове. По всей видимости, пока не разрешится российско-украинский конфликт, отношение к украинскому языку в Крыму будет иметь негативный оттенок.

Список литературы

1. Конституция Республики Крым : [принята Гос. Советом Респ. Крым 11 апр. 2014 г.] // Правительство Республики Крым : сайт. — URL: http://rk.gov.ru/rus/file/constitution_rk.pdf (дата обращения: 16.10.2016).
2. Об образовании в Республике Крым : Закон Респ. Крым : [принят Гос. Советом Респ. Крым 17 июня 2015 г. ; № 131-ЗПК/2015] // Правительство Республики Крым : сайт. — URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_252464.pdf (дата обращения: 16.10.2016).

3. Про кількість та склад населення Автономної Республіки Крим за підсумками Всеукраїнського перепису населення 2001 року / Державний комітет статистики України // Всеукраїнський перепис населення 2001 : сайт. — URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/crimea/> (дата обращения: 15.10.2016).

4. Рада Європи, Європейська хартія про регіональні мови та мови меншин. Застосування хартії в Україні, ЕХРМ (2010) 6, 07 липня 2010 / Council of Europe // Council of Europe : сайт. — URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Report/EvaluationReports/UkraineECRML1_ukr.pdf (дата обращения: 16.10.2016).

5. Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» / Федеральная служба государственной статистики // Федеральная служба государственной статистики : сайт. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 15.10.2016).

Статья поступила в редакцию 25.04.2017

Maretskaya, N. A. *Language Policy in Crimea: An Analysis of the Russian Blogger Community*

The research article explores the 2014-2015 posting history of LiveJournal. Relying on a content analysis, the author arrives at the conclusion that education is a major factor for the Ukrainian and Crimean Tatar languages. Most frequently, pro-Ukrainian subscribers post about language discrimination expressing a derogatory attitude towards Ukrainian. Once carried out, the content analysis of the blogger community showed the minority of Russian-related problems since Crimea's becoming part of Russia.

Keywords: language policy, blogger community, Russian, Ukrainian, Crimean Tatar.

УДК 347.97/.99

Анализируется информационный аспект деятельности судебной власти, рассматриваются процессы формирования и модернизации информационного пространства, определены мероприятия для эффективного решения информационно-аналитических задач в сфере ресурсного обеспечения деятельности судов.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, информационная политика, информационная открытость судебной системы, судебная информация, информационные технологии.

И. Е. Севостьянова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: turkinaira@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Деятельность органов судебной власти в значительной мере определяется уровнем информационного обеспечения. В этой связи возникает необходимость формирования границ информационного пространства в сфере деятельности судебных органов власти. Сложный процесс функционирования механизмов судебной системы предполагает реализацию определенного набора управленческих воздействий с целью обеспечения устойчивого и прогрессивного развития общества. Информационные технологии в значительной мере расширяют функциональные возможности и результативность данной сферы, поскольку предоставляют новейшие методы обработки и анализа информации, необходимой для осуществления деятельности всех элементов судебной системы. Современные технологии и информационные системы способствуют повышению эффективности работы органов судебной власти. Реализация закрепленного в Конституции Российской Федерации принципа публичности судебного разбирательства обеспечивается доступностью и открытостью правосудия, доверием к суду со стороны общества.

В границах правовой информатизации внедрение новых механизмов использования информационных технологий в судебной системе требует активного международного сотрудничества. Многочисленные обращения граждан в Европейский Суд по правам человека свидетельствуют о том, что граждане и хозяйствующие субъекты сегодня испытывают трудности, при получении информации в сфере правосудия. В этих условиях процессы правовой информатизации приобретают особое значение. Правовая информированность граждан является одним из приоритетных направлений государственной политики любого цивилизованного государства.

Существующее государственное регулирование информационного формата институционализации судебной власти не соответствует все более активным и конкретным требованиям граждан по расширению информационной открытости правосудия. Решение этой задачи, в общем, неэффективно без концептуального осмысления существующих реалий, научного прогноза развития ситуации как в политическом, так и в правовом аспектах [7, с. 66].

Регулирование процессов формирования судебных информационных ресурсов в правовой области и в сфере технического обеспечения, методов обработки и передачи информации в электронном виде, требует выработки единого подхода к созданию целостной нормативно-правовой базы для всех звеньев судебной системы Российской Федерации.

В современных условиях любые институциональные преобразования в деятельности органов судебной власти должны учитывать их информационное измерение как особый объект государственного управления и фактор, который напрямую влияет на этот процесс. В обеспечении политико-правовой целостности правосудия информационная открытость институтов судебной власти имеет ярко выраженную инструментальную ценность. В информационном взаимодействии государства и гражданского общества функциональная ценность информационно-правовой деятельности судебной системы проявляется в расширении границ доступности правосудия, что актуализирует политико-правовое участие органов правосудия в информационном пространстве России [6, с. 1].

Идея формирования системы информационного обеспечения судебной власти заключается в организационном структурировании ее ресурсов в информационной среде, координации информационной деятельности при использовании единых подходов к сотрудничеству со средствами массовой информации. Под информационным обеспечением судебной системы понимается распространение в средствах массовой информации сведений о деятельности судебной системы (см. рис. 1).

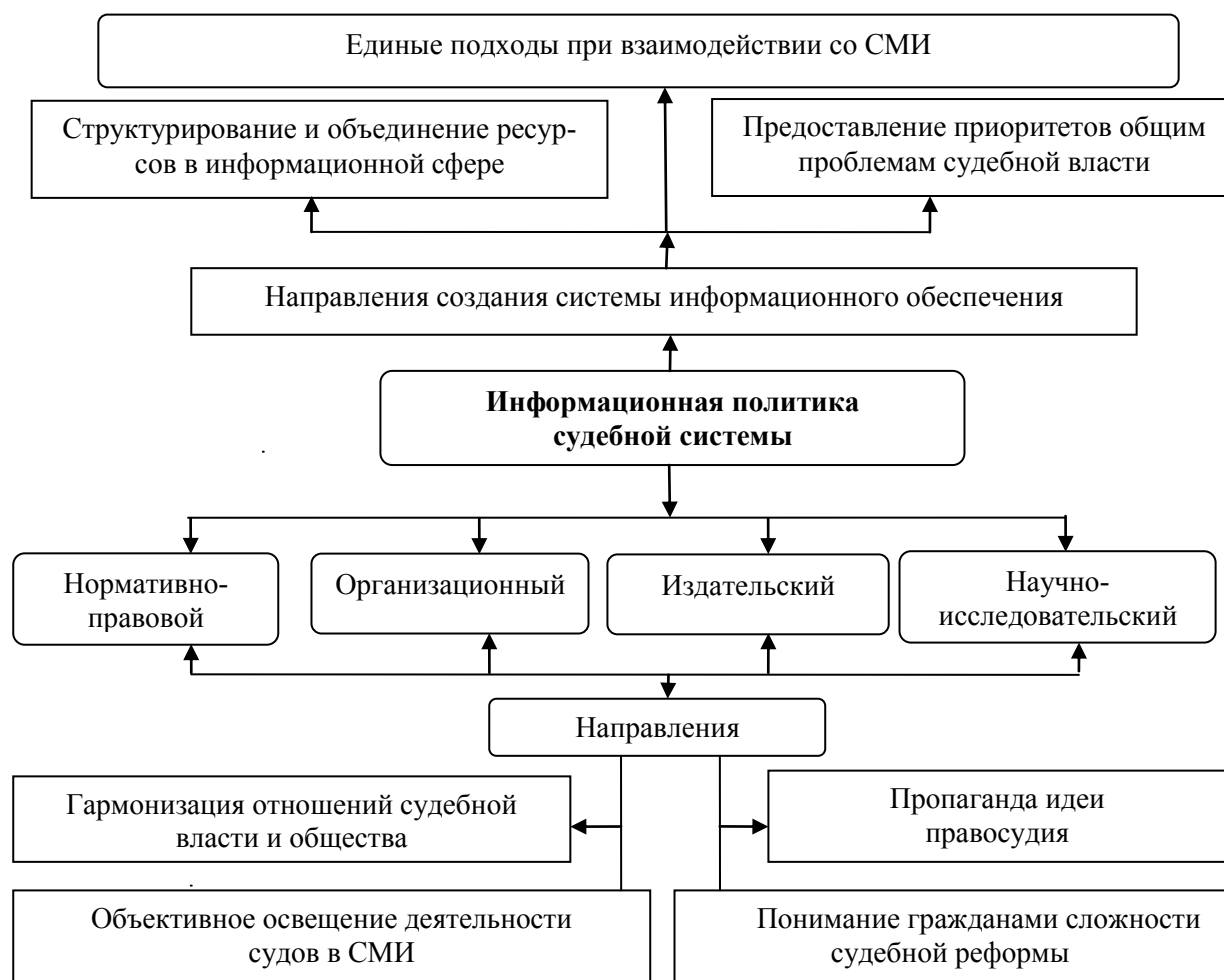

Рис. 1. Схема формирования информационной политики в судебной системе

Под информационной политикой судебной системы следует понимать применение комплекса мероприятий нормативно-правового, организационного, научно-исследовательского, издательского и иного характера, направленных на гармонизацию отношений судебной власти и общества, понимание гражданами сложности проводимой судебной реформы, пропаганду идей правосудия, а также на объективное освещение деятельности судов в средствах массовой информации [4].

Центральными понятиями в процессе правового регулирования информационных отношений в сфере отправления правосудия является понятие «судебная информация» и «информационные технологии». Судебная информация определяется как целенаправленный процесс минимизации энтропии (неопределенности) относительно возможного, дозволенного и запрещенного поведения субъектов общественных отношений в сфере процессуальной и внепроцессуальной деятельности судов общей юрисдикции [7, с. 68].

Включение судебной информации как разновидности социально-значимой информации в информационный процесс требует применение института правового режима. Концептуализация указанного института подробно представлена в науке административного права, например, в работах Д. Бахраха [2, с. 40]. Для раскрытия сущности правового режима судебной информации необходимо определиться с доминантой дефиниции правового режима. В научной литературе выделяют два основных подхода к пониманию данной категории: правовой режим как функциональная характеристика права, особый порядок правового регулирования (А. Малько) [5, с. 19.]; правовой режим как система норм, регулирующих определенную деятельность разных субъектов, их отношения по поводу определенного объекта (Д. Бахрах) [1, с. 410].

В соответствии со вторым подходом к указанной категории правовой режим судебной информации следует рассматривать как систему установленных норм, регулирующих порядок создания судебной информации, порядок ее передачи и получения (включая установление режима свободно-

го/ограниченного доступа) и вопросы защиты прав субъекта в отношении указанной информации.

Информация, касающаяся судебной практики, имеет специфический характер и связана с охраняемыми законом видами информации, такими как: персональные данные, сведения, составляющие государственную, служебную и иную тайну (см. рис. 2).

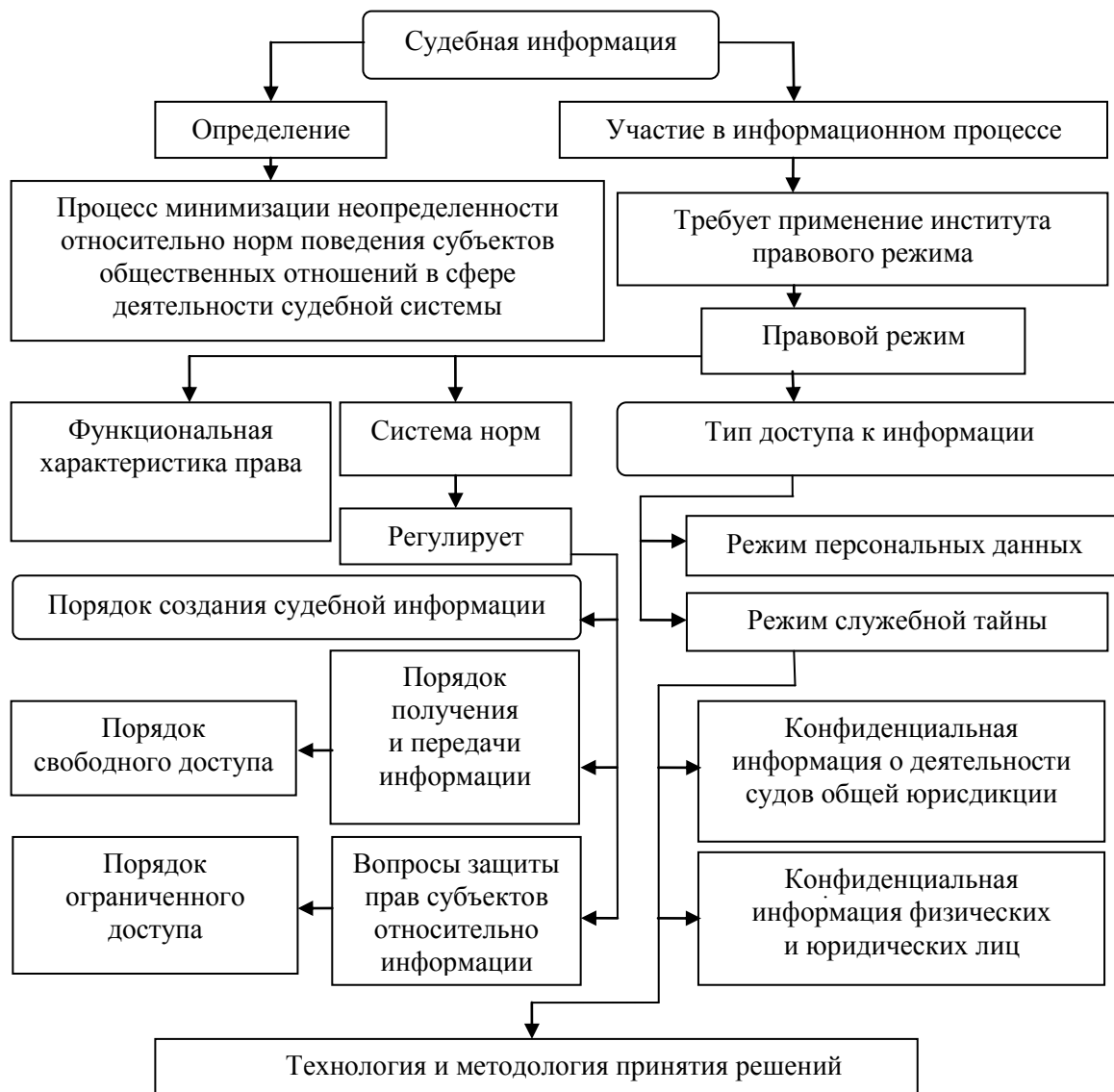

Рис. 2. Экспликация судебной информации

Актуальной является задача классификации судебной информации с целью обеспечения граждан и организаций достоверной судебной информацией, с учетом внедрения в суды общей юрисдикции автоматизированных информационных систем. На основе теоретических разработок ведущих специалистов и анализа действующего законодательства наиболее обоснованной и удобной представляется классификация судебной информации в контексте следующих параметров:

- 1) по сфере применения – процессуальная, управленческая, нормативно-техническая, правовая, финансово-экономическая;
- 2) из категории доступа к информации – общедоступная информация, а также информация, доступ к которой ограничивается законами (информация ограниченного доступа);
- 3) по видам информации – информация, полученная и ставшая известной судьям, работникам аппарата судов общей юрисдикции, а также государственным служащим судебной системы в процессе деятельности по отправлению правосудия и обеспечения такой деятельности;
- 4) по виду носителя – на бумажном носителе, видео и звуковая информация или электронная компьютерная информация;
- 5) по степени конфиденциальности – открытая, конфиденциальная, государственная тайна;

6) по порядку предоставления или распространения – свободно распространяемая информация, информация, предоставляемая по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях, информация, которая в соответствии с законами подлежит предоставлению и распространению информация, распространение которой в стране ограничивается или запрещается;

7) по правовому статусу – имеет юридическое толкование, нормативно-справочная;

8) по степени организованности (упорядоченности) – документированная и иная информация; информационные ресурсы и свободная информация, не находящаяся в информационных системах; систематизированная и несистематизированная информация [8, с. 11].

Принимая участие в информационном обмене, суды общей юрисдикции, с одной стороны, являются производителями и распространителями судебной информации, с другой – потребителями правовой информации и потенциальными пользователями новых технологий судебной информации.

В связи с неоднородностью конфиденциальной информации о деятельности судебной системы, отдельные авторы предлагают дифференцировать правовые режимы судебной информации на режим персональных данных и режим служебной тайны. Выделение режима персональных данных основывается на особом уровне правового регулирования. В режиме служебной тайны функционирует конфиденциальная информация о деятельности судов общей юрисдикции, технологии, методологии принятия решений (служебная информация ограниченного распространения), а также конфиденциальная информация, поступившая в суды от физических и юридических лиц [2, с. 41].

Средством повышения результативности информационного обмена в судебной системе являются информационные технологии. Эффективное отправление правосудия в процессе судопроизводства предполагает введение современных информационных технологий непосредственно в процедуру отправления правосудия и в деятельность по его обеспечению.

Конструируя понятие «информационные технологии», законодателю не удалось дать понятие, поясняющее с достаточной степенью теоретической ясности значение указанной категории. Поэтому на основе имеющегося законодательного понятия, а также определений, встречающихся в научно-методической литературе, можно отметить, что в судебной системе информационные технологии представляют собой «совокупность технических, программных, математических, организационных средств и методов, обеспечивающих в сфере деятельности судов общей юрисдикции поиск, сбор, хранение, обработку, предоставление, распространение судебной информации» [5, с. 70]. Основной предпосылкой такой деятельности является предоставление информации в максимально полном, достоверном объеме, а главный принцип функционирования системы судов общей юрисдикции – принцип доступности информации, что вытекает из принципа гласности судебного разбирательства.

Обоснованность принятия судебных решений зависит от того, насколько информация, находящаяся в основе таких решений, соответствует требованиям принадлежности и допустимости. Информация, являющаяся предметом судебного разбирательства, должна быть переведена в актуальную и доказательственную форму. Можно рассуждать о том, что все сложности проведения судебной реформы, утверждения подлинно независимого и самостоятельного правосудия в государстве не находят адекватного отражения в общественном сознании и средствах массовой информации. На сегодняшний день общественное мнение не имеет полного представления об остроте проблем, с которыми сталкивается судебная система, понимания необходимости и путей их решения [3].

В большинстве случаев судебная система остается в информационной блокаде. Этот факт лишает ее возможности публично отстаивать свои интересы, делает уязвимой и достаточно зависимой от заинтересованных лиц. Серьезный ущерб авторитету органов судебной власти наносят некомпетентные, нередко заказные выступления отдельных средств массовой информации. В конечном счете, это подрывает веру граждан в судебную власть и правосудие, противоречит интересам общества. Причиной такого положения является информационная закрытость судов. Такой порядок дел можно объяснить тем, что до настоящего времени информационная работа внутри самой судебной системы ведется разобщенными силами и средствами, которыми располагают органы судебной власти.

Для функционирования информационных структур судебной власти характерно недостаточное взаимодействие между звеньями судебной системы. Решение ключевых вопросов сосредоточено исключительно на проблематике судов и органов, которые обеспечивают их деятельность. Наблюдается слабая техническая и материальная оснащенность. До настоящего времени в судебной системе Российской Федерации фактически не создан координационный центр по выработке и проведению информационной политики, содержательно не определены направления ее развития, а сама информационная работа находится на периферии интересов судебной корпорации и не выделена как принципиально важное направление деятельности [4].

На современном этапе для результативного и более эффективного решения задач, стоящих перед судебной системой, следует уделять особое внимание формированию политики в области информационно-аналитического обеспечения судебной власти, целью которой является формирование правосознания граждан, укрепление доверия и повышение авторитета судебных органов.

Реализация целей и задач государственной политики в области информационно-аналитического обеспечения судебной власти осуществляется посредством различных форм воздействия на объекты информационной сферы судебной системы. В этой связи также затрагиваются научно-техническая и образовательная сферы. Объекты информационной сферы судебной системы следующие:

- формирование единой информационной инфраструктуры судебной системы;
- разработка правовой базы, регулирующей информационные отношения в судебной сфере;
- повышение научно-технического и производственного потенциала;
- анализ проблем системы подготовки и переподготовки кадров судейского сообщества;
- развитие телекоммуникационных технологий, информационных услуг для органов судебной власти;
- систематизация единой информационной инфраструктуры судов в сфере обеспечения информационной безопасности (см. рис. 3).

Рис. 3. Схема составных элементов эффективной политики информационно-аналитического обеспечения судебной власти.

Достижение главной стратегической цели политики в области информационно-аналитического обеспечения деятельности судебных органов – переход к информационному обществу, а также вступление Российской Федерации в мировое информационное сообщество – требует согласованно-

го регулирующего государственного воздействия на важнейшие социально-правовые и технологические составляющие информационной политики для обеспечения этого перехода.

Ввиду изменений текущей экономической ситуации и социальной обстановки в стране, увеличилось количество судебных дел, возросла информационная нагрузка на суды, расширились возможности судебного обжалования неправомерных действий должностных лиц. В данной обстановке внедрение новых информационных технологий является одним из основных механизмов повышения эффективности работы судов.

Построение автоматизированной судебной системы должно осуществляться в соответствии с такими требованиями как (см. рис. 4):

- комплексное, организационное и методическое обеспечение процессов создания, внедрения и эксплуатации средств информатизации в судах;
- унификация базовых компьютерных средств, средств связи и передачи данных в рамках соответствующих функциональных подсистем;
- предварительный подбор кадров и обучение персонала судов компьютерным технологиям [4].

Рис. 4. Комплексный подход к построению автоматизированной судебной системы и ресурсного обеспечения деятельности судов.

Для решения широкого круга задач в сфере информационно-аналитического обеспечения деятельности судебной системы необходима работа по основным направлениям:

- продолжение модернизации унифицированных компьютерных технологий, автоматизации процессов судопроизводства;
- дальнейшее формирование единого эффективного информационного пространства внутри судебной системы;
- подготовка достоверных данных судебной статистики с применением компьютерных технологий их обработки;
- обеспечение информационно-аналитической деятельности судов;
- совершенствование автоматизированных систем применения информационных технологий в деятельности судебной системы, осуществляющих административное, организационное, правовое и ресурсное обеспечение органов судебной власти;

– соответствующее требованиям правовых реалий современного общества усовершенствование инфраструктуры телекоммуникационного и других видов обеспечения эффективного функционирования судебной системы;

– формирование системы комплексного обеспечения информационной безопасности.

Сегодня должны быть созданы все условия для обмена информацией в сфере функционирования органов судебной власти. Характер государственной политики в сфере информационно-аналитической организации ресурсного обеспечения деятельности судов будет эффективным в условиях системности и согласованности, что поспособствует созданию единой технологической среды и единого информационного пространства.

Список литературы

1. Бахрах, Д. Н. Административное право России / Д. Н. Бахрах. — М. : Норма, 2000. — 623 с.
2. Бахрах, Д. Н. Форма государственного управления / Д. Н. Бахрах // Советское государство и право. — 1983. — № 4. — С. 20–27.
3. Кокотова, Е. И. Судебная информация и информационные технологии в судах общей юрисдикции: проблемы нормативно-правового регулирования / Е. И. Кокотова // Администратор суда. — 2007. — № 2. — С. 10–12.
4. Концепция информационной политики судебной системы : [принята Постановлением Совета судей Российской Федерации ; 16 нояб. 2001 года ; № 60] // Управление Судебного департамента в Орловской области : сайт. — URL: http://usd.orl.sudrf.ru/modules.php?name=norm_akt&id=18 (дата обращения: 11.09.2016).
5. Малько, А. В. Правовые режимы в российском законодательстве / А. В. Малько // Журнал российского права. — 2000. — № 9. — С. 18–23.
6. Маргарян, А. Р. Институты российской судебной власти в информационно-правовом пространстве : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Андриак Размирович Маргарян. — Ростов н/Д., 2008. — 163 с.
7. Маргарян, А. Р. Институты судебной власти в информационно-правовом пространстве / А. Р. Маргарян // Право. — 2007. — № 18. — С. 65–71.
8. Соколова, О. С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации в системе специальных административно-правовых режимов / О. С. Соколова // Современное право. — 2005. — № 8. — С. 40–45.

Статья поступила в редакцию 2.05.2017

Sevostyanova, I. E. Key Trends in Government Policy for Information and Analytical Support of the State Court System

The article analyses the information environment in which the judicial system operates, tracing the history of its evolution and modernization as well as suggesting methods for dealing with information and analytical issues regarding material sustenance of the branch.

Keywords: judiciary, court system, information policy, information accessibility of the court system, court reference, information technology.

Рассматривается эволюция законодательного регулирования порядка наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, анализируются особенности законодательного проектирования выборов Губернатора города Севастополя.

Ключевые слова: выборы, Губернатор Севастополя, глава исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРА СЕВАСТОПОЛЯ

К фундаментальным принципам демократического политического устройства относится избрание властей, и именно свободные выборы формируют основу для развития иных важнейших проявлений народовластия. Российская Конституция не регламентирует порядок формирования органов власти в регионах, что позволяет законодателям субъектов федерации менять региональную избирательную систему в соответствии с запросами общества и складывающимися обстоятельствами в целях сохранения устойчивости действующего режима.

Процедура наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в последние десятилетия претерпела достаточно сложные трансформации – от полного контроля со стороны президента до всенародных прямых выборов. Если в начале 1990-х гг. только выборы президентов республик в составе Российской Федерации проводились населением напрямую, то с 1996 г. стали избираться все главы исполнительной власти регионов. В 2003 г. вступило в действие законодательство о смешанной системе выборов законодательных органов субъектов федерации, которое повлекло рост влияния лояльных партий, сплоченных вокруг главы региона. А в сентябре 2004 г. в целях укрепления вертикали власти и стабилизации системы государственного управления стала применяться упрощенная процедура наделения полномочиями руководителей региональной исполнительной власти, и прямые выборы были заменены на утверждение кандидатуры главы региона законодательным собранием после ее внесения на рассмотрение Президентом Российской Федерации. Постановлением Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. порядок наделения гражданина Российской Федерации полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по представлению Президента представительным органом государственной власти субъекта федерации, был признан не противоречащим Конституции, и за период с января 2005 г. по май 2012 г. в соответствии с нормами закона был назначен 161 руководитель исполнительной власти регионов.

Последовавшие в 2007–2012 гг. изменения избирательного законодательства повлекли рост степени доминирования картельных партий и поглощение региональных политических объединений общероссийскими. Модернизация избирательных процедур коснулась повышения заградительного барьера и перехода от мажоритарной к пропорциональной избирательной системе на выборах Государственной Думы РФ, были отменены голосование «против всех» и нижний порог явки на выборы. Система, обслуживающая интересы федеральной исполнительной власти, понизила статус автономных от власти партий от системной оппозиции к формальной, радикальная часть которой утратила возможность участия в выборах. Результатом последовавших за этими изменениями протестных движений в конце 2011 – начале 2012 гг., произошедших после выборов в Государственную Думу РФ, явилась дискуссия об инструментальной неэффективности назначения региональных руководителей и необходимости изменения порядка наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов федерации. О целесообразности возвращения их выборности было заявлено в декабре 2011 г. Д. А. Медведевым. Через восемь лет после отмены выборы губернаторов вновь стали обязательным элементом социально-политической жизни российского государства.

Высшее должностное лицо, формирующее орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, согласно нормам нового закона, стало получать свой мандат непосредственно от народа на срок не более пяти лет. Выборы стали проводиться на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [3]. Региональными парламентами впоследствии были приняты законодательные акты, повторяющие и развивающие эти положения и предусматривающие

порядок выдвижения кандидатов только политическими партиями, которые вправе выдвинуть кандидатом лицо, являющееся или не являющееся членом данной или иной политической партии. Правом на определение возможности самовыдвижения кандидатов Федеральным законом также наделены сами субъекты федерации.

Закон актуализировал проблему политической ответственности губернаторов как перед федеральным центром, так и перед избирателями региона. Предусмотрено введение двух «фильтров» – президентского и более жесткого – муниципального, согласно которому установлена необходимость кандидату на должность главы исполнительной власти субъекта федерации заручиться поддержкой депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований (от 5 до 10 %) не менее чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации. Установлена обязательность взаимодействия кандидатов на должность губернатора с представительным органом местного самоуправления и (или) избранными на муниципальных выборах главами муниципальных образований на этапе сбора подписей.

Результатом изменения законодательства явилось упрочение позиций тех губернаторов, которые были избраны местными сообществами, а особенностью российских губернаторских выборов стала считаться недостаточность ресурсов региональных отделений политических партий для преодоления муниципального фильтра, что усилило тенденцию персонализации политики и выстраивания бюрократических пирамид. Признаками местных выборов также явилось информационное предпочтение действующим руководителям со стороны СМИ, использование ими административного аппарата, «управляемых избирательных комиссий». Российские эксперты стали называть процедуру избрания губернаторов «выборами с фильтром» или «управляемыми выборами».

Одновременно с процессом трансформации российского избирательного законодательства общественно-политические движения Севастополя, в указанный период имевшего в составе Украины статус отдельной административно-территориальной единицы с особой моделью управления, отстаивали право жителей влиять на формирование власти в городе. Согласно украинскому законодательству в Севастополе проводились выборы городского и четырех районных в городе советов, главы городского совета Инкермана, Качинского поселкового главы и совета, а также четырех сельских советов с главами. Исполнительная власть в Севастополе как городе с особым статусом осуществлялась местной государственной администрацией, глава которой назначался президентом. Широкими полномочиями обладали председатель Севастопольской городской государственной администрации, городской совет, перманентно находившийся в оппозиции главе СГГА, и четыре назначаемых главы районных администраций.

Конституция Украины предусматривала определение особенностей организации исполнительной власти городов Киева и Севастополя особым законом. Едва не каждый кандидат в депутаты Верховной Рады Украины от Севастополя в период предвыборных кампаний обещал севастопольцам добиться права самостоятельного избрания главы города. В Верховной Раде Украины регистрировались и даже принимались несколько вариантов законопроектов, концепцией которых предусматривалось, в частности, возрождение самоуправления с учетом специального статуса Севастополя, размещения Военно-Морских Сил Украины и временного размещения Черноморского флота России. Предполагались и выборы городского главы (председателя городского совета) прямым голосованием жителей города.

В первых проектах предполагалось наделение органов местного самоуправления и государственной власти Севастополя широкими полномочиями для создания условий функционирования в городе дипломатических представительств и консульств иностранных государств, представительств международных организаций. Эти положения явились обоснованием наложения вето на закон «О городе-герое Севастополе», принятый Верховной Радой Украины 23 июня 2005 г., действовавшим в тот период Президентом Украины В. Ющенко. Он вернул закон в парламент со своими предложениями и замечаниями, содержащими констатацию противоречий отдельных положений закона действующей Конституции и международным обязательствам Украины. Еще два раза Президент В. Ющенко налагал вето и возвращал на новое рассмотрение закон о статусе Севастополя, принятый Верховной Радой Украины 3 ноября 2005 г. и 22 декабря 2005 г. В четвертый раз Ющенко наложил вето на закон «О городе-герое Севастополе» в редакции, принятой парламентом Украины 23 февраля 2006 г. с указанием на антиконституционность положения, согласно которому органы местного самоуправления и органы государственной власти в Севастополе должны обеспечивать создание надлежащих условий для базирования Черноморского флота Российской Федерации.

Реальная возможность проведения выборов председателя городского совета Севастополя возникла с принятием 10 июля 2010 г. Верховной Радой Украины закона о местных выборах (№ 2487-VI), который был подписан Президентом. Пункт 4 статьи 36 Закона предусматривал порядок выдвижения кандидатов и содержал положение, по которому городская организация партии (в том числе города Севастополя) может выдвинуть одного кандидата на должность городского главы. В заключительных и переходных положениях содержался пункт 5, предусматривающий, что 31 октября 2010 г. должны были проводиться очередные выборы всех без исключения сельских, поселковых, городских глав, сельских, поселковых, городских, районных в городе, районных и областных советов, кроме выборов Киевского городского головы, Киевского городского совета и Тернопольского областного совета. Таким образом, законодательно предусматривалась возможность проведения местных выборов и разрешалось выдвижение кандидатов на пост мэра Севастополя городскими организациями партий. Однако в августе 2010 г. на внеочередной сессии Верховной Рады Украины депутаты внесли в вышеупомянутый закон изменения, касающиеся права партий выдвигать кандидатов в местные депутаты и мэры. При новом порядке выборов у населения Севастополя фактически это право было отнято и никем иным, как инициировавшей принятие поправок Партией регионов, представители которой выступили за узаконивание запрета на проведение выборов мэра Севастополя, отказавшись выполнить одно из своих программных обещаний, взятых еще в 2006 году [2].

Таким образом, проблемный вопрос о статусе города поднимался в украинском парламенте в течение многих лет, однако прямые выборы председателей городского совета и городской государственной администрации так ни разу не были проведены, и севастопольцы неоднократно оказывались обманутыми в своих надеждах. Последняя попытка была предпринята в 2013 г., когда депутат Верховной Рады Украины от Севастополя В. Новинский представил в украинский парламент очередной законопроект «О городе-герое Севастополе» (ноябрь 2013 г.). Однако даже при условии рассмотрения законопроекта Верховной Радой, шансы его принятия были чрезвычайно низки из-за негативного настроения значительной части украинских парламентариев. Положения избирательной программы Всеукраинского Объединения «Свобода», например, предусматривали инициацию проведения Всеукраинского референдума по вопросу отмены специального статуса Севастополя, который в результате должен был стать одним из административных центров Таврической области, что исключило бы саму возможность принятия соответствующего закона.

Проблема всенародных прямых выборов главы исполнительной власти города была поднята в 2014 г., сразу после вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. В ходе первых выборов в городское Законодательное Собрание представители местных политических элит провозгласили их учреждение своей целью. До внесения поправок в Устав Севастополя глава города избирался депутатами Законодательного Собрания из трех кандидатур, предложенных Президентом РФ. Однако политическая практика продемонстрировала неготовность первого же назначенного Губернатора находить компромисс с местными группами давления. В центре общественного обсуждения оказались противоречия групповых интересов, их лоббирование в созданных государственных и общественных институтах.

Целью скорейшего принятия закона о выборах Губернатора Севастополя стало преодоление коммуникативных эффектов отчуждения населения и региональных общественных объединений от принятия важнейших политических решений, касающихся судьбы города, и повышение легитимности институтов региональной власти и института главы города. Для реализации требования Устава Севастополя, предусматривающего всенародное избрание Губернатора, 9 декабря 2016 г. временно исполняющий обязанности Губернатора внес в Законодательное Собрание законопроект, в соответствии с нормами которого население региона наделяется правом выбора высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В январе 2017 г. депутаты Законодательного Собрания Севастополя поддержали проект закона о выборах Губернатора, который получил одобрение рабочей группы Центральной избирательной комиссии РФ, в первом чтении. В соответствии с его нормами Губернатор Севастополя будет избираться на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет.

Город должен возглавить гражданин России в возрасте старше тридцати лет и избираться на должность ему можно будет не более двух сроков подряд. Выдвигать кандидатов, согласно нормам законопроекта, могут только политические партии или их региональные отделения и только одного кандидата от партии. При этом кандидатом в Губернаторы может стать как член этой партии, так и беспартийный гражданин. Самовыдвижение исключено.

В законопроекте (ст. 28) предусмотрен десятипроцентный муниципальный фильтр. Таким обра-

зом, из возможных подходов к установлению необходимого количества голосов в поддержку кандидата был избран максимально допустимый уровень. Всего в Севастополе 120 депутатов, соответственно, в поддержку выдвижения кандидата необходимо собрать минимум 12 подписей депутатов с допустимым отклонением в большую сторону на одну подпись. Подписи должны быть собраны не менее, чем в трех четвертях муниципальных образований Севастополя. Депутат муниципалитета сможет поддержать только одного кандидата, выдвинутого любым избирательным объединением. Каждую подпись необходимо будет заверить нотариально, а отозвать ее будет невозможно [5].

Общественная палата Севастополя в январе 2017 г. инициировала проведение обсуждений проекта закона «О выборах Губернатора города Севастополя» населением. Возражения в ходе слушаний у представителей общественности вызвали элементы значительной управляемости выборов и сложность процесса выдвижения кандидатов, теоретически нацеленные на отсеечение политиков-популистов, не имеющих серьезной поддержки в обществе или элитных группах, и некомпетентных кандидатов, у которых отсутствовал бы управленческий опыт. У депутатов Законодательного Собрания Севастополя больше всего вопросов возникло в связи с «муниципальным фильтром», преодолеть который для оппозиционных партий станет весьма сложно, соответственно, нерешенной проблемой реальной политической конкуренции. Этими положениями были закреплены достаточно непрозрачные нормы и жесткие ограничения избирательных прав граждан.

Также обратило на себя внимание положение пункта 4 статьи 3 законопроекта: «В соответствии с Федеральным законом не имеет права быть избранным Губернатором гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» [5]. В условиях, когда подавляющее большинство севастопольцев не лишены гражданства Украины, это положение лишает пассивного права на участие в выборах значительную часть горожан. Во время слушаний жители, принимавшие в них участие, требовали изменения этих норм проекта, а также отстранения от участия в выборах Губернатора Севастополя военнослужащих срочной службы и граждан, зарегистрированных по месту пребывания в городе; наделения общественных объединений правом выдвижения кандидатов; законодательного закрепления обязанности Губернатора формировать свою команду из жителей Севастополя; утверждения ценза оседлости. Согласно мнению представителей общественности, законопроект не учитывает региональные особенности, прежде всего, специфику вхождения города в состав Российской Федерации, уровень экономического и общественно-политического развития, характер складывающихся взаимоотношений между представителями власти и обществом.

Законопроект вызвал широкий общественный резонанс, в ходе публичных обсуждений было озвучено еще несколько предложений, в которых особое внимание было уделено проблеме самовыдвижения и вопросам досрочного отзыва Губернатора. Парламентарии запланировали рассмотреть и учесть ко второму чтению тридцать три поправки, предложенные в процессе общественных слушаний, и девять, направленных в письменном виде.

Закон «О выборах Губернатора города Севастополя» был принят на заседании Законодательного Собрания 14 марта 2017 г. во втором, окончательном чтении. В последней редакции были учтены восемь поправок, внесенных автором законопроекта – временно исполняющим обязанности Губернатора Севастополя, которые касались замечаний юридического и лингвистического характера [4]. Поправки, предложенные представителями общественности, были рассмотрены на заседании профильной комиссии и на пленарном заседании сессии Законодательного Собрания Севастополя, однако учтены не были.

Принятие закона можно признать своевременным и отвечающим желанию граждан, частично устраняющим вертикализацию публичных процессов. Вероятным вариантом развития событий представляются выборы в сентябре 2017 г. по сценарию «референдума о доверии» временно исполняющему обязанности главы региона, при котором сохранится высокий уровень контроля центральных элит над выборами. Процедура избрания Губернатора, вероятно, будет отвечать последним тенденциям персонализации политических кампаний, а наибольшие шансы будет иметь кандидат, которого поддержит Президент, и в таком случае предстоящие выборы станут проявлением выражения вотума доверия его кадровому решению. В пользу этого сценария свидетельствует тот факт, что главным субъектом проектирования закона явился временно исполняющий обязанности главы региона, и именно его поправки к проекту рассматривались севастопольскими парламентариями как основополагающие для принятия закона в целом. В сложившихся обстоятельствах это объясняется необходимостью обеспечения высокой степени управляемости и повышенного контроля над поли-

тической ситуацией такого сложного региона как Севастополь, а также сохраняющейся угрозой реванша его «украинской элиты».

В Севастополе, с его непростой исторической судьбой, происходит поиск оптимального способа выборов главы города при существующих внутренних конфликтах между местными элитами, а также острой необходимостью оптимизации деятельности исполнительных органов власти. Вследствие политических событий последних лет доверие населения Севастополя к институту выборов остается высоким. Севастопольцы верят в право выбора и в то, что от их голосов зависит будущее города. Однако реализация указанных законодательных положений может изменить уровень доверия горожан к процессу выборов, оказать заметное влияние на избирательную активность.

По мнению отдельных российских экспертов, конкурентные выборы Губернатора Севастополя проводить на данном этапе вообще не стоит. Политолог Виталий Иванов, например, считает, что «...Севастопольскую элиту нужно как раз отучать от всяких разборок с апелляциями к толпе – от этого «украинства», которым там, к сожалению, заразились. Там не выборы прямые надо устраивать, а назначать сильного губернатора, который подавит и зачистит всю вольницу» [1]. Вероятно, авторитарные практики, такие как административный контроль выборов, несоблюдение принципа равных условий для конкуренции партий при отсутствии идеологии, остаются элементом российской политической системы и соответствующего дискурса. Однако не стоит забывать, что именно уровень зрелости политической культуры общественности Севастополя и самосознания крымчан позволили России вернуть в 2014 году главную базу Черноморского флота.

Законодательные положения, регламентирующие Губернаторские выборы в Севастополе, будут проверены на практике, и сложно предсказать реакцию избирателей конкретного субъекта России на универсальные избирательные технологии. Потенциал принятого закона будет зависеть от множества факторов, в идеале он должен стать одним из недостающих до сего времени элементов механизма баланса интересов всех структур гражданского общества региона и стабилизировать политическую обстановку, сместив центр политической ответственности. Применение его норм способно ускорить рост политической зрелости региональных элит, превратиться в важный способ ротации и демократизации власти на региональном уровне, в конце концов, подтвердить суверенитет города.

Список литературы

1. Винокурова, Е. С точки зрения конкуренции они не придавлены, как остальная часть России... Выборы губернатора Севастополя могут стать репетицией президентской кампании / Екатерина Винокурова // Интернет-газета Znak : сайт. — URL: https://www.znak.com/2016-11-29/vybory_gubernatora_sevastopolya_mogut_stat_repeticiey_prezidentskoy_kampanii (дата обращения: 16.12.2016).
2. Копытько, А. Как Янукович отменил выборы мэра Севастополя / Алексей Копытько // Украинская правда : сайт. — URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/08/30/5343357/> (дата обращения: 04.01.2017).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федер. закон : [принят Гос. Думой 25 апреля 2012 года : одобр. Советом Федерации 27 апреля 2012 года ; 2 мая 2012 года ; № 40-ФЗ] // Российская газета. — № 5772 (99). — 2012. — 4 мая.
4. О выборах Губернатора города Севастополя : закон г. Севастополя : [принят Законодат. Собр. г. Севастополя 14 марта 2017 года ; № 330-ЗС] // Законодательное Собрание Севастополя : сайт. — URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/21609/zakon_n_330_zs_ot_17_03_2017/23288/ (дата обращения: 18.03.2017).
5. [Чайкин, Ю. В.] Пояснительная записка к проекту Закона города Севастополя «О выборах Губернатора города Севастополя» / [Ю. В. Чайкин] // Законодательное Собрание Севастополя : сайт. — URL: https://sevzakon.ru/assets/files/zakproekty/19-384_pz.pdf (дата обращения: 04.01.2017).

Статья поступила в редакцию 30.04.2017

Skrebets, E. V. On the Legal Framework for the Elections of the Governor of Sevastopol

The article traces the history of the jurisdiction over proceedings regarding legal authorization of chief federal executives in Russia as well as analyzing the legal framework governing the elections of the Governor of Sevastopol.

Keywords: elections, the Governor of Sevastopol, chief federal executive of the Russian Federation.

Анализируются тенденции развития государственной языковой политики в Крыму до и после референдума 2014 года. Определяются перспективы совершенствования языковой политики в Крыму, с учётом украинского опыта и современных реалий. С помощью сравнительного анализа материалов законодательных актов украинского и российского периода делается вывод, что на данный момент языковая политика в Крыму проходит стадию формирования.

Ключевые слова: языковая политика, сравнительный анализ, языковая ситуация, Крым, государственный язык.

Р. И. Шевченко, соискатель

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

E-mail: radmila_mila_sh@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УКРАИНСКОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ)*

Сегодня Крым переживает период интеграции в российское политическое, экономическое, культурное пространство, что, безусловно, вызывает повышенный исследовательский интерес. Полуостров представляет собой многонациональный регион, основную часть населения которого составляют три этнические группы: русские (65,31 %), украинцы (15,08 %) и крымские татары (10,17 %) [17]. А. Эмирова – известный крымский исследователь определяет лингвистическую ситуацию как «совокупность форм существования (вариантов) одного языка или совокупности нескольких разных языков, функционирующих в пределах одного географического региона и взаимодействующих друг с другом» [18], она выделяет два количественных показателя, характеризующих эту ситуацию в Крыму как до референдума 2014 г., так и после него:

– *многокомпонентность* – одновременное функционирование нескольких языков при доминировании русского, украинского и крымско-татарского;

– *демографическую мощность* – неравнозначное количество говорящих на этих языках при обязательном соответствии языка этнической принадлежности, т. к. «многие представители разных национальностей, проживающих в Крыму, не владеют родным языком, а общаются только на русском. Это и украинцы, и крымские татары, и немцы, а также евреи, караимы, крымчаки и др.» [18].

В настоящей работе мы попытаемся провести сравнительный анализ современной украинской и российской языковой политики в Крыму. По мнению российского исследователя Д. Ю. Гулинова, «языковая политика предстает как совокупность мер государства или другого правомочного для осуществления языковой политики органа по сознательному воздействию на язык. Целью такого воздействия является сохранение или изменение статуса языка или языковой ситуации в целом» [2, с. 11]. Таким образом, политика государства в этой области – это комплекс мер по законодательному определению и закреплению статуса языков и их функциональной роли, а также порядка их изучения и официального использования в различных сферах.

Украинский опыт. На протяжении многих лет на Украине был законодательно закреплён статус украинского языка как государственного на всей территории страны, а русскому и языкам различных национальных меньшинств гарантировалось свободное использование и развитие. Однако в действительности планомерной работы в этом направлении не велось. Особенно остро это ощущали жители Крыма. В разные годы, в зависимости от политического курса, предлагалось то сделать русский язык официальным на всей территории Украины, то предоставить ему статус регионального в местах компактного проживания русскоязычного населения. Тем не менее, длительного законодательного действия такие решения не имели.

В 1996 г. была принята Конституция Украины. Её десятая статья посвящена основам языковой политики государства и содержит следующие положения:

1. Государственным языком на Украине является украинский язык;
2. Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины;
3. Гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины;

* Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» № 16-31-01073.

4. Государство способствует изучению языков национальных меньшинств;

5. Применение языков на Украине гарантируется Конституцией и определяется законом [7].

В 1997 г. был создан Совет при Президенте Украины по вопросам языковой политики и департамент по осуществлению языковой политики при Государственном комитете Украины по вопросам национальностей и миграции. В декабре того же года Верховная Рада ратифицировала принятую в 1995 г. в Страсбурге «Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств». Подписавшие этот документ страны обязывались способствовать сохранению языков, обеспечивать свободный обмен информацией на языках меньшинств, не препятствовать свободному использованию языков в частной и общественной жизни, обучению на родном языке и его изучению.

Начиная с 1997 г., в Верховную Раду регулярно вносились законопроекты по вопросам языковой политики. 14 декабря 1999 г. Конституционный Суд Украины рассмотрел обращение народных депутатов по поводу официальной трактовки ст. 10 Конституции Украины. Решением Конституционного Суда было определено, что украинский язык как государственный (официальный) является обязательным на всей территории Украины при осуществлении полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления. Наряду с государственным языком при осуществлении полномочий местными органами исполнительной власти, органами Автономной Республики (АР) Крым и органами местного самоуправления могут использоваться русский и другие языки национальных меньшинств в пределах и порядке, определенных законами Украины.

За период от полугода до нескольких месяцев до президентских выборов 2004 года в Верховную Раду было внесено несколько законопроектов, регулирующих языковую политику на Украине. В целом за период 2004–2005 гг. их было подано тринадцать: 21-24 июня 2005 года на заседаниях Верховной Рады все они были рассмотрены и отклонены. А. Черненко в своей статье «Языковое меню» [15] подчёркивает, что особый статус русского языка предусматривали девять из тринадцати рассматриваемых законопроектов, в одном (вариант Л. Черновецкого) он получал статус государственного наравне с украинским, остальные, как например, проект П. Мовчана – К. Ситника или И. Юхновского, были направлены на защиту украинского языка и не предполагали отстаивание лингвистических интересов национальных меньшинств [15].

Очередная попытка изменения законодательства в этой сфере была предпринята депутатами С. Гриневецким, А. Ефремовым и П. Симоненко в сентябре 2010 г.: проект Закона «О языках в Украине» №1015-3 расширял статус русского языка. На основе «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» вводилось понятие «регионального языка». Законопроект вызвал общественный резонанс и в феврале 2011 г. был отклонен и снят с рассмотрения, подвергшись резкой критике ряда украинских экспертов. Было отмечено, в частности, что после принятия этого закона в Крыму русский язык, имеющий статус регионального, будет приравнен к государственному украинскому, а это узаконит никак не «паритетное украино-русское двуязычие, как об этом декларативно заявляют авторы законопроекта, а русское одноязычие. Более того – будут легализованы претензии русского меньшинства на роль государствообразующего этноса в Украине» [8].

7 февраля 2012 г. народными депутатами В. Колесниченко и С. Киваловым был внесен на рассмотрение законопроект «Об основах государственной языковой политики». 5 июня 2012 г. закон был принят в первом чтении, а 3 июля 2012 г. – и во втором. Его рассмотрение также сопровождалось дискуссиями, т. к. предусматривая сохранение за украинским языком статуса государственного, он вводил и понятие «региональных языков», гарантируя их использование в тех административно-территориальных единицах, где доля представителей меньшинств превышала 10 % всего населения. Решение о введении регионального языка должно было приниматься местным советом: в пределах административно-территориальной единицы его разрешалось использовать в законодательно установленных сферах наравне с государственным украинским языком. В результате 13 из 27 территорий приняли решение о признании русского языка региональным, в их числе были АР Крым и город Севастополь, а также ряд областей на юго-востоке Украины. В Крыму, однако, процесс ратификации закона и признания как русского, так и крымско-татарского языка региональным не был завершён. В сентябре 2012 г. Совет министров Республики издает распоряжение «О мерах по обеспечению выполнения Закона Украины “Об основах государственной языковой политики”», однако впоследствии, ссылаясь на то, что принятый закон не противоречит Конституции АР Крым, и считая, что для решения языковых вопросов положений основного закона более чем достаточно, власти полуострова отказались от регионального статуса этих языков.

В феврале 2014 г. украинский парламент проголосовал за отмену закона «Об основах государственной языковой политики», однако и. о. Президента Украины А. Турчинов отказался подписы-

вать решение Верховной Рады пока парламентской рабочей группой не будет разработан новый языковой закон. Новоизбранный Президент Украины П. Порошенко также не подписал это решение, поэтому на данный момент закон является действующим.

Таким образом, с момента обретения Украиной независимости в 1991 г. начинается и процесс осуществления языковой политики на основе единственного государственного языка – украинского. Конституция страны и закон «О языках в Украине» закрепляют его статус. Подписанный в 1996 г. международный договор – «Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств» – стал весомым вкладом в украинское законодательство в части защиты языков национальных меньшинств. Как отмечает в своем исследовании Г. П. Евсеева, в период после парламентских выборов 2003 г. и до президентских выборов 2010 г. языковая политика на Украине имела характер договоренности между политическими силами, которые провозглашали себя защитниками одного из двух языков. Такое соглашение было возвращением к ситуации времен Кучмы: отказ обеих сторон от активных «боевых действий» в решении лингвистических проблем. Оппоненты договаривались о разделении сфер влияния в языковом пространстве: власти продолжали линию на украинизацию в столице, центральных и западных областях, не требуя следование ей в Крыму и на Донбассе [3, с. 67]. Принятый в 2012 г. Закон «Об основах государственной языковой политики» предоставил более широкие права русскому языку, приравняв его, тем не менее, к «региональному», как и языки национальных меньшинств.

Языковая ситуация в Крыму. Согласно данным Всеукраинской переписи 2001 г., в АР Крым 58,5 % населения составляли русские, 24,4 % – украинцы, 12,1 % – крымские татары, 1,5 % – белорусы, доля каждого из остальных этносов была менее 1 %. При этом 77 % жителей Крыма считали родным русский язык, 11,4 % – крымско-татарский, 10,1 % – украинский [16]. Тем не менее, за весь украинский период ни русский, ни крымско-татарский языки не были признаны государственными на территории Республики, этот статус имел только украинский язык, воспринимаемый значительной частью населения как неродной и навязываемый.

Присоединение Крыма к России ознаменовало новый этап языковой политики на полуострове. Согласно ст. 10 (п. 1) Конституции, принятой 11 апреля 2014 г., «Государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки» [5]. Это стало первым шагом руководства республики и федеральных властей в решении проблем крымско-татарского народа, нараставших на протяжении украинского периода и в ходе подготовки к референдуму о возвращении полуострова в состав Российской Федерации. На данный момент языковая политика в Крыму проходит стадию формирования, однако законодательное закрепление равноценности трех языков и признание их государственными на территории Республики Крым, является шагом, демонстрирующим направление, в котором планируется ее развитие.

Рассмотрим более подробно языковую политику и языковую ситуацию в Крыму до и после референдума.

Статус языков. Автономная Республика Крым в составе Украины. Согласно Статье 10 п. 1 Конституции АР Крым, «в Автономной Республике Крым наряду с государственным языком обеспечивается функционирование и развитие, использование и защита русского, крымско-татарского, а также языков других национальностей» [4]. Согласно этой же Статье (п. 2): «в Автономной Республике Крым русский язык как язык большинства населения и приемлемый для межнационального общения используется во всех сферах общественной жизни» [4]. Статьи 11, 12, 13 определяют, что наравне с украинским языком русский может быть допущен (по ходатайству) в качестве языка судопроизводства, нотариального производства, производства по делам об административных нарушениях, юридической помощи. Согласно Конституции он мог использоваться как язык работы почты и телеграфа, предприятий, учреждений, организаций сферы обслуживания. Что касается последних пунктов, то они действительно были реализованы на практике, но, тем не менее, украинский язык оставался единственным на территории АР Крым, имеющим статус государственного, официальный документооборот велся исключительно на нем.

Республика Крым в составе Российской Федерации. Статья 10 п. 1 Конституции, принятый 11 апреля 2014 г., гласит: «Государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки» [5]. Таким образом, интересы всех трех основных этнических групп, проживающих на территории полуострова, сегодня учтены. Согласно Статье 68 (п. 2) Конституции Российской Федерации, «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации» [6].

Закон «О языках народов Российской Федерации» [10] гарантирует республикам, входящим в состав Российской Федерации, право на установление своих государственных языков в соответствии с Конституцией РФ (Ст. 3), право на опубликование федеральных законов и иных правовых актов на государственных языках республик (Ст. 12), право на использование государственных языков в официальном делопроизводстве (Ст. 16).

Образование. Автономная Республика Крым в составе Украины. В этот период обеспечение права национальных меньшинств на получение образования в Крыму регулировалось принятым на Украине законом «Об основах государственной языковой политики» [9], Статья 20 (п. 1) которого гарантировала гражданам страны право на получение образования как на государственном языке (в обязательном порядке), так и на региональных языках или языках меньшинств. Потребности школьников относительно языка обучения определялись на основании заявлений родителей. В общеобразовательных учебных заведениях создавались отдельные классы с обучением на других языках, при этом было обязательным изучение украинского как государственного языка. В монографии Н. В. Кисилёвой, А. В. Мальгина, В. П. Петрова, А. А. Форманчука «Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения» приводится следующая статистика: начиная с 1992 по 2012 г. увеличилось количество школ с украинским и крымско-татарским языком. В первом случае с одной до семи (первая школа с украинским языком обучения открыта в 1997 г.), во втором – с одной до пятнадцати (первая школа с крымско-татарским языком обучения открыта в 1993 г.). За этот же период количество школ с обучением на русском языке уменьшилось с 519 до 333 школ. Возможность получения среднего образования реализовывалась в Крыму не только в рамках моноязычных школ, но и посредством создания в общеобразовательных учебных заведениях отдельных классов с обучением на крымско-татарском, украинском и русском языках. В период 1992–2012 гг. общее количество классов с обучением на украинском языке выросло с 6 до 862, на крымско-татарском – с 17 до 383, в то же время количество «русских» классов уменьшилось с 12140 до 7597 [19, с. 216].

По официальным данным в 2010–2011 учебном году в общеобразовательных учебных заведениях АР Крым обучалось 167677 учеников, из них на русском языке – 148452 (88,5 %), на украинском – 13609 (8,1 %), на крымско-татарском – 5399 (3,2 %) человек. В 2012–2013 учебном году в средних общеобразовательных школах Крыма обучалось 173609 человек (без учеников специальных школ (школ-интернатов) и специальных классов, организованных при общеобразовательных школах), из них 155071 (89,32 %) учащихся получали образование на русском языке, 12867 (7,41 %) – на украинском, 5406 учащихся (3,11 %) – на крымско-татарском [14].

Республика Крым в составе Российской Федерации. Принятый 17 июня 2015 г. Государственным Советом Республики Крым Закон «Об образовании» вступил в силу 1 января 2016 г. [11]. Статья 11 (п. 2) гарантирует гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Республики, право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымско-татарском. Также в этом пункте закрепляется право на изучение родного языка в пределах возможностей, которые предоставляет система образования, и в порядке, который установлен законодательством об образовании.

В 2014–2015 учебном году в республике функционировало 586 общеобразовательных учреждений, в которых обучалось 184869 человек. Действовали 7 школ на украинском и 15 школ на крымско-татарском языке. «На базе школ с родными языками функционируют классы (10-е–11-е) с обучением на русском языке. Всего обучаются на крымско-татарском языке 4895 учащихся (2,7 %), на украинском – 1990 (1,1 %), на русском – 177984 (96,2 %)» [12]. В 2014–2015 учебном году крымско-татарский язык преподается 20940 школьникам, 39150 – украинский, 537 учеников учили немецкий, армянский, греческий и болгарский языки в общеобразовательных учреждениях Крыма [12].

Если сравнивать 2012–2013 и 2014–2015 учебные годы, статистические показатели которых приведены выше, то можно заметить, что произошло сокращение числа обучающихся на украинском языке с 12867 до 1990 человек и на крымско-татарском языке с 5406 до 4895. Значительное снижение численности обучающихся на украинском языке можно объяснить выбором родителей школьников, ориентирующихся на дальнейшее образование. На наш взгляд, небольшое сокращение числа посещающих крымско-татарские классы также связано с дальнейшими перспективами обучения в средних и высших учебных заведениях.

Языковая политика в сфере СМИ. Автономная Республика Крым в составе Украины. Крым был единственным регионом в составе Украины, где существовала государственная телерадиокомпания, ведущая трансляции на семи языках: русском, крымско-татарском, украинском, армянском,

греческом, немецком, турецком и болгарском (летом 2014 года эта телерадиокомпания преобразована в ГТРК Крым и продолжает вещание на семи языках). Медиа-среда АР Крым была структурирована по языковому признаку: наиболее крупным сегментом был русскоязычный, затем шел крымско-татарскоязычный, на третьем месте – украинскоязычный. Деятельность СМИ регулировалась Законом «Об основах государственной языковой политики».

Редакциям газет и журналов, выходящих на национальных языках, предоставлялись дотации Республиканскими комитетами АР Крым по информации и по делам межнациональных отношений и депортированных граждан. До воссоединения с Российской Федерацией на полуострове на крымско-татарском языке издавалось 8 печатных изданий, на украинском – 4 [13, с. 296].

Республика Крым в составе Российской Федерации. Сегодня в Российской Федерации действует закон «О средствах массовой информации», принятый в 1991 году, который определяет порядок регистрации и лицензирования средств массовой информации. В настоящее время в Крыму завершён период регистрации СМИ; официально работают 232 средства массовой информации, 207 из которых прошли перерегистрацию. Для СМИ, выходящих на национальных языках, предусмотрены дотации, размер и порядок предоставления которых определяется Государственным комитетом по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым. В соответствии с указом Главы Республики была создана автономная некоммерческая организация «Общественная крымско-татарская телерадиокомпания Миллет» как альтернатива не прошедшему перерегистрацию национальному телеканалу АТР. На данный момент в Крыму отсутствует официальное телевещание на украинском языке. Ряд исследователей, анализирующих языковой аспект в средствах массовой информации Крыма до и после присоединения к России, делают вывод об изменении региональной медиакарты: «как и в случае с теле- и радиоканалами, после присоединения Крыма к России структура печатных СМИ этой республики подверглась существенным трансформациям: из нее фактически исчезли все украинские газеты и журналы» [1]. Согласно данным Роскомнадзора, после перерегистрации крымских СМИ в соответствии с российским законодательством большинство печатных органов зарегистрировали использование нескольких языков. Доминируют государственные языки Республики Крым: русский, украинский (46 СМИ планирует его использование, что внесено в учредительные документы), крымско-татарский (3 СМИ выходят исключительно на нем, 28 планируют его использование), а также ряд медиа зарегистрировали турецкий, белорусский, болгарский, немецкий, польский, армянский языки в качестве дополнения к русскому. На данный момент печатных СМИ исключительно на украинском языке на территории республики не издаётся. Частично используют украинский язык только газета «Къырым», выходящая на трёх языках – крымско-татарском, русском и украинском, а также литературно-художественный журнал «Крым», в котором публикуются материалы на одиннадцати языках, включая украинский [1].

В разные исторические периоды Крым оставался сложным, с этнополитической точки зрения, многонациональным регионом с большой концентрацией русскоязычного населения, где языковой вопрос всегда стоял особенно остро. На протяжении всех лет нахождения АР Крым в составе независимой Украины ни русский язык, ни крымско-татарский не были признаны государственными. Формально, согласно закону «Об основах государственной языковой политики» от 2012 г., оба этих языка являлись региональными, однако существенных изменений данное обстоятельство за собой не повлекло. Единственным государственным языком оставался украинский, а региональные языки могли использоваться наравне с ним только в законодательно определённых сферах, к которым были отнесены образование, культура, средства массовой информации, реклама, работа местных органов государственной власти, органов АР Крым и органов местного самоуправления, делопроизводство и судопроизводство, наука, экономическая и социальная деятельность предприятий, учреждений, организаций, частных предпринимателей, объединений граждан и т. д. Де-юре закон Украины «Об основах государственной языковой политики» был призван расширить сферы пользования языками национальных меньшинств и придать региональным языкам официальный статус, де-факто в Крыму не произошло каких-либо кардинальных изменений; согласно решениям крымских властей языковая политика по-прежнему регулировалась Конституцией Республики.

После референдума 16 марта 2014 г. и присоединения Крыма к Российской Федерации начинается процесс интеграции полуострова в законодательное поле России. Согласно Статье 68 Конституции Российской Федерации, республики имеют право устанавливать свои государственные языки. Согласно Статье 10 Конституции АР Крым, принятой 11 апреля 2014 г., три государственных языка получили статус государственных: русский, украинский и крымско-татарский. Законодательное за-

крепление равноценности трёх государственных языков на территории Крыма является важным шагом на пути реализации интересов основных этнических групп, проживающих в республике. Статус государственного предполагает широкое применение языка в различных сферах, использование его всеми государственными институтами. Однако республиканский закон о языках на данный момент не принят, а значит, не определен и порядок их применения. Статус государственного в отношении крымско-татарского и украинского языков сейчас больше номинальный: прописанный на бумаге, но малореализуемый на практике. Тем не менее, хотелось бы отметить, что языковая политика в Крыму находится в стадии формирования, и через относительно небольшой промежуток времени (от референдума 2014 года до текущего 2017 года) трудно было ожидать значительных перемен. Однако уже само придание крымско-татарскому языку статуса государственного – это шаг в разрешении острой языковой проблемы крымских татар. Оценивая этот шаг положительно, крымские татары ждут дальнейших действий республиканских и федеральных властей в этом направлении.

С языковым вопросом тесно связана и сфера образования в Крыму. Сегодня, как и в украинский период, выбор языка обучения предоставляется родителям учащихся или лицам их заменяющим, что закреплено на законодательном уровне. На данный момент зафиксировано значительное снижение числа обучающихся на украинском языке и небольшое – на крымско-татарском. Связано это может быть с осознанным выбором родителей, который основывается на возможных перспективах обучения нынешних школьников в высших учебных заведениях на русском языке. Что касается ситуации в средствах массовой информации, то она также фактически не изменилась. Государственная телерадиокомпания, ведущая вещание на семи языках продолжила эту традицию уже в составе Российской Федерации. Дотации газет и журналов, выходящих на родных языках, предусмотрены и сегодня, повторяя ситуацию украинского периода. Единственный действующий в Крыму до 2014 года крымско-татарский канал АТР не прошёл перерегистрацию в соответствии с законодательством Российской Федерации, однако была создана крымско-татарская телерадиокомпания «Миллет».

Список литературы

1. Гладкова, А. А. Современное состояние и тенденции развития этнических СМИ России (телевидение, радио, пресса, интернет) / А. А. Гладкова, Д. Ю. Кульчицкая, Н. М. Лазутова, Т. С. Черевко // Медиаскоп : электрон. науч. журн. — 2016. — Вып. 2. — URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2116> (дата обращения: 18.03.2017).
2. Гулинов, Д. Ю. Языковая политика: определение и характеристики / Д. Ю. Гулинов // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филолог. науки. — 2011. — № 5 (59). — С. 7–11.
3. Евсеева, Г. П. Реализация государственной языковой политики в Украине: тенденции и перспективы / Г. П. Евсеева // Вестн. Приднестр. гос. акад. строительства и архитектуры. — 2011. — № 4 (157). — С. 63–67.
4. Конституция Автономной Республики Крым : [принята на второй сес. Верховн. Рады Авт. Респ. Крым 21 октября 1998 года ; утв. Законом Украины № 350-XIV от 23.12.98 ; с изм. и доп.] // Законодавство України : сайт. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/krym/show/rb239k002-98/> (дата обращения: 18.03.2017).
5. Конституция Республики Крым : [принята Гос. Советом Респ. Крым 11 апр. 2014 г.] // Российская газета. — 2014. — 13 апр.
6. Конституция Российской Федерации [Опич. коп.] : [принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. ; с изм. и доп.] // Конституция Российской Федерации : сайт. — URL: <http://constitution.kremlin.ru/constitution.pdf> (дата обращения: 20.02.2017).
7. Конституция Украины : [принята на пятой сес. Верховн. Рады Украины 28 июня 1996 года ; с изм. и доп.] // Законодавство України : сайт. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр/> (дата обращения: 18.03.2017). — На укр. яз.
8. Масенко, Л. Законопроект «О языках в Украине» взгляд лингвиста / Лариса Масенко // Зеркало недели. Украина : электрон. газ. — 2010. — 17 сент. — URL: http://gazeta.dt.ua/EDUCATION/zakonoproekt_pro_movi_v_ukrayini_poglyad_lingvista.html (дата обращения: 21.12.2016). — На укр. яз.
9. О принципах государственной языковой политики : Закон Украины : [3 июля 2012 года ; № 5029-VI ; с изм. и доп.] // Законодавство України : сайт. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (дата обращения: 20.02.2017). — На укр. яз.
10. О языках народов Российской Федерации : закон РФ : [25 октября 1991 года ; № 1807-I ; с изм. и доп.] // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система

правовой информации : сайт. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012883&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 20.02.2017).

11. Об образовании в Республике Крым : Закон Респ. Крым : [принят Гос. Советом Респ. Крым 17 июня 2015 г. ; № 131-ЗПК/2015] // Правительство Республики Крым : сайт. — URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_252464.pdf (дата обращения: 18.03.2017).

12. Об утверждении Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия» на 2015–2017 годы, и порядков использования средств бюджета Республики Крым : Постановление Совета Министров Респ. Крым от 09 апреля 2015 года № 185 // Правительство Республики Крым : сайт. — URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_245751.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

13. Платонова, А. В. Исследование языковых тенденций печатных массмедиа Крыма после его вступления в состав Российской Федерации / А. В. Платонова // Инновационные технологии в науке и образовании : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 авг. 2015 года) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. — С. 150–152.

14. Регионы Автономной Республики Крым за 2012 год : стат. сб. / Под ред. А. И. Балдиной ; отв. за вып. Л. Н. Петруненко. — Симферополь : Гл. упр. статистики в Авт. Респ. Крым, 2013. — 326 с. — На укр. яз.

15. Черненко, А. Языковое меню / Анна Черненко // Зеркало недели. Украина : электрон. газ. — 2005. — 17 июня. — URL: http://gazeta.zn.ua/CULTURE/yazykovoe_menyu.html (дата обращения: 20.12.2016).

16. Численность и состав населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года / Государственный комитет статистики Украины // Всеукраїнський перепис населення 2001 : сайт. — URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/crimea/> (дата обращения: 18.03.2017).

17. Численность, национальный состав: население Крыма и Севастополя / Statdata.ru // Statdata.ru – сайт о странах и городах : сайт. — URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-krima-i-sevastopolya> (дата обращения: 1.04.2017).

18. Эмирова, А. М. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка / А. М. Эмирова // Сайт крымского общественного движения «Евразия» : сайт. — URL: <http://www.krod.narod.ru/oboz12.htm> (дата обращения: 18.03.2017).

19. Этнополитические процессы в Крыму : исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н. В. Киселёва, А. В. Мальгин, В. П. Петров, А. А. Форманчук. — Симферополь : Салта, 2015. — 352 с.

Статья поступила в редакцию 2.05.2017

Shevchenko, R. I. *Language Policy in Crimea: A Comparative Analysis of the Russian and Ukrainian Legislative Acts*

While focusing on the idea of language policy, the article offers an analysis of the 2014 pre- and post-plebiscite language policy development trends in Crimea. The paper pinpoints improvement prospects for language policy-making in Crimea in contest of the former Ukrainian legislation and present circumstances. An attempt at a comparative analysis of the Russian and Ukrainian legislation suggests that at present language policy in the Crimean region is still in its development stage.

Keywords: language policy, comparative analysis, language situation, legislative acts, official language.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 5
2017

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Редактор англ. яз. – *А. С. Свистунов*
Составление, верстка, оригинал-макет – *В. Р. Шадрин*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13, каб. 3.7

E-mail: iorbook@sevsu.ru

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

***Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от
25.12.2015.***

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 3.07.2017. Формат 60×84/8. Заказ № 68/17.

Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 8,28. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7